

Ирина Кайлес

КАЮ

ДАГ

НЕМКМ

Ирина Кайлес
Ключ для пешки

«Accent Graphics communications»

2014

Кайлес И.

Ключ для пешки / И. Кайлес — «Accent Graphics communications», 2014

Феде пятнадцать. Он не представляет своей жизни без музыки; ненавидит отчима; страстно, но безответно влюблен. Самые заветные желания кажутся недостижимыми. Но однажды... на экране ноутбука появляется странное сообщение, предлагающее вступить в некую Игру. Награда победителю – «код доступа к счастью» и... исполнение любой мечты! Ну как не ответить согласием? Наступает время невероятных и захватывающих приключений, опасностей, неожиданностей, загадок... В то же время подросток начинает понимать содержимое Игры, ее главную составляющую – себя. Внезапно Игра перерастает в страшный и жестокий фарс, начинающий безжалостно ломать реальную жизнь подростка, вовлекать в действие его друзей и близких, ставить совсем не детские задачи. Вихрь событий закручивается все плотнее и в итоге приводит юношу к необходимости сделать непосильно тяжелый выбор. Но еще хуже приходится создателям этого эксперимента, которые считали себя повелителями целых миров и не подозревали, что сами были всего лишь пешками...

© Кайлес И., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	53
Глава 7	72
Глава 8	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ирина Кайлес

Ключ для пешки

Быть может, поединок Добра и Зла происходит каждую секунду в сердце каждого человека, ибо сердце и есть поле битвы, где сражаются ангелы и демоны. На протяжении многих тысячелетий бьются они за каждую пядь, и так будет продолжаться до тех пор, пока один из противников не уничтожит другого.

Пауло Коэльо. Дьявол и синьорита Прим¹

*Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей.
Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы*

Феде пятнадцать. Он не представляет своей жизни без музыки; ненавидит отчима; страстно, но безответно влюблен. Самые заветные желания кажутся недостижимыми. Но однажды... на экране ноутбука появляется странное сообщение, предлагающее вступить в некую Игру. Награда победителю – «код доступа к счастью» и... исполнение любой мечты! Ну как не ответить согласием? Наступает время невероятных и захватывающих приключений, опасностей, неожиданностей, загадок... В то же время подросток начинает понимать содержание Игры, ее главную составляющую – себя.

Внезапно Игра перерастает в страшный и жестокий фарс, начинающий безжалостно ломать реальную жизнь подростка, вовлекать в действие его друзей и близких, ставить совсем не детские задачи. Вихрь событий закручивается все плотнее и в итоге приводит юношу к необходимости сделать непосильно тяжелый выбор. Но еще хуже приходится создателям этого эксперимента, которые считали себя повелителями целых миров и не подозревали, что сами были всего лишь пешками в другой, куда более серьезной Игре...

¹ Перевод А. Богдановского.

Пролог

Ариас и Дэмиаль сидели на вершине скалы. Перед ними расстился прекраснейший горный пейзаж. Вдалеке поблескивали на солнце изумрудные волны моря.

– И все-таки Земля очень красива... – задумчиво произнес Дэмиаль.

– Ты чувствуешь красоту? – насмешливо поддел его Ариас. – Ты же темный.

– Я чувствую то же, что и ты, – тихо и спокойно ответил Дэмиаль, – просто думаю по-другому и принимаю другие решения.

– Иногда мне кажется, тебе самое место на светлом факультете.

– У меня другие составляющие, – по красивому лицу темного ангела скользнула лукавая усмешка.

– О! Смотри! – Ариас указал вниз.

На гору взбиралась небольшая горстка альпинистов. Ангелы расхохотались.

– Сколько же усилий... – Дэмиаль кинул презрительный взгляд на людей, – чтобы просто залезть повыше. И ощутить свою значимость.

– Нам это уже не понять, – в выражении лица Ариаса что-то неуловимо изменилось, взгляд стал задумчивым и серьезным. – Для них это важно.

– Для них важно все, но только не главное.

– И снова ты говоришь, как светлый.

– Я просто подтверждаю истину: тьма заложена в самой сути.

– Бред называть истиной самое большое заблуждение.

– Я не буду с тобой спорить. Давай в море?

– Давай.

Ангелы взмыли в воздух, с немыслимой скоростью пронеслись над горами и полетели над спокойной, прозрачной морской гладью, наслаждаясь движением и свободой.

Глава 1

Пианист

Федя стоял посреди огромного круглого зала с темно-синими сводами, поблескивающими призрачным мягким светом. Ощутил под босыми ногами холодный, невероятно гладкий пол. Тишина. Ни шороха, ни звука. Осмотрелся вокруг. Никого. Почему-то стало страшно. В зале явно ощущалось чье-то незримое присутствие. Легкое дыхание едва коснулось правого уха... Юноша вскрикнул, побежал со всех ног, но вскоре понял, что никуда не движется. Он словно бежал по беговой дорожке, так и оставаясь в самом центре зала. В панике, резко обернулся назад и замер: недалеко от него появились две двери. Справа – белая, искрящаяся голубовато-золотыми лучами, слева – черная. Вот он, выход! Сейчас Федя точно знал: выход – белая дверь. Такой теплый, ласковый свет, излучающий покой, безмятежную радость и счастье... Юноша решительно направился к светящейся двери, но тут очертания зала размылись, закружились грязно-серыми хлопьями, превращающимися в бесконечную паутину. Воздух потемнел, будто в нем гигантской кистью размешали мрак. Чьи-то ледяные пальцы вцепились в плечи, в ноги, в шею... Неподдающийся контролю, безграничный ужас завладел всем существом подростка. Отчаянно отбиваясь от невидимых противников, Федя закричал, но... в его горле словно выключили звук. Вокруг безмолвно материализовались безликие плотные тени, с расплывчатыми, постоянно меняющимися телами, опрокинули его навзничь, поволокли к черной двери.

...вырваться...

...освободиться...

...тело не слушается, оно почему-то стало тяжелым, как камень, точно не своим...

...как парализованный, не пошевелить ни рукой, ни ногой...

Надо позвать на помощь, но... он не может крикнуть!!! Связки, кажется, сейчас порвутся от напряжения. Крик снова останавливается в горле. Душно...

Черная дверь уже совсем близко. Медленно открывается... Из крошечной темноты доносятся низкие утробные звуки... Тело сковывает ледящий потусторонний холод... Невыносимо гадкий смех... везде... со всех сторон... Этот смех, как сверло, проникает в мозг, истеричные повизгивания рвут слух на части... Федя сопротивляется изо всех сил, но его подтаскивают еще ближе...

Крик... наконец... вырывается из груди!!!

Проснулся.

Весь в холодном поту, чуть отдышавшись, Федя быстро протянул руку к столику, включил ночник, что-то зацепил. Это что-то скатилось и громко треснулось об пол. Увидев на потолке большое светящееся пятно, юноша вскрикнул, но тут же фокус в глазах настроился: это была дата, высвечиваемая проекционным будильником, который он уронил, – 05.03.2007. Федя свесился с кровати, поднял его, проверил, нажав несколько кнопок: вроде не сломался. Времени два часа ночи... Подросток поставил будильник на место, инстинктивно провел по шее рукой: горло будто скотчем обклеили.

– Приснится же гадость такая... – прошептал сам себе.

Федя откинулся на подушку. Страшно закрыть глаза. Раньше ему никогда не снились кошмары, а этот сон повторился уже в третий раз. Странно.

Подросток встал, включил свет. На обратном пути к кровати, проходя мимо зеркала, вдруг заметил у себя на шее большой кровоподтек. Сильно вздрогнул, остановился, всмот-

релся в отражение... Облегченно выдохнул: видимо, показалось. На всякий случай, внимательно себя оглядел: сон был каким-то уж чересчур реальным.

Невысокий, хорошо сложенный, с тонкими, немного неправильными чертами лица, в свои почти пятнадцать, Федя Литвинов смотрелся пусть не круто, но вполне презентабельно. Однако сейчас ему так не казалось: отражение выглядело довольно жалко. Темно-синяя пижама помята так, будто ее долго прокручивали в мясорубке. А ведь горничная вечером положила чистую, свежевывглаженную, без единой складочки. В черных, как уголь, глазах, обычно блестящих и живых, а теперь со следами конкретного недосыпа, застыл испуг. Сильно вьющиеся кольца белокурые волосы, длиной чуть выше плеч, спутаны и взъерошены. Отдельные влажные пряди прилипли ко лбу. Почему-то сейчас на бледном лице особенно ярко вырисовывался контраст светлых кудрей с черными глазами, на который при первом знакомстве с Федей все неизменно обращали внимание. Это редкое, но красивое сочетание всегда придавало его облику некую особую одухотворенность.

Федя вдруг разозлился на себя: что за детские страхи, в конце концов! Подумаешь, сон... Только странно, что он повторяется, и все время одинаково. Неприятный холодок пробежал по спине. Подросток выпрямился, попытался выкинуть из взгляда панический ужас, до сих пор дрожавший нервной стрункой внутри. Не получилось.

С отвращением отвернувшись от зеркала, юноша подошел к окну, приоткрыл тяжелую штору. В свете фонаря тихо падал снег. Даже не мокрый, а мягкий и пушистый, будто сейчас январь, а не начало марта. Федя понял, что уснуть он теперь вряд ли сможет. Накинув на плечи мягкий плед, сел за синтезатор, надел наушники и принялся дописывать вчерашнюю композицию.

Федя родился в одном из российских городов-миллионников, в семье педагогов. Мама преподавала фортепиано в музыкальной школе, папа – физику в университете. Родители любили друг друга, в сыне души не чаяли. Однако, когда мальчику исполнилось пять лет, все изменилось.

Федя тогда мало что понимал, но замечал: мама все чаще плакала, а папа все дольше задерживался на работе. Почему-то родители постоянно ссорились, и однажды, после подобной ссоры, отец ушел и домой уже не вернулся. Причина была банальна: девятнадцатилетняя красавица-студентка, вскружившая голову. Мама тогда проплакала всю ночь, а Федя тихо лежал в своей кроватке, не осознавая, что произошло, но всем своим маленьким существом понимая: случилось большое горе. Он притворялся спящим и молча глотал слезы, боясь еще сильнее расстроить маму.

Развелись быстро, без лишнего шума. Отец оставил им квартиру и вскоре, вместе со своей новой пассией, уехал жить в Америку. Вначале он писал, присылал сыну подарки, помогал деньгами, но потом это стало случаться все реже, и, в конце концов, связь оборвалась.

Федя очень тяжело пережил развод родителей. Он не мог понять, почему отец, самый близкий и любимый человек, в котором малыш так нуждался, ушел. Как подобное вообще могло случиться?! Ведь это неправильно, несправедливо. Не бывает так. Это предательство невозможно было простить. Детская боль и обида навсегда заняли свое место в глубине чувствительного, ранимого сердца. Но... жизнь продолжалась. И теперь пришлось привыкать жить по-другому: наступил 1998, в стране разразился кризис.

Благополучие и достаток ушли в небытие, сменившись борьбой за существование. Мать с утра до ночи работала на трех работах, чтобы прокормить ребенка. Эти трудные годы оставили в памяти свои следы: старую, потрепанную одежду, обувь, которую впору выбросить на свалку, скудный рацион, состоявший исключительно из риса, макарон, гречки и овсяной каши. С тех пор Федя терпеть не мог овсянку, ему даже смотреть на нее было противно.

Когда Феде исполнилось десять лет, счастье, казалось, улыбнулось их маленькой семье: мама познакомилась с весьма состоятельным бизнесменом Олегом Литвиновым, владельцем крупного автомобильного холдинга. Развился бурный роман, и мама вышла замуж. Они с Федей переехали в трехэтажный особняк, у мальчика появилась своя комната, все вещи, о которых он мечтал. Олег усыновил Федю, дал ему свою фамилию. Отчество, правда, по настоянию матери, оставили от родного отца, Вячеслава. По мнению Наташи, «Федор Вячеславович» звучало несравнимо лучше, чем «Федор Олегович». Олег не спорил, ему было все равно. Мальчика перевели в элитный лицей. Каждое утро его отвозил на занятия водитель на черном «ленд круизере». Водитель вообще был доступен в любое время и, естественно, согласен на любой маршрут. Сам Олег ездил на новеньком «порше».

Федина мама, Наталья Алексеевна, была счастлива, как никогда. Олег по франшизе купил ей бутик женской одежды премиум класса. Наташа с интересом отдалась новому делу, быстро подняла бизнес на хороший уровень и превратилась в красивую, преуспевающую, уверенную женщину. Она выглядела намного моложе своих тридцати семи: стройная, стильная, изящная блондинка с эффектной удлиненной стрижкой. Вместе с Олегом они смотрелись идеальной парой.

Олег Павлович – крупный, высокий, широкоплечий, всегда производил впечатление человека солидного и властного. Коротко остриженные темно-русые волосы, широкий лоб, волевое лицо... Умные пронзительные глаза, казалось, видели человека насквозь. Подчиненные боялись Олега как огня. Когда он входил в офис, у всех, без исключения, сотрудников начиналась нервная дрожь. Однако с Наташей он был совсем другим: внимательным, заботливым, и это она ценила более всего.

Отношения с Федей выстраивались по-другому. Олег Павлович считал, что в воспитании мальчика, как и в руководстве компанией, главное – жесткость, дисциплина и постоянный контроль. Только вот порой жесткость доходила до жестокости. Федя ненавидел отчима. Он не мог избавиться от страха перед этим человеком. Сильный, категоричный, Олег всегда был требователен и к себе, и к другим. Неподчинение исключалось. Пятиминутный воспитательный разговор обычно запоминался надолго, а при действительно серьезных проступках могли остаться последствия в виде синяков.

Камнем преткновения между супругами стала учеба Феде в музыкальной школе. Мнение Олега было однозначным: для парня это – извращение. Однако Наташа твердо стояла на своем. Еще в те тяжелые времена она изо всех сил старалась дать ребенку музыкальное образование и бросить его сейчас считала невозможным, тем более что мальчик обладал исключительной одаренностью. О таких детях говорится «Бог поцеловал». Много раз педагоги предлагали отвезти его учиться в Москву, в ЦМШ, специализированную школу при консерватории, но раньше на это не было денег, а теперь Олег ни о чем подобном даже слышать не хотел.

Как ни странно для парня в таком возрасте, занятия музыкой Феде очень нравились. Он особо не перенапрягался, а его незаурядный талант позволял достигать значительных успехов. К своим четырнадцати годам Федя великолепно играл джаз, мог сходу сыграть практически любую мелодию, которая была на слуху, от попсы до рока, а его свободным и легким импровизациям удивлялись все педагоги музыкальной школы. В лицее же, когда ему было лет одиннадцать и по телевизору показали его выступление на фестивале юных дарований, за ним прочно закрепилась кличка Пианист.

Уже вижу вашу язвительную улыбку, дорогой читатель. Понимаю: мальчик с хорошим воспитанием, из очень обеспеченной семьи, музыкой занимается, на фортепиано играет... Ха-ха! Герой... Успокою. Впечатление зачуханного интеллигента Федя вовсе не производил. Вполне обычный парень.

Олег не выносил, когда Федя начинал заниматься на фортепиано дома, не мог слышать ни одного звука. Мудрая Наташа, как всегда, нашла компромисс. Она купила сыну дорогой син-

тезатор, и теперь, когда Олег был дома, подросток занимался в наушниках. Синтезатор открыл Феде неведомый до того мир необычайных звуковых возможностей. Юноша часы напролет, не замечая времени, сидел за инструментом, создавая новые треки, экспериментируя с ритмами, тембрами, акустическими эффектами. Синтезатор Федя любил больше компьютера. И в то время как другие нормальные дети играли в стрелялки, он импровизировал или, с головой погружившись в работу, забывая в эти минуты обо всем, писал музыку.

Олег считал, что для воспитания парня необходимы регулярные спортивные тренировки, и настоял, чтобы Федя занялся каким-нибудь видом единоборств. Наташа не возражала, а мнения Феде никто и не спрашивал. Олег купил ему абонемент в самый дорогой элитный фитнес-клуб. Мальчику был предложен выбор между боксом, дзюдо и восточными единоборствами. Федя выбрал последнее. Занимался он без особого желания и без особых успехов. Не сказать, чтобы ему совсем не нравились эти занятия, но и без них он бы прекрасно обошелся.

Семь утра. Федя, с тяжелой головой, заткнул будильник. Встал, шатаясь дошел до ванной. Прохладный душ немного его разбудил. Кое-как оделся, спустился к завтраку. Долго и мрачно ковырялся в тарелке. Голова гудела, есть не хотелось совсем.

– Что, опять ночь не спал? – Олег уничтожающе взглянул на подростка.

– Нормально я спал.

– Я не слепой. Посмотри на себя, глаза все красные.

– Олег, да перестань ты к нему цепляться, – Наташа недовольно поморщилась.

Олег промолчал. Чтобы хоть как-то развеять напряжение, Наташа спросила сына:

– Как у тебя в школе дела?

– Нормально.

– Английский пересдал?

– Позавчера еще.

– Ну и?

– Четыре.

– И слава Богу, молодец.

– В чем молодец? – снова встрял Олег. – Так ведь и будет всю жизнь не дотягивать.

– До чего не дотягивать?! – Наташа взорвалась. – Можно подумать, ты в школе отличником был!

– Сейчас время другое. И требования другие.

– Давай он сам как-нибудь разберется.

Федя встал из-за стола:

– Спасибо.

– Ты же не съел ничего...

– Мам, я не хочу, я наелся.

– Двумя ложками?

– Ну я не хочу больше. В школе поем.

Федя быстро ушел в свою комнату, собрал сумку и пулей вылетел из дома. Сидя на мягком заднем сиденье джипа, мечтал о том, что станет взрослым, купит себе квартиру и никогда уже не будет завтракать с Олегом. Однако вскоре его мысли переключились на другую, не менее важную проблему: Костик Бочков со своей компанией.

Костя, сын здешнего «олигарха», владельца сети алкогольных супермаркетов, был этой звездой местного масштаба. Он считал себя умным, интересным, сильным и самым крутым. Насчет ума можно поспорить, хотя он на самом деле учился в классе лучше всех, но вот внешностью природа действительно его не обделила: высокий, красивый, подтянутый. Темные жгучие глаза в обрамлении пушистых ресниц, прямой нос идеальной формы, густые, немного

вьющиеся черные волосы... Было в нем что-то южное, горячее, наверняка в роду не обошлось без испанцев или итальянцев.

Бочков был прирожденным лидером. Он сколотил в классе крепкую команду из шести парней, которая стала чем-то вроде школьной мафии. Ребята в компании Костика полностью ему подчинялись. Имелись даже образчики полного раболепства, такие, как Мишка Поносов, по кличке Унитаз – противный, вечно сопливый, долговязый парень. С компанией Бочкова предпочитали не связываться, ведь ради самоутверждения Костик использовал любые методы.

Федя Литвинов до крайности не нравился Бочкову. Если бы Костю попросили объяснить причину неприязни, он, наверное, не смог бы этого сделать, но Федю он на дух не выносил. Поэтому Литвинов был для компании Бочкова своего рода мишенью для всевозможных подкалываний, язвительных замечаний и издевательств. В сложившейся ситуации Федя занял довольно стойкую позицию, всегда подчеркивая в своем отношении к Костику редкостное презрение и пренебрежение. Он в основном игнорировал все нападки, при надобности мог ответить, и, уж конечно, признавать авторитет Бочкова он не собирался.

Так вот вчера, на большой перемене, Костик, под истерический смех «группы поддержки», попытался тихонько прикрепить к Фединой спине листок с крупно распечатанной надписью: «vopuch_kak@idiot.fu», но сделать этого не успел. У Литвинова реакция сработала мгновенно. Он резко развернулся и локтем ударил Бочкова так, что тот упал. Из кармана Костиной рубашки вылетел iPod и с удивительной точностью угодил в пролет между лестницами. Пролетев вниз три этажа, iPod скончался на месте. Федя был уверен: просто так Бочков это не оставит, и теперь прокручивал в голове все возможные неблагоприятные варианты развития событий.

«Ленд крузер» затормозил у школьных ворот. Федя выскочил из машины и тут же получил по шапке крупным снежком. Кинув сумку в снег, ответил тем же.

– Промазал! – весело улыбаясь, подкатился по ледовой дорожке Ян Шабуров, уже успевший порвать рукав своей новой темно-зеленой куртки. Из-под съехавшей набок серой трикотажной шапки выбивались вечно взъерошенные черные волосы.

Федя быстро нагнулся и сунул другу за шиворот комок снега.

– Да блин... – Ян выгреб снег и целенаправленно помчался к маленькой подсобке.

– Ты куда? – крикнул ему вдогонку Федя.

– За сосулькой! Вон за той! – Шабуров указал на здоровенный нависший ледник, который весьма сложно было бы назвать «сосулькой». Хотя Ян немного повыше и покрепче Феде, ему вряд ли удалось бы это оторвать, но на всякий случай Литвинов помчался к школе со всех ног.

Ян – единственный близкий друг. Литвинов вообще особой популярностью в классе не пользовался. Замкнутый и неразговорчивый, он всегда был избирателен в общении. С Шабуровым же они как-то сразу сдружились, когда Федя только появился в этой школе. Казалось, они знали друг друга сто лет.

Яна в школе все любили – и ученики, и учителя. Всегда открытый, позитивный, до краев переполненный радостной юной энергией, он мог свести на шутку что угодно. Даже если он молчал, в его присутствии всем становилось смешно. Казалось, проблем для него не существует. Он никогда ничем не грузился, к жизни относился легко, беззаботно, а зачастую – безалаберно. Круглое лицо украшала обаятельнейшая улыбка, а в невероятно живых темно-карих глазах всегда блеснул огонек.

Федя с Яном мобильно передвигались по школьному коридору.

– Вот блин, учебник по геометрии дома забыл... – хлопнул себя по лбу Шабуров.

– Эй ты, Литвинов! – послышалось сзади.

Федя быстро повернулся. Ян остановился вместе с другом. Бочков, Поносов и компания дружно и омерзительно ухмылялись.

– Ты в курсе, что мой iPod восстановлению не подлежит? – с конкретным наездом приблизился Бочков.

Федя усмехнулся, ведь так и знал:

– И что теперь?

– Что теперь? – Бочков изобразил крайнюю степень презрения. – Теперь ты завтра принесешь мне деньги на новый.

– Это с какого перепугу? Бочков, ты чё, обкурился?

Костик подошел вплотную:

– Ты сломал – ты и платишь.

– За свою тупость каждый платит сам, – отрезал Федя.

– Ты, Бочков, когда в следующий раз пошутить захочешь, технику из карманов вынимай, – вмешался Ян, – и бронжилет себе приобрети с бронетрусами, а то мало ли, новое-то купить не все можно.

– Помолчи, Шабуров, – огрызнулся Бочков. – Хорошо еще не ты на его месте. С нищего что возьмешь?

– Кто ж тогда ты, если я нищий? – парировал Ян. – Ходишь тут, побираешься... Бочков сдержал желание ударить: недалеко стояла завуч.

– С тобой мы еще разберемся, – процедил он сквозь зубы, повернулся к Феде:

– Завтра чтоб принес деньги, Пианист.

– Иди-ка ты, Бочков... – Федя презрительно поморщился. – Ян, как поинтеллигентнее сказать «куда»?

– М-да-а-а, задача сложная. Чё-то не получается интеллигентно, может *иначе*?

– Да ладно, Ян. Не будем убогих обижать.

– Ты плохо понял?! – Бочков сильно толкнул Федю.

– Так, что тут происходит?! – подошла завуч.

– Ничего, все нормально, – Федя дернул друга за рукав. – Ян, пойдем.

Первым уроком была алгебра. Федя, морально настроившись на скучное перебирание цифр, вяло доставал из сумки тетради и учебники. Дверь открылась, являя народу строгую, но справедливую математичку – Светлану Евгеньевну. Привычный шум в классе стих. И тут... Федя просто впечатался в стул: в класс вошла девушка неземной красоты. Невысокая, очень стройная, густые темно-каштановые волосы волнами рассыпаны по худеньким плечам. Большие, глубокие и выразительные карие глаза с длинными и густыми ресницами, тонкие черты лица, пухлые мягкие губки... Одетая по последнему писку гламура. По рядам пронесся шепот. Из угла, где сидел Бочков, послышалось наглое «Вау!» и присвист хором. Девушку, однако, это несколько не смутило. Она спокойно и невозмутимо оглядела класс.

– Знакомьтесь: ваша новая одноклассница, Ирина Рашевская, – представила девушку Светлана Евгеньевна. – Она недавно вернулась из Парижа, где жила три года. Надеюсь, вы хорошо ее примете в свой коллектив. Проходи, пожалуйста, садись.

Девушка изящно прошла между рядами, села на свободное место.

Федя вошел в ступор. Не может этого быть! Вихрем, ярким, сумасшедшим, в голову ударило воспоминание: прошлое лето, Париж, жара, пешеходная экскурсия, площадь Вогезов... Гид довольно живо и интересно рассказывает о свадьбе Людовика XIII и Анны Австрийской. Олег вставляет пошлую шутку по поводу того, что жених и невеста были ровесниками Феде (жуть!): «И что, все доросло? По нашему как-то не видно... Девочка, хочешь замуж за Федю?» – спрашивает он стоящую рядом толстую рыжую девчонку примерно того же возраста. Группа дружно ржет. На веснушчатом лице девчонки под ядовитокоричневыми пластмассо-

выми очками расплывается широкая улыбка, обнажая железные скобки на лошадиных зубах. Федя понимает, что в своих мечтах она уже не просто вышла за него замуж, но и родила двоих детей. Едва сдержав желание высказать Олегу все, что он о нем думает, юноша отходит от группы в сторону, и неприятный эпизод на удивление быстро забывается. Воображение разыгрывает целый спектакль, перед глазами оживают герои Дюма: д'Артаньян, мушкетеры... Это так легко представить здесь, в городе, в который Литвинов влюбился с первого взгляда, где даже воздух наполнен невыразимым очарованием, пьянящим ощущением легкости, изящества, полноты жизни и мудрости наслаждения. Никакие небоскребы и самые роскошные современные здания не сравнятся с серыми, чуть постаревшими домами с маленькими балкончиками, так стройно и органично украшенными изящными чугунными решетками, изощренные орнаменты которых никогда не повторяются, поражая воображение разнообразием вариантов единого, безупречно выдержанного стиля.

Любуясь завитком элегантно вытянувшегося фонаря, Федя вдруг услышал справа от себя тихий вскрик, что-то стукнулось о булыжники мостовой и прикатилось прямо к его ноге. Юноша машинально взглянул вниз: у его ног лежал маленький, нежно-фиолетовый женский зонтик. Федя нагнулся, поднял зонтик, огляделся в поисках его обладательницы и замер: к нему подошла совсем юная девушка в легком бледно-фиолетовом сарафане. Она словно вобрала в себя всю прелесть и очарование Парижа: густые пряди темно-каштановых волос, небрежно прикрытые невообразимо красивой воздушной шляпкой, рассыпались по худеньким плечам, и лучи полуденного солнца играли в них волшебными отблесками. Один взгляд, и... мир остановился. Бывают мгновения, которые остаются в памяти на всю жизнь. Невозможно объяснить, что именно произошло в тот миг, но он запомнился Феде навсегда. Тогда юноша, казалось, понял всю суть женской красоты. Незнакомка словно окутала его облаком неземного обаяния, позволив приблизиться к непостижимому, коснуться неведомого... Надо было что-то сказать... наверное... Девушка улыбнулась, взяла зонтик из его рук: «Merci».² Федя так и не смог ничего произнести в ответ, а девушка быстро растворилась в толпе туристов. Федя узнал бы ее из миллиона. И сейчас он словно вернулся в то самое мгновение, только она была не эфемерным сказочным видением, как это казалось тогда, а реальным человеком. И она сидела здесь, через три парты от него... Ничего подобного раньше с юношей не происходило никогда. Он начисто забыл даже на каком уроке находится. Сердце взволнованно забилось, на лице появилась абсолютно глупая улыбка. Ян толкнул его в бок.

– Ну чё, все с тобой ясно, – прошептал он Феде в ухо.

– Заткнись, – Федя смутился еще больше, попытался изобразить обычное выражение лица, но получилось только еще глупее. Он пропустил мимо ушей пол-урока, витая где-то в облаках, что не ускользнуло от всевидящего ока математички.

– А теперь Литвинов, который, как я вижу, очень внимательно меня слушал, пойдет к доске и покажет все вышесказанное на примере.

Федя не слышал даже этого. Ян пихнул его:

– Очнись, эй!

– Чего?

– К доске иди, дурак! – прошипел Ян.

– Да, Литвинов уже ничего не слышит. Ты у лор-врача когда был в последний раз?

Густо покраснев, Федя вскочил, пробормотал: «Извините», вышел к доске. Юноша готов был сквозь землю провалиться. Позор удался по высшему разряду. Мало того что Федя ни слова не слышал из сегодняшней лекции, – при одном взгляде в сторону, где сидела новенькая, у него отнимался язык и он забывал даже то, что прекрасно знал раньше. Класс хохотал до

² Merci – спасибо (фр.).

колик. Через десять минут и Светлане Евгеньевне уже стало смешно. Чисто по-человечески пожалев парня, она решила прекратить публичное издевательство и сказала:

– Ладно, Литвинов. Не знаю, что с тобой сегодня происходит, но «два» придется все-таки тебе поставить. Завтра после уроков можешь прийти и пересдать. Садись.

Проходя к своему месту, Федя украдкой взглянул на девушку, встретил презрительную улыбку и понял: шансов у него нет. Совсем. Никаких.

Прошло два дня. Федя торопился в музыкалку, решил срезать дорогу, пошел через гаражи. От лица до музыкальной школы расстояние было небольшим, и он всегда ходил туда пешком. Завернул за угол, и... пришлось остановиться.

– Ну, что, Литвинов, ты мне денежки принес? – Бочков, явно довольный собой, упивался предвкушением приятного эпизода.

Федя быстро огляделся вокруг. Надо же так лохануться! Зачем он пошел этой дорогой?! Тут даже отступать некуда... Пятеро. При всем желании не справиться.

– Я тебе, Бочков, все уже ясно сказал, – Федя пытался говорить как можно более уверенно и нагло, и ему неплохо это удавалось. – Или до тебя с первого раза плохо доходит?

– Это ты меня плохо понял, придурок! Не хочешь платить – извиняйся! Вставай на колени и проси прощения! Сделаешь – не тронем.

– Ты чё-то путаешь, Бочков. Ничего, я понимаю, дефекты в психике... – Федя побледнел, губы задрожали от гнева, но ему еще удавалось сохранить внешнюю невозмутимость. – Это тебе нужно передо мной извиняться. Давай, я слушаю.

Литвинов ловко увернулся от удара, сбил с ног Бочкова и еще кого-то, однако последующая борьба длилась недолго. Вскоре двое держали Федю, скрутив ему руки за спиной, остальные злобно его избивали. Юноша отчаянно сопротивлялся, но силы были слишком неравны. В конце концов противникам удалось повалить его на колени.

– Ну что, хватит или еще хочешь? Проси прощения, Пианист, – Костик пнул в мокрый сугроб валявшуюся рядом Федину сумку. – Ну!

Федя плюнул ему в лицо, прекрасно понимая, что жест идиотский, но никакой другой гадости Бочкову сейчас он сделать не мог. И чуть не потерял сознание от последовавшего удара.

Раздался резкий скрип тормозов. Федя услышал, как невдалеке за его спиной громко захлопнулась дверца автомобиля, и, по всей видимости, вышедший из машины человек теперь быстро бежал по направлению к гаражам:

– Эй, там! Я вам щас все мозги вышибу, уроды!.. А ну стойте!

«Какой-то знакомый голос», – подумал Литвинов, проехавшись лицом по обледеневшему асфальту. Его сильно пнули в спину, и вся компания дружно скрылась, убегая со всех ног.

– Эй, ты жив? – кто-то осторожно тронул за плечо.

Федя с трудом приподнялся на локте, повернул голову. Только не это... Лучше б его убили. Олег Павлович, поморщившись, оглядел подростка:

– М-да... Видок у тебя... Все цело? Может, в больницу?

– Нет. Все нормально, – собрав всю оставшуюся силу воли, Федя поспешно поднялся на ноги. Олег ему помог.

– Голова не кружится?

Федя отрицательно помотал головой, изо всех сил стараясь стоять прямо. На самом деле ему конкретно было нехорошо.

– Пойдем, отвезу тебя домой, – Олег поднял валявшуюся неподалеку Федину шапку, отряхнул, протянул подростку.

– Не надо, я сам дойду. Спасибо, – Федя с трудом надел шапку: правая рука плохо поднималась.

– Давай довезу до дома, не дойдешь ведь!

– Дойду. Я в порядке.

Олег Павлович с большим сомнением посмотрел на юношу, но настаивать не стал.

– Что им нужно?

– Ничего.

– Ну, не хочешь – не говори, – довольный собой, Олег был в хорошем расположении духа. – Иди домой, умойся.

Олег сел в машину, уехал. Федя стоял в растерянности. С одной стороны, он был благодарен отчиму, но в душе поднималась такая волна стыда, что именно этот человек увидел его в подобном положении... Человек, которого он боялся и ненавидел всем сердцем, но чье мнение все же для юноши было определяющим.

Задыхаясь от ярости, Федя вытащил из сугроба сумку, отряхнул, поплелся домой. Его шатало. Острая боль пульсировала где-то слева, под ребрами. Правое колено при каждом шаге ныло невыносимо. Подросток присел на скамейку, откинулся на спинку, прикрыл глаза. Когда немного пришел в себя, вспомнил, что уже безнадежно опоздал на урок, теперь прогулять придется. Надо хоть педагогу позвонить... Сунул руку в карман полупальто и тут же отдернул, сильно порезав обо что-то палец. Литвинов слизал кровь, сплюнул, нашел в другом кармане платок, обернул вокруг ранки. Уже крайне осторожно залез в карман, тихонечко достал мобильник... Вот черт! Экран разбит вдребезги, наверное, уже не отремонтировать. Крайне неприлично громко выругавшись, Федя поднял голову и через секунду готов был сквозь землю провалиться. Влажные карие глаза с длинными ресницами смотрели на него удивленно и презрительно. Ирина, та самая новенькая, прошла мимо, не сказав ни слова.

Литвинов довольно быстро оклемался. Плохо ему было только по дороге домой, он даже пожалел, что не согласился поехать с Олегом. Дома же охающие мама с горничной быстро привели его в порядок, обработали все ссадины, приложили лед к распухшему колену, и к вечеру юноша чувствовал себя пусть не хорошо, но вполне сносно. Драповое черное полупальто сыграло роль амортизатора и смягчило удары. Хотя самому пальто пришлось в последующие дни пройти через химчистку и ателье, где пришили наполовину оторванный рукав. Телефон выбросили на помойку и сразу купили новый. При таком уровне обеспеченности семьи это не было проблемой.

Наташа долго пилила Олега за то, что не довез сына до дома, Федю пилила, что тот наотрез отказался поехать в больницу. Потом Наташа с Олегом вместе доставали Федю, пытались выяснить имена «малолетних преступников» и причину драки. Поступило предложение написать заявление в милицию, пойти в школу... Подросток молчал как партизан и заявил: если они появятся в школе, он туда больше не пойдет. В конце концов Олег пришел на помощь:

– Ладно, Наташ, отстань от него. Не хочет говорить – значит сам разберется. Молодец, хоть немного по-мужски мыслить начинает.

Федя гневно сжал губы, внутри все закипело: «хоть немного» убило «молодец» на корню.

– Нельзя в себе держать все проблемы! – возразила Наташа. – На то и существует семья, чтобы помочь в такие моменты!

– Наташ, поверь мне, это не тот момент, – ответил Олег, и Федя впервые в жизни почувствовал с ним солидарность. На этом и закончили.

Несколько последующих дней Бочков победителем смотрел на Федю, но, осознав в конце концов, что тот признавать себя побежденным не собирается, как-то прошипел ему в ухо, проходя мимо:

– Будь уверен, ботаник, я тебя достану!

– Долго дотягиваться будешь. Подрасти сначала.

– Я тебя с такой грязью смешаю, не отмоешься.

– Я, Бочков, с такой грязью, как ты, не смешиваюсь. У меня ингредиенты другие. Бочков презрительно усмехнулся и зашел в класс.

Федя больше не грузился по поводу Кости. Он знал: после недавней сцены Бочков еще долго его не тронет, просто потому, что сильно испугался в тот раз: его видел Олег. За драку могли исключить из лица. Намного больше Литвинова волновало другое: новенькая нравилась ему так, как не нравилась еще никогда в жизни ни одна девушка. Было достаточно одного взгляда в ее сторону – и у юноши перехватывало дыхание, сердце начинало колотиться, как сумасшедшее. Стоило Рашевской просто появиться в поле зрения Феде, как он тут же становился рассеянным, неловким, у него неизменно что-нибудь падало. Один раз в столовке он десерт на себя опрокинул. Ян поначалу прикалывался, по-дружески, конечно, но потом понял, что это серьезный клинический случай, и перестал доставать Литвинова, которому было совсем не до шуток.

Ирина быстро стала центром внимания всего класса. Ослепительно красивая, неизменно уверенная в себе, она в то же время ни капли не походила на ярких, гламурных и наглых девиц, встречающихся в каждой школе. Напротив, более всего в ней привлекало какое-то тихое достоинство, можно даже сказать, аристократизм. И говорила она всегда так, что с ее мнением невозможно было не считаться. Девчонки с завистью присматривались к ней. У мужского состава она сразу же стала общим предметом вздыханий, чем вызвала глубочайшее неудовольствие прекрасной половины. За ее спиной шептались, обсуждали каждое слово и каждый шаг. В лицо же все общались очень мило и доброжелательно.

Главным претендентом на вакансию бой-френда Рашевской считал себя, конечно же, Бочков. Причем она явно ему симпатизировала, но держала пока на расстоянии. Как, впрочем, и всех остальных.

Федю страшно бесила популярность девушки. Она теперь словно стояла на пьедестале, дотянуться до которого простым смертным было не дано. Все попытки других парней подкатить к Рашевской вызывали у Литвинова взрывы мучительной ревности. И поскольку таких попыток больше всех предпринимал Бочков, ненависть Феде к нему возросла многократно.

Не передать, как Литвинову хотелось сделать первый шаг, однако даже просто подойти к Ирине и заговорить казалось юноше абсолютно нереальным. При одной только мысли об этом, волнение сразу зашкаливало за крайнюю критическую отметку и мозг погружался в глубокое состояние «off».³ К тому же, Федя искренне был уверен, что шансы его намного меньше нуля. Первые дни их знакомства были далеко не идеальными, и теперь Ирина вообще его не замечала, с неизменным равнодушием глядя сквозь него, как через оконное стекло.

В среду не было третьего урока: физичка заболела. Погода стояла великолепная – солнечная, безветренная... Федя с Яном убежали на набережную. Лед с реки еще не сошел, но солнце припекало уже совсем по-весеннему. Снег, сливаясь с горячими лучами в предсмертном экстазе, слепил глаза. Казалось, весной воздух стал совершенно другим, словно какой-то волшебник вплеснул в него неведомое вещество, некий гормон счастья.

Ребята долго просидели на скамейке, любясь солнечными бликами на льду и болтая ни о чем. Время пролетело незаметно. Ян взглянул на часы и громко выругался: на биологию уже катастрофически опоздали. Друзья вскочили со скамейки, понеслись в школу со всех ног. Подбежав к дороге, они не успели на зеленый сигнал светофора: машины помчались потоком – пришлось ждать. Федя согнулся, задыхаясь. В боку сильно кололо. И тут он вскрикнул от неожиданности: чьи-то цепкие пальцы крепко схватили его за руку. Юноша дернулся, резко обернулся. Рядом с ним стояла старая цыганка. Пронзительные черные глаза застыли на ее

³ Off – выключено (англ.).

уставшем лице, изборожденном глубокими морщинами. В них читался страх и нечто противоестественное, потустороннее, можно даже сказать, ненормальное.

– Пустите! – Федя растерялся.

– Подожди, – проскрипела цыганка. – Я скажу, и пойдешь дальше.

– Мне не надо ничего говорить, у меня денег нет! – невольно вырвалось. Мама однажды рассказывала Феде, как цыгане обманывают прохожих на улице, один раз она даже сама вот так попала.

– Мне не нужны твои деньги, мальчик, не обманывай зря старую женщину.

Литвинов густо покраснел. Деньги у него, естественно, были. Ян удивленно наблюдал за происходящим, пока еще не встречая.

Феде стало не по себе. Эта старуха была какая-то особенная. В ней будто дышала древняя сила, притягивая и одновременно пугая своей необычностью. Костлявая темная рука, покрытая браслетами, продолжала крепко держать рукав Фединой куртки.

– Ты тот, кто должен выбрать, – сказала цыганка. – На этом пути, Федя, тебя ждут жестокие испытания. Но заклинаю тебя, сделай правильный выбор. Судьба моего народа полностью будет зависеть от этого выбора.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – Литвинов смотрел на старуху удивленно и испуганно.

Цыганка не ответила. Она долго сверлила юношу глазами, а потом произнесла:

– Когда свет померкнет, помни: свет всегда живет внутри тебя.

Старуха развернулась, отпустив Федину руку, и быстро пошла прочь. Федя с Яном переглянулись. Когда через миг они посмотрели в направлении, куда ушла старуха, улица была уже пуста.

– Что за хрень... – Литвинов ощущал себя крайне некомфортно.

– Да ладно, не грузись, сумасшедшая какая-то.

– Я не понял, что она хотела этим сказать?

– Может, ты президентом станешь? Что-то там про выборы было...

– Да каким, на фиг, президентом?! Она говорила про какой-то мой выбор!

– Да забудь ты! Пошли быстрее, биология уже началась!

Как раз снова загорелся зеленый, и друзья побежали в школу.

Через несколько дней Федя уже и не помнил об этом эпизоде. Солнце становилось все более ласковым. Таял снег, звенела капель, пели птицы... Учиться весной – какой идиот придумал подобную пытку? А ведь совсем не за горами конец учебного года, экзамены, а долгов и пересдач – выше крыши.

На очередной перемене Ян с Федей сидели на подоконнике и в спешке просматривали учебники, готовясь к контрольной по анатомии. Рашевская сидела недалеко на скамейке в окружении стайки девушек. К ней подошел Бочков.

– Ириш, пошли в кино после уроков.

– Извини, Костик, не могу. У меня другие планы.

– Ну а завтра?

– Завтра – видно будет.

– Ириш, я так до завтра не доживу. Ты хочешь моей смерти?

– Не болтай ерунду, Бочков. Я подумаю.

– О'кей, ловлю тебя на слове.

Слыша весь разговор, Федя задыхался от бешенства. Он тупо смотрел в учебник, делая вид, что читает, но все его мысли были поглощены ненавистью и ревностью.

Костя же, продолжая рисоваться перед Рашевской, подошел к Литвинову.

– О-о-о, ботаник умеет читать книжки... – картинно дернул учебник в Фединых руках. – Анатомия!

– Отвяжись, Бочков. А то у меня возникает желание на тебе попрактиковаться.

– Попрактиковаться в каком смысле? Разделов в анатомии много... М-да. Если это то, о чем я подумал – будет действительно страшно.

Ребята, стоявшие вокруг, покатались от хохота.

– Ты сейчас свою мечту что ли изложил? – парировал Литвинов. – По Фрейду – так получается.

Хохот вокруг усилился. Бочков, не придумав, что сказать в ответ, грубо сдернул Федю с подоконника, но ударить не успел. Хоть Федя и не любил занятия единоборствами, в жизни они не раз уже ему пригождались. Через секунду Бочков отлетел к противоположной стене и с громким треском упал прямо в дверь, которая открылась настежь и тут же прихлопнула Костю по голове. Пунцовый от злости, Бочков вскочил, бросился к Феде, но тут из класса, куда он влетел, вышла завуч.

– Что здесь происходит?! Кто это сделал?

В коридоре стало как-то очень тихо.

– Я спрашиваю, кто это сделал?! – повторила завуч тоном тюремного надзирателя.

– Ну я, и что? – нехотя отозвался Литвинов.

– К директору. Оба.

– Ян, возьми мою сумку, – злой как черт, Федя направился за завучем. Бочков поплелся следом.

Директор лицея, «ВИП», как между собой прозвали ее ученики (в расшифровке – «вобла истеричная пересохшая»), с гестаповским лицом и злыми колючими глазами, сидела за массивным столом из красного дерева. Тон разговора, вернее, монолога, был такой, будто ребята убили всех учителей и сожгли школу.

– ...Вы прекрасно знаете: драки в нашей школе запрещены!!! Вы учитесь в элитном!!! лицее!!! Еще один подобный инцидент – и будет ставиться вопрос о вашем исключении! Я не позволю порочить имя нашего учебного заведения! Инна Аркадьевна, сейчас же запишите каждому предупреждение в дневник, и, если завтра рядом не будет подписи отца, вызовем родителей.

Притихшие, ребята вышли из кабинета. Через десять минут у каждого в дневнике красовалась размашистая надпись, нацарапанная жирной гелевой ручкой. Федя прочитал текст и понял, что вечер будет не из легких. Надпись гласила:

«Ув. Олег Павлович! Ваш сын сегодня принимал участие в драке в помещении школы и избил ученика. Предупреждаем Вас: при повторе подобного инцидента, Ваш сын будет немедленно исключен из Лицея без права восстановления. В этом случае, оплаченные Вами средства за обучение в текущем учебном году, по договору с Лицеєм, обратно не возвращаются. Просим принять меры для предотвращения подобных происшествий и расписаться, что Вы действительно прочитали данную информацию. С уважением, директор Лицея № 123, А. М. Шрейн».

Ниже стояла сухая, властная подпись директора.

Удрученные и злые, Бочков с Литвиновым, не смотря друг на друга, пошли писать контрольную.

Вечером, после ужина, Федя отправился в кабинет к Олегу. Подросток пытался загнать внутрь свой страх, но это плохо получалось. С минуту поколебавшись, все же постучал в дверь, заглянул.

– Олег Павлович...

– Заходи. Что тебе? – отчим сосредоточенно что-то писал в ноутбуке.

– Прочитайте. Вас просили расписаться, – Федя мрачно протянул дневник.

Олег, мыслями еще в работе, прочитал надпись, не сразу понял, прочитал еще раз. Тяжело вздохнул.

– С кем подрался-то?

– С Бочковым.

– Что не поделили?

– Я не хочу оправдываться, Олег Павлович. Он меня оскорбил, я не смог сдержаться.

– Это он тогда был, у гаражей? – Олег внимательно посмотрел на подростка. Федя не ответил, отвел взгляд в сторону.

– Ты знаешь, Федя, – неожиданно спокойно произнес отчим, – иногда на переговорах мне очень хочется врезать собеседнику по морде. Только понимаешь, что это неэффективный путь решения... – Олег поставил в дневнике свою размашистую подпись. – Держи. Мне бы не хотелось, конечно, чтобы тебя исключили. Сам понимаешь, хороших школ сейчас мало, проблемы лишние... Постарайся думать в следующий раз. Ну все, иди, мне надо поработать.

Федя вышел от Олега растерянным. Он настолько уже привык к нетерпимости и жесткости этого человека, что подобная миролюбивая реакция на надпись в дневнике стала для юноши чем-то из ряда вон выходящим. И все-таки, у него словно камень с души свалился. Он вошел в свою комнату, лег на кровать, кинув перед собой ноутбук, и погрузился в просторы Интернета.

Глава 2

Чаша

Ариас открыл глаза. Видение было отчетливым и ярким, будто все произошло на самом деле. Он видел сферу Грез. А внутри ее светился какой-то... бесценный артефакт... Но что это было – ангел никак не мог сейчас вспомнить. И остро чувствовал: надо идти. Прямо сейчас. Он вышел из здания Верховного университета и быстрыми, решительными шагами направился к парку.

- Куда ты так спешишь? – Дэмиаль преградил дорогу.
- Дэмиаль, извини, мне нужно прогуляться. Я хочу побыть один.
- Ты сильно взволнован, Ариас.
- Не твое дело, пропусти.
- Для светлых сил ты не слишком любезен. Я могу пойти с тобой?
- Нет, – Ариас исчез, избрав иной путь перемещения.
- Ну что ж... – Дэмиаль пожал плечами, на мгновение замер, отследив направление, и тоже исчез.

В высшем мире, откуда происходит управление всеми процессами, протекающими на Земле, где рождаются и куда уходят человеческие души, Ариас и Дэмиаль в статусе ангелов появились не так давно. Закончив круг воплощений в человеческих телах, выбрав путь совершенствования и развития, они сейчас стояли на начальных ступенях сложной духовной иерархии и находились лишь на третьем уровне бытия. Оба сумели войти в число избранных, обучающихся в Верховном университете, где теперь постигали законы мироздания. Им уже многое было подвластно, и они обладали большой силой, однако ведения действительно важных процессов им пока не доверяли: оба были еще слишком неопытны.

Ариас – светлый ангел. Молодой, горячий, он никогда не признавал авторитетов и все делал по-своему, за что ему часто доставалось от Учителей. Внешность... Надо сказать, дух, свободный от оков тела, может выбрать себе любой облик, а потому внешнее проявление любого жителя мира «по ту сторону» обычно выражает его истинную сущность. Ариас обладал яркой индивидуальностью и казался немного странным в мире духовности, гармонии, тонких энергий и высочайших технологий. Высокий, красивый, обаятельный, он выбрал себе образ, напоминающий романтического барда: очень светлые длинные волосы, собранные в «хвост», трехдневная небритость, круглая золотая серьга, поблескивающая в левом ухе. В одежде он неизменно придерживался художественной небрежности: потертые джинсы, выдавшие виды кроссовки, просторная белая рубашка на широких плечах. Таким он себя ощущал, а потому таким его видели другие. Многие даже не то чтобы осуждали, там осуждать не принято, но благодушно посмеивались над ним за эту тягу к людскому, земному. Однако в его ясных небесно-голубых глазах отражалась далеко не земная сущность. В них светились безбрежное спокойствие и величественная сила, мудрость и чистота. Что? Крылья? Конечно же нет. Ангелы могут принять и такой облик, но к чему бесполезная ноша? Это людям нужны приспособления, чтобы летать.

Дэмиаль – темный. Сдержанный, закрытый, он словно похоронил в себе когда-то пронзительную боль, которая, умирая, забрала с собой что-то очень важное из его сердца. Никто не мог понять его до конца, и он не стремился объяснять кому-либо значение своих слов и поступков. Прямые иссиня-черные волосы средней длины обрамляли красивое, будто выточенное из слоновой кости, бледное лицо с тонкими аристократичными чертами. В глубоких, как море, темно-синих глазах часто проскальзывали тоска и одиночество. Невысокий, стройный, он все-

гда был облачен в классический черный костюм-тройку, который сидел на нем как влитой. Внешне обычно невозмутимый, хладнокровный, он иногда срывался, приоткрывая завесу над своей сущностью, страстной и порывистой, но это случалось крайне редко.

Как ни странно, Дэмиаль и Ариас часто общались. Нельзя сказать, что они были друзьями, темный факультет, по определению, не мог дружить со светлым, но им было интересно вместе. Они постоянно спорили, и каждый в этих спорах приходил к своим выводам. Оба учились на управленцев, и одной из главных тем их разговоров были различия в обучении на темном и светлом факультетах.

Ариас пролетел сквозь голубоватый дым, замедлил движение: сфера Грез не предназначена для суеты. Это особое место. Каждый, входящий сюда, все видит по-своему, и картины никогда не повторяются. Увидеть что-либо вдвоем возможно, но если только войти в сферу одновременно. Сейчас Ариас стоял на широкой поляне посреди густого леса. В темном ночном небе ярко сверкали звезды. На стволах деревьев-исполинов мерцали фиолетовые отсветы. Лес дышал, он жил своей жизнью. Мимо с хохотом пронеслись две маленькие капли ослепительного света. Как сюда попали эти малыши? Под ногами струились переливающиеся серебристые волны. Сфера Грез приветствовала гостя.

Внезапно темноту рассекли лучи яркого света, и в центре поляны, высоко в воздухе, материализовалась небольшая золотая чаша. Ариас невольно отшатнулся.

Из-за деревьев показался Дэмиаль.

– Ты все же следил за мной?! – возмущению Ариаса не было предела.

– Не забывай, я отношусь к темным силам.

– К сожалению, я помню.

Дэмиаль, не отрывая взгляда от таинственного предмета, быстрым шагом приблизился к Ариасу, остановился напротив. Чаша описала широкий круг в воздухе и целенаправленно полетела в их сторону. Оба одновременно инстинктивно протянули руки, и чаша мягко легла посередине, оказавшись с одной стороны в ладонях Ариаса, с другой – Дэмиаля. Ангелы переглянулись.

– Ты чувствуешь? – Ариасу показалось, будто его подключили к мощному генератору, настолько сильные энергетические потоки излучала чаша.

– Конечно, – Дэмиаль сделал глубокий вдох, также пытаясь справиться с волнами свежей энергии, пронизывающими его насквозь.

Чаша была изумительно красива. Форма поражала своей безупречностью, благородством и совершенством линий. Ариас осторожно повернул артефакт. Край обрамляла тонкая полоска неведомых символов и знаков. На гладкой, ровной поверхности стенок сосуда, как на экране, отображалась впечатляющая картина сущности мироздания. Свет Первоисточника рождал энергию мысли, образующую базовые энергетические структуры и коды, они преобразовывались, складывались в элементарные частицы, атомы, молекулы, появлялись цепочки ДНК... И тут же атомы превращались в звездные системы, молекулы – в галактики... Микроструктуры плавно трансформировались в макро, поражая воображение своим сходством. Из галактик рождалась Вселенная, сущность которой была тем же светом... И все начиналось сначала. Невольно вспомнился закон отражения: «Малое – отражение большого, так же как большое – отражение малого...»

Основание чаши – плотная концентрация света. По его поверхности быстро струился нескончаемый поток цифр и формул.

Ариас, не отрывая взгляда от чаши, машинальным взмахом руки создал два удобных мягких кресла. Ангелы сели рядом, заглянули внутрь артефакта. Чашу наполнял до краев то ли огонь, то ли свет... Дышащая, словно живая, переливающаяся всеми оттенками спектра плазма. Подобного вещества ангелам еще не доводилось видеть никогда.

– Что это? – спросил Дэмиаль, обретя, наконец, дар речи.

– Не знаю... – Ариас повернул чашу в руках, глубоко задумавшись, и вдруг, в сильнейшем волнении, передал ее Дэмиалу: – Подержи... Не может этого быть... Сейчас...

Ариас достал из нагрудного кармана маленькую серебристую капсулу, прикоснулся к тончайшей панели, раскрыв перед собой голографический информационный справочник. Набрал в строке поиска: «Чаша бытия». Ангелы замерли, глядя на экран. Объемное, медленно поворачивающееся изображение было абсолютно идентично предмету, находящемуся сейчас в их руках.

– Раскрой... – быстро сказал Дэмиаль.

Ариасу и самому не терпелось прочитать. Он увеличил текст...

«Чаша бытия. Один из главных, определяющих артефактов. Ключ к Первоисточнику, заключающий в себе код Его сущности.

Желающий найти Чашу не найдет ее ни в одном из миров. Она появляется всегда неожиданно, и сама выбирает того, кто достоин обладать ею. Чаша приходит по воздуху. Тот, чьих рук она коснется, избран.

Чаша хранит в себе высшие сакральные знания. Тот, кто выпьет ее содержимое, откроет Первоисточник в себе, однако до конца постичь Его не дано никому.

Чаша может появляться на любом уровне бытия, и на разных уровнях она дает разную степень понимания. Если содержимое Чаши выпьет человек, он познает сущность Первоисточника сердцем. В более высоких слоях реальности происходит открытие и постижение сакральных знаний и высшей мудрости.

Помимо этого, Чаша дарует частицу энергии созидания. Она может исполнить любую, самую невероятную мечту, но только одну. Тем самым, артефакт приближает избранного к Первоисточнику, но не делает равным Ему. Здесь возможности Чаши ограничиваются исключительно пределами, сформированными сознанием, ибо Первоисточник пределов и границ не имеет.

Выполнив свою миссию, Чаша исчезает, и никто не сможет предугадать, где и когда она появится вновь.»

Ариас с Дэмиалем переглянулись. Оба поняли, что думают об одном и том же.

Дэмиаль быстро набрал вопрос в специально отведенной графе: «Может ли Чаша выбрать двоих?» Незамедлительный ответ появился со сноской «для идиотов»: «Чаша всегда выбирает одного». Дэмиаль не сдавался и снова написал: «Что делать, если Чаша выбрала двоих?» Ответ угрожающе окрасился в красный цвет: «Прекратите перегружать эфир глупыми вопросами! ЧАША ВСЕГДА ВЫБИРАЕТ ОДНОГО».

Ариас откинулся на спинку кресла. Жгучее желание владеть Чашей переполняло его до краев. Постигание Первоисточника... Осуществление любой, самой невероятной мечты... Он точно знал, чего хочет! Постичь власть и силу Первотворения... Приблизиться к Первоисточнику и, быть может, стать равным Ему! Хотя и говорят, что это невозможно, но почему?! «...Возможности Чаши ограничиваются исключительно пределами, сформированными сознанием...» Он давно, как ему казалось, избавился от границ. Он знал: возможно все! Именно поэтому Чаша выбрала его! И Дэмиаля... Ариас посмотрел на соперника. Тот, в сильнейшем эмоциональном напряжении, думал, опустив голову.

– И что мы будем делать? – наконец через силу выдавил Дэмиаль.

– Зачем тебе Чаша? – раздраженно спросил Ариас. – Первоисточник – наивысшая концентрация света. Ты же темный.

– А может, я хочу вернуть себе свет... – задумчиво произнес Дэмиаль. – Ты забыл? Сущность у всех одинаковая. А принадлежность Свету или Тьме – всего лишь выбор.

– Я давно тебе говорю, пора бы уже перейти на наш факультет.

– Я не могу делать то, что противоречит моим взглядам.

– Давай рассуждать логически. Видение было дано мне. Я шел сюда целенаправленно, а ты просто следил за мной.

– Неважно, – возразил Дэмиаль. – Чаша не выбрала тебя, она легла в руки к обоим. Одновременно.

Долго и напряженно молчали.

– Я думаю, здесь есть только один выход, – заговорил наконец Дэмиаль. – Игра.

– Игра? Просто вдумайся в свои слова! Это сакральный предмет!

– И что? Ты считаешь, таким путем решаются менее важные вещи, чем твое желание?

Ты считаешь себя выше и Света, и Тьмы?

– Я совсем другое имел в виду. И ты прекрасно это понял. В сущности, Чаша, по определению, должна принадлежать Свету.

– Это еще почему? Сколько раз Саммаэль правил миром? То, что ты сейчас говоришь, вообще противоречит Соглашению и Закону.

Ариас не ответил. Дэмиаль был прав.

Они долго еще сидели и думали. Каждый о своем. И оба знали: по своей воле ни тот, ни другой не откажутся от своей мечты.

– Хорошо, – произнес наконец светлый ангел, – я согласен. Что ты предлагаешь?

– Есть идея. Слушай.

Беседа длилась долго, и в последующие дни Ариаса и Дэмиаля все чаще стали видеть вместе.

Чашу оставили у Ариаса. Дэмиаль прекрасно знал принципы светлых и за сохранность реликвии был абсолютно спокоен.

Глава 3

Наркотики

Наряду с майскими праздниками близился день рождения и ненавистные экзамены. Мать уехала по делам в Лондон на две недели. Федя остался с отчимом. Поначалу все было тихо и спокойно, юноша просто старался не попадать Олегу на глаза, но вскоре произошла катастрофа.

Федя засыпал на биологии: просидел за синтезатором до двух часов ночи, записав очень удачную композицию. Слова учителя сливались в неясное гудение, веки слипались, юноша с невообразимыми усилиями пытался не заснуть, но ему это удавалось все хуже и хуже...

Федя проснулся от резкого толчка в бок. Ян кивнул головой на дверь. В классе стояли два милиционера с собакой.

– Во-первых, здравствуйте, – бодро начал один из вошедших.

Вялое ответное «здрате» пронеслось по рядам.

– Сегодня в наше отделение поступил звонок, что некоторые ребята из восьмых классов торгуют наркотиками, – продолжил милиционер.

По классу пронесся гул.

– Проверка необходима, так что, пожалуйста, откройте портфели.

Все, поржав над словом «портфели», демонстративно выложили сумки на парты. Ян заметил торжествующую улыбку Бочкова. Один из милиционеров с собакой начал медленно ходить по рядам. У Фединой парты собака резко остановилась и залаяла. Мужчина удивленно посмотрел на Литвинова: внешность хорошо одетого парня, не без следа интеллекта на лице, вовсе не располагала к преступной деятельности, да и взгляд слишком спокойный, никакого волнения...

– Мне придется осмотреть твою сумку.

– Пожалуйста, – юноша подвинул сумку, широко открыл.

Милиционер выкладывал на парту учебники, тетради, телефон, флэшку... Феде стало неприятно, что кто-то роется в его вещах, но, не успев об этом подумать, как мужчина достал из его сумки небольшой белый пакет, завернутый в полиэтилен.

– Что это? – тон милиционера сменился мгновенно, теперь он обращался к малолетнему преступнику.

– Я не знаю... это не мое... у меня не было этого... – Федя растерялся до такой степени, что потерял дар речи.

Служитель порядка достал отдельный мешочек, аккуратно положил в него пакет.

– Вставай, идем.

– Но это не мое!

– В отделении разберемся.

– В каком отделении!!! Я первый раз это вижу!

Класс наполнился удивленным гулом.

– Тебя как зовут?

– Федор.

– Так вот что, Федор. Или ты спокойно выходишь из класса, или тебя выведут в наручники, а еще сядешь за сопротивление при задержании!

Дрожа от негодования, Федя встал, быстро сложил все в сумку и вышел, чувствуя на себе пристальные взгляды всего класса.

Какое-то время ему пришлось просидеть в коридоре, вместе со вторым милиционером, пока проверяли остальных.

– И чё вам, дуракам, не хватает? Ведь одет хорошо, родители, видно, богатые. Тебе чё, адреналина захотелось?

– Я же сказал, это не мое!

– Сказал... Все так говорят. Думаешь, хоть один сразу признался? Ничего, в отделении по-другому заговоришь.

В голосе мента чувствовалось такое радостное удовлетворение от возможности безнаказанно унижить другого человека, что Федя едва сдержался, чтобы не ответить хамством.

В классе больше ничего не нашли. Литвинова вывели буквально под конвоем на глазах у всей школы, посадили в машину. Подобного позора юноше еще не приходилось испытать.

Пока ехали, гнев немного остыл, и Федя ясно осознал весь ужас своего положения. Бочков! Как он сразу не догадался! Ну конечно! Поступил звонок... Как теперь выпутываться, Литвинов не знал. Он просто закрыл глаза и попытался успокоиться, однако, справиться со страхом было нереально.

В отделении у него тут же отобрали сумку для дальнейшего обыска, отвели в маленькую комнатку, сфотографировали, провели в другую, сняли отпечатки пальцев... Феде казалось, что это какой-то кошмарный сон и с ним не может такое происходить. Он понял: дергаться и возмущаться бесполезно, лишь себе во вред, поэтому молча выполнял все, что ему говорили.

– Повернись, руки на стену!

Обыскали каждый сантиметр. Только продержаться...

Провели в кабинет к следователю. За столом сидел высокий тучный мужчина лет сорока пяти. Маленькие пороссячьи глазки впелись в лицо подростка. Толстые пальцы, похожие на сосиски и формой, и цветом, сложились на столе.

– Сядь.

Федя сел. Пауза тянулась невыносимо долго. С невероятным усилием юноша заставил себя смотреть прямо.

– Рассказывай.

– Мне нечего рассказывать. Мне это подбросили, и я даже догадываюсь кто.

– Ну и *кто* тебе это подбросил?

– Как я могу утверждать то, чего не могу доказать?

– А теперь, сопляк, послушай, что я тебе скажу. Вы все тут говорите одно и то же, я миллион раз уже все это слышал. И будь уверен, у меня есть очень эффективные методы для того, чтобы заставить тебя заговорить.

– Что конкретно я должен сказать?! Признаться в том, чего не совершал?!

– Как наркотики оказались в твоей сумке?

– Откуда я знаю?!

– Где ты их взял?

Федя молчал.

– Я тебя спрашиваю, где ты их взял?!

– Я уже сказал, что мне это подбросили, нового вы ничего не услышите. Мне на каждый ваш вопрос отвечать одно и то же?

Мент медленно поднялся, подошел к Феде, резко поднял его за рубашку на груди, глядя подростку прямо в глаза, оттащил его к стене. Приблизился вплотную.

– Ты чё, еще не понял?! – с осознанием полной власти и безнаказанности проговорил мужчина, дыхнув в лицо подростку вонючим перегаром.

У Феде, который не знал, куда деваться от пристального взгляда пороссячьих глазок, в голове в секунду промелькнули все когда-то прочитанные в Интернете истории о страшных избиениях и издевательствах в милиции. Собрав остатки мужества, он выдал:

- Руки уберите.
- Чё ты сказал?

По интонации Федя понял: сейчас будут бить. Сердце упало куда-то вниз... но тут в кабинет поспешно зашел другой милиционер. Следователь отпустил Литвинова, тот облегченно выдохнул. Служители порядка отошли к окну, вошедший быстро и тихо что-то говорил. Федя уловил обрывки фраз: «...Отпечатков не обнаружено... сын Литвинова...» Фамилия отчима произвела магическое действие на толстого. Он резко побледнел и как-то сразу осунулся. Когда вошедший милиционер закончил, следователь с минуту помолчал, мучительно рожая план действий. Наконец, произнес:

- Ладно, отведите его пока... в отдельную, а то мало ли что, – смущенно сел за стол.
 - Идем, – милиционер подошел к Феде. – Руки за спину.
- Скрепя сердце, Литвинов повиновался.

Подростка впахнули в маленькую грязную камеру. Хорошо хотя бы один.

Федя сел на вонючую кровать и понял, что сейчас польются слезы. Комок подступал к горлу... Нет! Надо держаться. Пахло сыростью и бомжатником. Туалет, как таковой, видимо, не предусмотрен: у дверей стояло поганое ведро.

Феде, привыкшему к красоте и уюту, было невыносимо находиться в этом месте. Он сидел словно окаменевший. Время тянулось невозможно долго. Когда тишину нарушали шаги в коридоре, юноша каждый раз вздрагивал и, то ли с надеждой, то ли с опасением, кидал взгляд на дверь, но шаги каждый раз проходили мимо.

Прошло часа два. Принесли обед. Феде и так кусок в горло не лез, а попробовав «супчик», он понял, что, если съест еще ложку, его вырвет. Когда надзиратель пришел за посудой и увидел «обед» нетронутым, без комментария не обошлось:

– Чё, не домашняя еда? Привыкай, а не то с голоду сдохнешь. Не хрен закон-то нарушать...

Литвинов промолчал. Когда надзиратель закрыл камеру, подросток лег на кровать и закрыл глаза. Было уже все равно.

Вечером снова принесли еду. Федя, несмотря на сильный голод, смог съесть только кусок заплесневелого хлеба и выпить кружку воды. То, что, вероятно, называлось кашей, а было похоже на свежесобранные сопли, юноша не смог даже просто взять в рот.

Тем не менее, почему-то Федя успокоился. Никто его не трогал, и интуитивно он чувствовал, что все закончится хорошо. Бессонная ночь все же пригодилась, под вечер юноша уснул.

- Просыпайся! На выход.
- Проснувшись, Федя не сразу врубился, где находится.
- Ты оглох? На выход!
- Вернувшись в реальность, подросток быстро вскочил, сердце бешено заколотилось.
- Руки за спину. Вперед.
- Вывели в приемную.
- Забирайте. Свободен.

Федя обмер. Он увидел Олега. По выражению смертельно бледного лица отчима юноша тут же понял, что лучше бы ему остаться в тюрьме.

Вышли молча. Олег чуть ли не пинком пихнул Федю в «порше» на заднее сиденье. Юноша готов был сквозь землю провалиться. Он прекрасно понимал, что сейчас чувствует отчим и что вообще для него, главы бизнеса такого масштаба, означает ехать в СИЗО и добиваться освобождения неродного! сына, да еще обвиненного в торговле наркотиками... Хотя он сам ни в чем не виноват, и совесть его чиста, но как теперь это доказать?! Олег и так всегда не слишком ему доверял.

– Олег Павлович... – осторожно и тихо начал Федя.

– Заткнись. Дома поговорим.

Федя понял: при водителе отчим ничего обсуждать не будет, и больше попыток заговорить не повторят. Всю дорогу напряженно молчали.

Когда вошли в дом, Олегу необходимо было отдать кое-какие распоряжения персоналу, поэтому он лишь рывкнул в сторону Феде:

– Иди к себе.

Федя послушно поплелся наверх. Минут через десять на пороге его комнаты появился Олег Павлович.

Несколько мгновений напряженной тишины показались юноше часами. Он стоял под испепеляющим взглядом отчима, словно под дулом пистолета. Стресс разливался по телу подобно сильнодействующему яду. Федя почувствовал, как каждая клеточка забила мелкой дрожью...

– Ну, и как ты это объяснишь?! – от интонации, с которой Олег произнес фразу, у подростка чуть не подкосились ноги.

– Я не виноват, меня подставили...

– Ложь!!! – гнев лавиной вырвался наружу. – Только из любви к твоей матери я терплю твое присутствие в этом доме! Такого позора я ни разу в жизни не испытывал! Где ты взял наркотики?!

– Олег Павлович, меня подставили, мне просто их подброс... – Федя не успел договорить, отчим сильно ударил его в лицо, подросток упал.

– Говори, где взял?! Прибыю, тварь!

– Да хоть убейте! Я правду говорю...

Олег невероятным усилием заставил себя сдержаться. Сел в кресло.

– Поднимись и сядь.

Федя со стоном поднялся. Он тяжело дышал, из разбитого носа текла струйка крови.

– Сядь, я сказал!

Федя сел на стул напротив. Обида и ярость переполняли его, душило осознание вопиющей несправедливости происходящего.

– Теперь слушай. Либо ты рассказываешь мне всю правду – либо в школу будешь ходить с охранником, который будет за тобой следить каждую минуту и в кабинку туалета заходить вместе с тобой. А дома будешь жить под арестом в своей комнате. Так что, рассказывай. Где взял наркотики? – Олег каждое слово произносил с таким нажимом, будто пытался вдавить Феде в стул. – Где ты взял на них деньги? И в какой это уже раз, черт побери?! Я не потерплю в своем доме наркомана!

– Мне нечего сказать, – Федя выпрямился и твердо посмотрел отчиму в глаза.

– Я сказал правду. Мне это подбросили. Я никогда не связывался с наркотиками и связываться не собираюсь. Не верите – ваше дело, делайте что хотите.

Олег, в бешенстве, сжал подлокотник кресла так, что треснула обшивка. Он едва сдерживался, чтобы не прибить подростка на месте.

Федя рукавом вытер кровь, но несколько капель все же упали на пол. Юноша осторожно встал и хотел было дойти до ванны.

– Куда?! – Олег произнес это слово так, что Федя автоматически сел обратно.

– Я кровь смыть хотел...

– Обойдешься, – Олег достал из кармана пиджака белоснежный платок, кинул подростку.

Тот не решился возразить, приложил платок к разбитому носу.

Допрос, казалось Феде, не закончится никогда. Мало кто из подчиненных выносил беседу с Олегом в подобном тоне более пятнадцати минут. Федя готов уже был сесть в тюрьму, умереть, исчезнуть, сделать что угодно, только бы прекратился этот кошмар.

– Так и будем повторять одно и то же? – Олег Павлович был на пределе. – Я не уйду, пока не расскажешь правду.

Не в силах больше терпеть это издевательство, Федя резко встал на ноги, с отчаянной наглостью глядя в упор на Олега. Ему и так реально было плохо: целый день ничего не ел...

– Олег Павлович, ну как вы не понимаете?! Как мне еще сказать?!

– Не надейся, что я тебе поверю! До тебя даже не доходит, как это может отразиться на моей репутации! Ты хоть понимаешь, что ты сделал?!

– Да ничего я не сделал!!! – подросток уже не владел собой. – Репутация... Вам вообще в ментовку пора идти работать! Показания из невиновных выбивать!

Федя получил за свои слова сильнейший удар в глаз. Треснулся о шкаф так, что дверца отвалилась и беспомощно повисла на петлях. Олег Павлович понял: если беседа продолжится дальше, он просто покалечит подростка. Вышел, в ярости хлопнув дверью.

Какое-то время Федя лежал не двигаясь. Стресс не проходил и, казалось, только усиливался. Юноша с трудом поднялся. Держась за стенку, дошел до ванной. Включил холодную воду, сунул голову под кран. Стало легче. Федя добрал до кровати, рухнул на нее и не смог более сдерживать слезы.

Ночью Федя практически не спал. Он прекрасно понимал: сейчас еще очень долго придется расхлебывать эту кашу. Одной «беседой» Олег не ограничится, а пережить такое еще раз... Что теперь в школе будет? Как доказать, что он ни в чем не виноват? И потом... Наверное, Олег заплатил залог, поэтому его выпустили... пока... А дальше? Если до суда дело дойдет?

Юноша едва смог уснуть под утро. Проснулся с абсолютно больной головой и понял: не позавтракает – умрет. Федя осторожно умылся: лицо Олег все-таки сильно ему разбил. Одедся, подошел к двери, и... Дверь была заперта снаружи. Федя дернул ручку изо всех сил. Это мало помогло.

– Сволочь! – невольно вырвалось.

Федя со злостью пнул дверь. В замке повернулся ключ. На пороге комнаты стоял охранник, Антон Дмитриевич, широкоплечий дяденька с крайне серьезным взглядом под густыми бровями. Юноша в недоумении смотрел на охранника. До него начало доходить происходящее. Гремучая смесь возмущения и боли закипала внутри.

– Федя, ты извини, – Антон Дмитриевич недовольно сдвинул брови, – Олег Павлович приказал тебя не выпускать.

– Антон Дмитриевич, и вы... – Федя не мог даже найти нужного слова, комок подступил к горлу.

– Ты пойми, парень, это моя работа. Я за это деньги получаю и не хочу эту работу потерять. Так что, не обижайся уж.

– Но... – Федя повернулся, в ярости ударил кулаком в стену. – Поесть я хотя бы имею право?!

– Посиди, сейчас Оля тебе принесет.

Охранник захлопнул дверь перед носом подростка. Федя сел на кровать, опустил голову на руки. Справиться со вспыхнувшим гневом казалось невозможным. Юноша по привычке протянул руку к тумбочке. Телефона там не было. Вспомнил: телефон остался в милиции. Наверное, Олег оттуда его сумку забрал... Ну и фиг с ним, Интернет ведь остался... Подросток подошел к столу и понял, что Интернета у него тоже нет. Ноутбук исчез. Видимо, утром унесли.

Все понятно, Олег там сейчас все файлы раскопает, почту, аську, во «ВКонтакте» залезет... Точно: специально своего сисадмина вызовет, чтобы пароли взломать... Гад!!!!

Дверь открылась, вошла тетя Оля с подносом. Ольга Андреевна, полная, невысокая пожилая женщина, работала в доме Олега уже много лет и была незаменимой домработницей. Она готовила лучше, чем любой шеф-повар в ресторане, руководила всем процессом уборки, стирки, глажки и даже мелким ремонтом. Очень добрая и душевная, тетя Оля была практически членом семьи, и без нее дом уже не мог существовать.

Федя молча отвернулся к окну. В глазах стояли слезы. Тетя Оля поставила поднос на стол, подошла к подростку, обняла его за плечи по-матерински:

– Чего натворил-то? За что он так?

Федя нервно дернулся:

– Вот у него и спросите.

– Иди поешь. Не переживай, все образуется.

Тетя Оля вышла. Юноша сел за стол. Заставил себя позавтракать. Кусок в горло не лез.

Через некоторое время тетя Оля вернулась за посудой. Охнула, взглянув на подростка, только сейчас увидев разбитое лицо.

– Да что же это... – запричитала она. – Кто это тебя так? А?

Федя мрачно молчал.

– Ох ты, Господи! – продолжила тетя Оля. – Надо хоть лед тебе приложить... Подожди, я сейчас.

Домработница вышла и через несколько минут вернулась с пузырьками, ватками и пакетом льда.

– Ну-ка сядь.

– Теть Оль, не надо, – Феде и так было тошно.

– Говорю тебе, сядь! Ишь выдумал, «не надо».

Ольга Андреевна обработала ссадины. Федя терпел, морщась от боли. Потом еще долго сидел со льдом, обдумывая идею вылезти через окно и уйти ко всем чертям из этого дома. Переночевать у Яна можно было бы. У него родители нормальные. Однако потом сообразил, что, если даже и удастся спуститься со второго этажа без особых травм, дальше еще есть высокий забор, охрана, камеры видеонаблюдения везде понатыканы... Вот попал, блин!

Неделю Литвинов жил под арестом. Ян весь извелся. Домой к Феде не пускали, говорили, что заболел. Телефон и ноутбук Олег возвращать даже не собирался, никакой связи с внешним миром у подростка не было.

Дни тянулись невыносимо долго. Левый глаз полностью заплыл, читать и смотреть телевизор было неудобно. Спасением стал синтезатор. Юноша часами сидел за инструментом, забывая на время обо всех своих нешуточных переживаниях, и только это помогало ему держаться.

Олег попытался устроить продолжение допроса. Подросток, вполне понимая, чем рискует, демонстративно взял iPod, надел наушники и включил максимальную громкость. После этого маленький, ни в чем не повинный iPod папо трагически закончил свою жизнь на асфальте за окном. Отчим, в бешенстве, удалился и больше к Феде не заходил.

Приехавшая Наташа пришла в ужас, увидев охранника у дверей комнаты Феде и следы побоев на лице подростка. Последовало долгое, тяжелое объяснение с Олегом, с упреками и слезами, после чего Наташа вернулась в комнату сына:

– То, что рассказал Олег, ни в какие рамки не укладывается. Но я хочу от тебя все услышать.

– Мама, я уже говорил Олегу: мне это подбросили. Я догадываюсь, кто это сделал, но все равно доказать ничем не смогу. Олег мне не верит, что бы я ни говорил. Так что я могу сделать?! Как мне еще сказать?!

Наташа внимательно смотрела на подростка:

– Федя, я тебя умоляю, скажи мне правду. Пойми, это очень серьезно. Я так переживаю за тебя...

– Мам, ты тоже мне не веришь?

Наташа вдруг увидела такую неподдельную боль в Федином взгляде, что мурашки пошли по коже.

– Федя, Феденька, прости, – она обняла сына, слезы выступили на глазах. – Прости...

Потом Наташа с Олегом долго выясняли отношения, помирились, зашли вместе в комнату к Феде.

– Мы приняли решение, – начал Олег, как на совете директоров. – Будем считать, что мы поверили твоему рассказу про подкинутый пакет.

– А просто нормально поверить нельзя? – сдерзил Федя.

– Я не идиот, – жестко ответил отчим.

– Олег, ну зачем ты так?! – вмешалась Наташа.

– Затем, что это действительно серьезная проблема, – оборвал ее Олег и повернулся к подростку. – Имей в виду: если еще хоть один раз ты прикоснешься к наркотикам – так просто тебе это с рук не сойдет. И я буду принимать совсем другие меры. Ты все понял?

– Да, – едва смог выдать Федя, задыхаясь от злости.

Феде вернули телефон и ноутбук, связь с миром наладилась. Ян наконец смог приходить в гости. Он рассказал другу в подробностях, какая шумиха поднялась в школе из-за этого инцидента. Родители начали писать жалобы в комитет по образованию. Начались бесконечные проверки. Директриса лично вызывала каждого старшеклассника к себе в кабинет, долго страдала и расспрашивала. Безупречная репутация лица оказалась под угрозой.

Олег Павлович приложил немало усилий, чтобы замять это дело. Были подняты все знакомства и связи. Родная милиция обогатилась так, как ей и не снилось. Некоторая информация все же просочилась в прессу, но Олег так надавил на редакцию газеты, что на следующий же день вышло опровержение с глубочайшими извинениями. Олег лично ходил в школу. Долго разговаривал с директором, после чего школа получила астрономическую сумму на ремонт, а приказ об отчислении Феде был уничтожен. Днем позже Олегу пришлось выступить на экстренном родительском собрании, где он во всеуслышание заявил, что эта история – не более чем происки его конкурентов, пытающихся его дискредитировать. Вместе с ним выступил начальник городского УВД, сказав пару фраз о том, что невиновность подростка полностью доказана и сейчас ведутся поиски того, кто подкинул ему наркотики. За свое короткое выступление начальник получил сумму, равную его годовой зарплате.

Отчим всех сумел убедить в невиновности Феде, но сам в нее совершенно не верил. Этой проблемой он занимался исключительно ради жены и ради своей репутации. Наташа тяжело переживала произошедшее. В ее безоговорочном доверии к сыну все же появилась глубокая трещина.

Федя переживал не меньше. Наташа добивала его бесконечными рассказами о том, как Олег много для него делает, и страшилками, что его могли бы посадить в тюрьму, если б не отчим. Потом шло подробное описание кошмаров, которые его ожидали бы в тюрьме. Юношу эти разговоры доводили до белого каления, но в сложившейся ситуации приходилось просто терпеть. Федя с ужасом думал о возвращении в школу. Невольно став предметом всеобщего обсуждения, он не без оснований предполагал, что основная часть позора у него еще впереди. И... Рашевская...

Успокоение давала лишь музыка. Подросток все больше времени проводил за синтезатором. Только так он забывал обо всем, погружаясь в иной мир, где не было несправедливых обвинений и проблем, где ни перед кем не надо было оправдываться, где он, наконец, становился собой. Углубляясь в свои ощущения, юноша создавал целые миры и картины, сплетая их из самых сокровенных мечтаний. Мелодии, которые он написал в эти тяжелые дни, получились особенно живыми, искренними, затрагивающими самые глубокие струны души.

Однажды вечером юноша долго засиделся за инструментом, полностью погруженный в себя. Где-то в области сердца зародилось уже знакомое беспокойное чувство, настойчиво требующее выхода наружу. Федя уже хорошо знал это ощущение. В его душе рождались стихи. Он бросился к столу, схватил бумагу с ручкой и одним махом записал:

Я молча сяду за рояль и, чуть дыша,
Затрону Небо. Ночь так хороша!
И будет музыка печальна и тиха,
И оживет под пальцами душа.

Со всею нежностью, мне раньше незнакомой,
Я клавиши коснусь, как твоего плеча.
И запоет струна печальным стоном,
Звук в воздухе растает, о любви шепча...

И морем страсти звуки разольются,
Их ветер унесет к тебе, кем рождены,
Любимая... А ночь лишь тихо улыбнется,
Смахнет слезу надежды и подарит сны...

Федя перечитал то, что получилось. Достал из нижнего ящика стола небольшую папку и положил туда листок. Стихи он писал редко, под настроение, очень быстро, а потом прятал в стол под книги и тетради, чтобы никто не нашел. Он никогда не печатал их на компьютере. Боялся, что Олег или мама прочитают. Иногда юноша перечитывал свои старые стихи, запершись в комнате, и ему это доставляло удовольствие. Эти стихи были словно маленькой частью его самого. Федя не задумывался, хорошо они написаны или плохо, никогда их не переписывал и не редактировал. Он писал просто для себя, просто потому, что так хотелось.

Глава 4

День рождения

Одиннадцатого мая Федя наконец вернулся в школу. До дня рождения оставалось меньше недели, а он до сих пор не решил, как его провести. Наташа много раз предлагала ему устроить дома вечеринку, пригласить гостей, но Федя еще не забыл подобное мероприятие в прошлом году, когда он пригласил домой половину класса, и Олег, пусть даже ненамеренно, так унизил его перед всеми... В глубине души подросток мечтал, чтобы Олег уехал в этот день куда-нибудь подальше, лучше вообще в другую страну, и вот тогда можно было бы устроить шикарную вечеринку, пригласить на нее Рашевскую...

В первый же день в школе сразу стало понятно: о вечеринке уж точно придется забыть. Целый день Федя ходил под прицелом косых взглядов. Никто с ним не разговаривал, за спиной шептались... Единственным, что он сегодня услышал в свой адрес, было приветствие Бочкова:

– О, Литвинов! Уже отсидел? Это в ментовке тебе так морду разукрасили или богатенький папочка постарался?

Федя молча прошел мимо, со злостью толкнув Бочкова плечом, за что незамедлительно получил строжайший выговор от препода.

К концу дня юноша чувствовал себя как прокаженный. Настроение было хуже некуда.

– Федька, не грузись, – Ян пытался разрядить обстановку, но это даже ему не удавалось, – перестань. По-любому забудется, и все будет нормально.

– Ян, – Федя оглянулся, убедившись, что их никто не слышит, – мне кажется, я знаю, кто мне это подбросил.

– Ты сильно удивишься, но я тоже знаю. Бочков.

– Ты тоже так думаешь?

– Я просто видел его лицо, когда тебя тогда менты увели.

– Доказать бы...

– А что, ведь в жизни все возможно! Короче, надо подумать.

И на долгие дни это стало главной темой их разговоров.

Утром семнадцатого мая Федя сел на постели и улыбнулся. Ему исполнилось пятнадцать. Юноша с удовольствием думал о том, что он стал более взрослым и не за горами тот день, когда он наконец сможет покинуть этот дом и жить самостоятельно. Он умылся, оделся и причесался тщательнее, чем обычно. Спустился к завтраку.

– Федя! С днем рождения, солнце! – Наташа расцеловала сына, вручив ему красиво упакованный подарок.

– Спасибо, мам, – Федя распаковал коробку. Там лежали новые ролики, старые как раз стали ему малы. – Так классно! Спасибо большое.

Олег поздравил крайне сухо, но подарок был супер: дорогая профессиональная зеркальная фотокамера. Федя восхищенно присвистнул:

– Спасибо...

Все же возникло неприятное чувство, что Олег от него откупается после последнего инцидента. Но камера все равно классная.

В школу, естественно, идти не хотелось, но пришлось. Настроение испортилось. С Федей до сих пор никто не разговаривал, никто, кроме Яна, не поздравил. Юноша пытался не обращать на это внимания, но все равно было обидно.

После школы Литвинов с Шабуровым отправились в кино. Потом бесцельно пошатались по городу, посидели в кафе и пошли к Феде домой. Сели за новую видеоигру, которую подарил

Ян, увлеклись и, совсем забыв о времени, сражались до позднего вечера. Наташа заглянула в комнату, мягко намекнула, что пора бы уже закончить. Предложила Яну остаться на праздничный ужин, но тому перспектива ужинать с Олегом совсем не улыбалась, и он поспешно ретировался. Федя не возражал. Он и сам бы ушел с удовольствием, но зло было неизбежно. Тем не менее, ужин в кругу их маленькой семьи прошел на удивление хорошо. Олег был в добром расположении духа, много шутил и умудрился ни разу не подколоть Федю и не поиздеваться над ним.

Довольный, счастливый, юноша лег спать и загадал желание, самое сильное и страстное, но абсолютно, по его мнению, несбыточное. На границе снов, мысли нежились в струящемся потоке мечтаний... И нетрудно догадаться, кто был, вернее, была главным действующим лицом этой мечты.

Учебный год подходил к концу. Закрутилось. Зачеты, контрольные, экзамены, выпускной в музыкалке... пересдать... выучить... повторить... выучить... еще выучить... ритм жизни стал сумасшедшим, времени не оставалось ни на что. Федя дожидаться не мог летних каникул. Казалось, последние две недели в школе растянулись на год. Но все когда-нибудь заканчивается, и мучения подошли к концу.

Экзамены Федя сдал вполне сносно, всего с одной тройкой – по химии.

В музыкалке прошел выпускной, Литвинов получил диплом с отличием (кстати, экзамен по фортепиано он сдал на пять с плюсом, чем Наташа очень гордилась, а Федя не придавал этому никакого значения). После торжественноофициальной части состоялся долгий разговор с педагогом, который все же убедил парня продолжить учебу и перейти в восьмой класс, оставшись в музыкальной школе еще на год.

– Андрей Николаевич, я же все равно в муз. училище не буду поступать: меня Олег задушит, – Федя знал, что говорил, тем более что он совсем был не против в дальнейшем профессионально заняться музыкой и ему это действительно очень нравилось, но...

Олег категорически заявлял, что сейчас получать профессиональное музыкальное образование – безумие: «Мужчина должен деньги зарабатывать, семью кормить! А что тебе даст эта твоя музыка?! Посмотри, как твой педагог одет и чем его дети питаются! Посмотри, как мама твоя жила, когда твоей несчастной музыкой занималась! Чтобы я даже не слышал подобной чуши! В жизни нужно твердо стоять на ногах и надеяться только на себя». Мама Олега поддерживала: «Федя, ты знаешь, где-то я читала фразу... „Если ты стремишься к какой-то цели, посмотри, насколько счастлив тот, кто ее уже достиг“. Когда я училась в консерватории, просто летала от счастья. Но потом... Начинается реальная жизнь. И все слишком сильно меняется. Вспомни, как мы с тобой жили, пока я не встретила Олега. Ты хочешь так жить? Ты хочешь, чтобы так жила твоя любимая, твои дети? Подумай».

Под подобным психологическим прессингом у Феди и мысли не осталось продолжить профессиональное музыкальное образование. Андрей Николаевич не раз говорил на эту тему с Наташей, убеждал ее, что у парня незаурядный талант и нельзя закапывать его в землю, но Наташа была непреклонна, и, в конце концов, педагог смирился. Теперь же, слыша от Феди то, что он и ожидал услышать, Андрей Николаевич спросил:

– Федя, скажи, тебе нравится здесь учиться?

– Конечно. Вы же знаете.

– Ну так что тебе мешает позаниматься еще год?

На этот вопрос Федя не нашел ответа и радостно улыбнулся.

– Да, вот еще что, – продолжил Андрей Николаевич, – в следующем году состоится Всероссийский конкурс. Я хочу, чтобы ты в нем поучаствовал.

– Но...

– Никаких «но». Даже если этот конкурс станет последним серьезным выступлением в твоей жизни, это будет, по крайней мере, достойный уход из искусства. Ну как, по рукам?

– По рукам, – честолюбие победило лень, и Федя нашел идею о конкурсе достаточно интересной.

– Хорошо, тогда встречаемся через неделю. Я подберу тебе серьезную программу, летом будешь разбирать. О'кей?

– О'кей.

Андрей Николаевич, один из лучших в городе педагогов по фортепиано, в свое время ставил перед собой самую высокую планку. Учился в Московской консерватории, занимал призовые места на известнейших международных конкурсах. Ему пророчили великое будущее. На четвертом курсе он готовился к участию в конкурсе им. Чайковского, занимался сутками и... переиграл правую руку. А дальше... Больницы, процедуры, депрессия... Врачи запрещали играть. При всех усилиях, двигательные функции до конца так и не восстановились. На карьере пианиста пришлось поставить крест. Консерваторию Андрей все-таки окончил, но об аспирантуре пришлось забыть навсегда. Потом тяжело заболела мама, пришлось уехать из Москвы... Казалось, жизнь закончена. Однако время умеет залечивать раны. Андрей Николаевич устроился на работу в музыкальное училище. Встретил свою любовь, женился. С женой они жили душа в душу, вырастили двоих детей и были вполне счастливы.

Недавно Андрей Николаевич отметил свой пятидесятилетний юбилей. Внешне он производил впечатление интеллигентнейшего человека, который совершенно не вписывался в сумасшедший ритм современной жизни, с ее постоянной гонкой за успехом. Он, мужчина среднего роста и средней комплекции, обычно немного в мешковатом костюме, с седыми волосами, зачесанными назад, словно пришел в этот мир из другого времени. Главное, что привлекало в его облике, – очень молодые, даже юные серые глаза, излучавшие какой-то особенный внутренний свет.

Попасть в класс Андрея Николаевича было невероятно сложно. Он отбирал самых лучших, самых талантливых ребят и буквально лепил из них лауреатов. Его выпускники один за другим поступали в лучшие ВУЗы Москвы, Питера, уезжали учиться за границу. Он нашел себя в преподавательской деятельности и полностью реализовался на этом поприще.

В музыкальной школе, где учился Федя, у Андрея Николаевича было всего пять учеников. Он пошел туда работать ради того, чтобы иметь возможность «выращивать» таланты с раннего возраста, правильно закладывая основы их будущих успехов. За всю свою карьеру педагога он видел много действительно одаренных детей, вернее, он только с такими и работал, но Литвинов стал настоящим открытием. Такие звездочки зажигались крайне редко. Андрей Николаевич искренне жалел о том, что о продолжении музыкального образования здесь не могло идти и речи. Несмотря на кажущиеся убедительными доводы родителей, он считал подобное решение непροстителыной ошибкой с их стороны.

Феде же педагог буквально заменил отца. Юноша всегда с нетерпением ждал очередной урок, ведь каждое занятие становилось настоящим событием, вдохновляющим, волнующим. Вообще, Андрея Николаевича боготворили все его ученики. Он не заставлял заниматься. Он учил так, что ребята занимались сами, подолгу и с удовольствием.

Дома у Феде разразился скандал.

– Еще год заниматься этой хренью?! Этот твой нищий педагог – идиот полный! Еще и конкурс придумал! Совсем уже! – Олег был вне себя. – Ты бы лучше английский подучил, вот это действительно тебе в жизни пригодится!

– Олег, успокойся, – Наташа, наоборот, была довольна решением сына. – Пусть занимается, если ему нравится, что в этом плохого? Лучше, если в компьютер будет играть или на улице болтаться?

– Решайте, как знаете. Но чтобы я дома ни одного звука не слышал! – Олег ушел, хлопнув дверью.

Наташа же подошла к сыну, положила руку ему на плечо, улыбнулась:

– Ты молодец. И все решил правильно.

И вот наконец!!! Наступило лето!!! Каникулы!!! После экзаменов Федя дня четыре отсыпался «до последнего». Режим за эти дни сбился капитально. Теперь он ночью не мог уснуть до двух часов, а днем спал до обеда. Наступили счастливые, беззаботные дни.

В выходные всей семьей уезжали на дачу. Федя купался, загорал, гулял по огромному дачному поселку. Олег наконец разрешил ему кататься на своем гидроцикле. Счастьем не было предела.

В городе Федя также находил себе множество поводов развлечься. Они с Яном долго бродили по улицам, катались в парке на роликах и на велосипедах, встречали закаты на реке. В дождливые дни ходили в кино или играли в компьютер. А иногда просто хотелось поваляться на диване и посмотреть телевизор. Жизнь была прекрасна, и все было замечательно, пока не произошло одно весьма странное событие.

Глава 5

Игра. Начало

На улице шел проливной дождь. Весь вечер Федя просидел в Интернете. В конце концов ему это надоело, но, перед тем как отключить компьютер, юноша решил проверить почту. Открыл. Опять... Невозможно соединиться с сервером...

Непонятно почему, у Феде возникло неприятное чувство, что кто-то сзади на него смотрит. Инстинктивно юноша оглядел комнату. Внезапно из компьютера донесся странный и незнакомый звук, довольно мелодичный, но, в то же время, чем-то пугающий. Федя, вздрогнув, повернулся к экрану. Вместо привычной темно-синей полосы, оповещавшей о приходе письма, на экране ярко засветилась серебристая полоса, на которой ровными, четкими, необычно черными буквами было написано: «ОТКРОЙ». Федя похолодел. Почему-то стало действительно страшно. Повинуясь инстинкту, подросток резким движением захлопнул ноутбук и зачем-то выдернул из сети адаптер. Вытер холодный пот со лба. Ложиться спать нужно раньше. Всякая хрень уже мерещится... Выключенный ноутбук задрожал. Федя осознал, что он сам дрожит точно так же. Крышка ноутбука сама открылась, ярко загорелся монитор, и снова появилась та же серебристая светящаяся полоса, но тянулась она уже во весь экран, и слово «ОТКРОЙ» горело жирными кроваво-красными буквами.

Не зная, что и думать, Федя осторожно затронул панель. Тут же открылось светло-зеленое окно, в котором буква за буквой начали появляться слова:

«Здравствуй, Федор.

Ты избран для участия в особой Игре. Ты, конечно, можешь отказаться, но возможность участия в подобном проекте появляется лишь раз в жизни. Мы не можем сразу рассказать тебе обо всех условиях. Либо ты доверяешь нам, либо нет.

В этой Игре у тебя будет возможность получить доступ к знаниям, которые приведут тебя к осуществлению твоих желаний. Это своего рода пропуск, код доступа к счастью. Дойдешь до конца – исполнится любая мечта. Проигравший теряет все. Теперь ты должен выбрать. Оставить все как есть, либо вступить в Игру. Если ты сейчас отказываешься, больше такого шанса у тебя не будет. Никогда».

Внизу текста появились две ссылки: «Игра», «Отказ».

Федя замер. Что за чушь?! Это что, русский вариант «Матрицы»? Может, кто-то из ребят пошутил? Хотя вряд ли у кого-то хватит ума его комп взломать... Вирус? Почему тогда по имени обращаются? Нет, на вирус не похоже... Юноша еще раз перечитал текст, «...к осуществлению твоих желаний. Это своего рода пропуск, код доступа к счастью... исполнится любая мечта...» М-да... «...Проигравший теряет все». Все – это как? Федя вспомнил Иришу. Ее точеную фигурку, волнистые длинные волосы... ее безразличие и холодность, «...к осуществлению желаний... исполнится любая мечта... код доступа...» Перед внутренним взором встали налитые кровью глаза отчима, их последний разговор... «...больше такого шанса у тебя не будет...» Бочков со своими подонками-друзьями там, у гаражей... Воспоминание отдалось такой болью, такая ненависть поднялась в душе... Федя решительно кликнул на ссылку «Игра».

Волнение до того зашкалило, что он не понял, показалось ему или нет, как из компьютера донесся далекий торжествующий смех. Но это было только мгновение. В следующую секунду появилась новая надпись:

«Приветствуем твой выбор, Федор. Добро пожаловать в Игру».

Далее – на весь экран выплыло название, написанное крупными ярко-красными буквами:
*«Интерпретация Граней Реальности. Аттракцион.
(в дальнейшем – просто Игра)»*

Надпись исчезла. Возникла следующая:

«Необходимо зарегистрироваться для участия в Игре. Нажми ВВОД. Когда на экране появится знак, приложи руку к монитору».

Не раздумывая, Федя нажал «enter». На экране выросло движущееся в бурлящем водовороте лилово-красное пятно. Казалось, монитор ожил и расплавился. Юноша решительно приложил руку к пятну. Крик нестерпимой боли вырвался из его груди. Рука приросла к экрану, всасываясь внутрь. На ладони будто раскаленным ножом медленно отрезали кожу. Отчаянными усилиями Федя пытался оторвать руку, но она лишь втягивалась в экран еще больше. Боль стала совершенно невыносимой, словно передалась во все тело. Внезапно раздался резкий громкий хлопок, рука моментально освободилась. Неведомая сила откинула юношу назад, он с размаху ударился головой об угол кровати и потерял сознание.

Очнувшись, Федя сел, вспомнил все, что произошло. Рука горела. Литвинов посмотрел на ладонь и чуть не закричал от ужаса. На ладони был вырезан непонятный знак, кожу будто срезали кусками:

Линии двигались, дышали, словно живые. Первой мыслью было бежать в ванную, попытаться смыть эту гадость, йодом прижечь, но взгляд подростка упал на экран компьютера...

«Поздравляем, Федор. Ты зарегистрировался в Игре. Этот знак – твой пропуск. Не пытайся его смыть либо удалить каким-либо иным способом. Тебе это не удастся. После регистрации отказаться от участия в Игре невозможно, последствия для тебя будут необратимыми. Либо участие, либо смерть. Если ты все прочитал и, надеемся, понял прочитанное, нажми ВВОД».

Федя, в шоке, сидел на полу, пытаясь осмыслить происходящее. «Либо участие, либо смерть». Если такое начало, то что же будет за продолжение?! Подожди, спокойно. Что за смерть? Каким образом?

Мысли путались. Просидев так некоторое время, Федя встал и, не придумав ничего другого, нажал «enter».

На экране появилась следующая надпись:

«Игра состоит из шести туров. Каждый тур продолжается до Конца...»

При виде слова «Конец» с большой буквы Федю передернуло.

«...После окончания тура ты вернешься к тому же моменту во времени, с которого начал, сколько бы ты в Игре ни находился. Для начала тура необходимо совместить знак на ладони со знаком на экране...»

Юноша выдохнул. Еще раз испытать подобное прикосновение к экрану ему явно не хотелось.

«...О начале каждого последующего тура сообщает Знак на ладони. Уклонение от Игры влечет неминуемую смерть.

Если информация прочитана и понятна, нажми, ОК».

Тяжело дыша, не в силах ни понять, ни принять происходящее, Литвинов оперся о стол. Мысли исчезли из головы. Отступать, по всей видимости, поздно. Юноша неожиданно решительно, без колебаний, кликнул на «ОК».

Знак на ладони вспыхнул, пульсируя. Тот же знак появился на экране. Стиснув зубы, подросток приложил к нему руку. Рука снова будто приросла, но на этот раз – безболезненно. Дальше Федя почувствовал, что его ноги оторвались от пола и его закружило на месте с невероятной скоростью, как на неведомом, жутком аттракционе. Все вокруг смазлось, комната исчезла, словно он находился внутри невообразимого смерча. Федя подумал, что, если так продолжится еще хотя бы минуту, его непременно вырвет. Внезапно все закончилось и он упал на землю.

Быстро вскочив на ноги, юноша огляделся. Он стоял на улице посреди весьма странной деревни, напоминающей кладбище из какого-нибудь триллера про вампиров. Все дома черные, мрачные, кривые. Небо хмурое, затянутое громоздкими тучами. Ни души. Жуткая гробовая тишина оглушила слух, не привыкший к полному отсутствию звуков. Кругом все гнетущее, грязное, неприятное. Захотелось в ту же минуту покинуть это место и никогда сюда не возвращаться. Федя вдруг осознал, что боли и жжения в руке больше нет. Посмотрел на ладонь. Странный знак бесследно исчез. Юноша облегченно выдохнул и тут же вскрикнул, испугавшись раздавшегося скрипа. Посреди улицы, из ниоткуда, появилась отвратительная грязная старуха, похожая на ведьму. Мерзко улыбаясь, она вплотную подошла к подростку. Он не шевелился. Куда бежать – он не знал, да и чувствовал, что старуха эта здесь не случайно. Стойкий запах бомжа, идущий от бабки, просто убивал. Пораженный всем произошедшим, не понимающий, ни где он находится, ни зачем он здесь, ни как отсюда выбираться, Федя просто решил принять правила. Другого выхода он все равно пока не видел.

Старуха, вцепившись длинными узловатыми пальцами в руку Литвинова, затащила его в старый заброшенный дом.

– Ну вот, пришли, – проскрипела она, – теперь слушай... – старуха закашлялась, а Федя огляделся вокруг.

Дом внутри походил на свалку. Через комнату нельзя было пройти, не споткнувшись. По всему полу, по убогой мебели грудями разбросаны старые пыльные книги, бутылки, газеты, бумажки, грязные вонючие кульки из дешевого супермаркета, сломанные стулья, тухлые объедки, от которых шел отвратительный запах. Федя покосился на лежащие сверху зловонной

кучи грязные старухины панталоны, которые она, как видимо, месяц носила, не стирая и не моюсь, и с огромным усилием преодолел приступ подступившей рвоты. В углах комнаты полотнами свисала липкая паутина, полная дохлых тараканов, да и живые ползали по комнате сотнями, пыли – как песка в пустыне, окно напоминало затонированные стекла автомобиля...

– Это – первое испытание, – произнесла наконец старуха. – Твоя задача – привести дом в порядок. До тех пор, пока не закончишь, – будешь жить здесь. Справишься – вернешься домой. Нет – останешься здесь навсегда.

Федя похолодел. Что за идиотизм?! В какую дрянь вообще он ввязался?! Он сошел с ума? Глюки? Одна большая галлюцинация? Надо крепко умом тронуться, чтоб такое привиделось!

– Имей в виду: вещи выбрасывать нельзя, их все нужно привести в порядок, постирать, починить. Еду тебе я сама буду приносить.

Федя ярко представил, как он стирает старухины панталоны, а затем – как ест еду, к которой она просто прикасалась...

– Бежать здесь некуда, – старуха словно прочитала его мысли. – Все понял?

Федя кивнул. Ему очень не понравилась улыбка старухи в ответ.

Бомжиха ушла. Юноша в шоке стоял посреди комнаты. Он ожидал чего угодно, но такое... Может, это новый способ заточения людей в рабство? В то же время он ясно понимал, что каким-то образом перешел в другой, неизвестный мир, и к страху, отчаянию, отвращению примешивалось любопытство и желание разгадать загадку этой Игры.

Конечно, зачитываясь своими любимыми книгами, он мечтал о волшебных превращениях, о великих подвигах и приключениях, о борьбе с Вселенским Злом и сражениях с чудовищами. Но произошедшее сейчас настолько мало походило на его мечты... Прекрасное испытание! Уборка бомжатника... Или существо, втянувшее его в «Игру», считает, что больших подвигов он просто не достоин? Или это какой-то чудовищный обман, ловушка?

Федя уже не помнил, когда он вообще в своей жизни занимался уборкой. Раньше он пытался помогать маме, когда они жили вдвоем, но это было так давно... Когда же они переехали к Олегу, подобной проблемы вообще не возникало: дом был полон хорошо обученной прислуги.

«...Пока не закончишь – будешь жить здесь...» Здесь не то что жить, просто находиться невозможно! Побродив по свалке, Федя поразился масштабам своей глупости. Надо же в такое ввязаться! Лето, каникулы – так все было хорошо, а тут...

Постепенно Литвинов вышел из ступора и осознал необходимость действовать. Стиснув зубы, принялся за уборку. Нужно хотя бы расчистить место, чтобы лечь спать и при этом во сне не задохнуться. Не зная, с чего начать, Федя собрал часть мусора, в первую очередь все максимально вонявшее, унес на свалку во дворе. Хоть бы перчатки, что ли, дали. Невообразимо противно ко всему прикасаться. Нашел крайне грязное ведро, порошки, тряпки. Вода из крана течет темная и ржавая. Ничего, ничего...

Прошло, как показалось, часов восемь. Федя абсолютно вымотался. Спина ныла и уже с трудом разгибалась, от пыли и вони из глаз текли слезы, юноша чихал каждую минуту. Но стало почище. По крайней мере, он разгреб и вымыл кровать. Литвинов почувствовал ужасный голод, и тут же на расчищенной кровати появилась тарелка с кашей, кусок хлеба и стакан сока. Еле отмыв руки, Федя набросился на еду. Его даже не интересовало, откуда она взялась, – до такой степени он устал. Убрать тарелку не хватило сил. Литвинов отставил ее куда-то в сторону и, не раздеваясь, уснул.

Проснувшись, Федя не сразу смог понять, где находится. Вспомнив произошедшее вчера, огляделся вокруг и пришел в неопишимый ужас: все вернулось к прежнему состоянию! Чистой осталась одна кровать. Как будто не было тех часов уборки, вымотавших его до такой степени. Даже весь мусор, который он вынес на свалку, снова лежал на тех же местах. В шоке, Федя не мог двигаться. Что это?! Куда он попал?! Как, черт возьми, отсюда выбираться?!!

Теперь подросток испугался по-настоящему. Это была чудовищная ловушка, выхода из которой он не видел. «Ладно, успокойся. Думай. Должен быть выход! Должен быть...» Федя решил попробовать еще раз. И так продолжалось несколько дней. Каторжный, выматывающий труд. Скучная еда, появляющаяся сама собой (ладно хоть не старуха приносила). Федя старался, как мог. Желание выбраться отсюда заставляло его вставать и делать, делать, делать... Но каждое утро все неизменно возвращалось к прежнему состоянию, даже становилось еще грязнее.

На пятый день терпение Феде закончилось.

– Все!!! – заорал он, вне себя от гнева. – Все, с меня хватит!!! Эй, вы, кто создал эту дурацкую Игру! Я выхожу! Я заканчиваю! Оставьте меня в покое!!!

И тут он вскрикнул от ужаса. Посреди комнаты внезапно появилась старуха, которая привела его сюда. На этот раз она была в черном плаще с капюшоном, вылитая Смерть. Перед Федей прямо в воздухе возник огромный полупрозрачный экран. На нем – две ссылки: «Закончить Игру», «Продолжить». Старуха подошла вплотную. Феде обдало ледяным холодом, злобное дыхание коснулось его лица, раздалось гнусное шипение: «Ты действительно хочешь закончить Игру и удалить ее содержимое в корзину?» На экране в качестве значка «корзины» появился гроб. Федя в ужасе посмотрел на старуху. Под капюшоном – пусто, зияющая черная дыра. Старуха подняла руки, протягивая их к юноше, из длинных костлявых пальцев на глазах вырастали толстые длинные иглы.

Федя никогда еще не кричал так громко:

– Не-е-е-е-ет!!!

Юноша бросился к экрану, нажал «Продолжить». Экран сразу испарился. Старуха с диким хохотом исчезла.

Литвинов сел прямо на грязный пол, заваленный мусором. От пережитого потрясения все тело стало как ватное, подросток не мог унять дрожь. Немного успокоившись, Федя осознал, что по его лицу безудержно текут слезы. Он прошептал:

– Господи! Господи, помоги мне! Помоги мне выбраться отсюда!..

Прошло еще три дня. Феде приходилось обматывать руки тряпками: все стер до мяса. Мозг уже отупел от постоянных мыслей об одном и том же: как выбраться, где выход? И вдруг... юношу осенило: ежедневное, неизменное возвращение грязи никак не касалось кровати! Пытаясь додуматься до возможных причин подобного феномена, Литвинов предположил следующее: он крайне нуждался в том, чтобы кровать оставалась чистой, ведь там он ел, спал и практически жил, в любом другом месте даже сесть было некуда. Федя решил попробовать действовать по-другому. Он стал усиленно думать, что нуждается в том, чтобы есть за столом, а не на кровати. Расчистил стол. Вымыл до блеска. И (о чудо!) на следующий день стол остался чистым! Не передать ликования, радости, надежды, вспыхнувших в душе подростка. Он сел и стал придумывать причины, почему ему необходимо, чтобы было чистым все остальное. Первое желание определилось сразу: помыться в чистой ванне, и Федя, концентрируясь на этом, принялся за отскабливание.

Неожиданно в комнате прозвучал необыкновенной красоты звук. Федя огляделся в поисках его источника и вдруг увидел непонятно откуда появившийся островок уюта и покоя: мягкое, чистое! кресло и большой плазменный телевизор, окутанные теплым струящимся светом. К тому моменту Федя валился с ног от усталости, и мысль отдохнуть в этом райском уголке показалась ему более чем естественной. Федя бухнулся в объемные подушки, провалился в них, как в пуховую перину, включил телевизор. Точно в теплую ванну, юноша погрузился в состояние необычайного комфорта, какого никогда прежде не ощущал, даже в собственной комнате в доме Олега. Он щелкал кнопками пульта: по всем каналам шли его самые любимые

программы. Федя с блаженством растянулся в кресле и отдался отдыху. Когда захотелось перекусить, перед ним появился маленький столик с чипсами и колой. Игра стала даже приятной.

На следующий день с утра Федя решительно принялся за работу, с сожалением поглядывая в сторону телевизора. Внутри шла тяжелая борьба. Нежелание что-либо делать усилилось многократно. Жгучее отвращение к подневольному труду доходило буквально до физического ощущения. Так хотелось бросить все нафиг! И вдруг... Федя увидел рядом с телевизором небольшой столик. На нем стоял новенький компьютер со всевозможными игровыми приставками. Волнение так и взвилось в груди. А если... Если Интернет вдруг есть... Можно будет с Яном, со всеми можно будет связаться! И может... Федя кинулся к компьютеру, быстро включил...

Через десять минут юноша, разочарованный, опустился в кресло. Интернет отсутствовал. Даже браузер не был установлен. Да там вообще ничего не было, даже Worda. Только куча всевозможных игр. И Федины любимые, и совсем ему неизвестные.

С тяжелым сердцем, Литвинов встал, взял в руки тряпку. Такая вдруг вспыхнула злость, захотелось эту тряпку порвать в клочки, все разбить, сломать, разрушить... Сжав зубы, Федя оттирал от ванны толстый слой липкой грязи, вьющейся в поверхность, казалось, навсегда. Почему-то подумалось: «Само слово „работа", наверное, произошло от „раб"...» Через полчаса юноша понял: если он продолжит, его просто порвет. Он со злостью бросил тряпку на пол, вытер руки о джинсы и сел за компьютер. Зона отдыха победила. И победила надолго.

Федя не мог сказать, сколько времени он так провел. Время вообще, казалось, здесь отсутствовало. День за днем он начинал что-то делать, но, подобно магниту, его притягивало мягкое кресло. Оно было будто заколдованное, и Федя не мог противиться его чарам. Сейчас подросток жил, словно в забытии. Он уже не понимал, как долго он здесь находится, сколько времени прошло – месяц или два, или пара недель... Федя знал: нужно выбираться, и он почти уже придумал, как это сделать. Надо вставать и работать. Однако желание отвлечься от проблем, уйти от этого кошмара было намного сильнее, и юноша не мог с ним совладать.

В один из дней Литвинов зашел в ванную и случайно взглянул на себя в зеркало. Потрясение было настолько велико, что Федя не мог даже крикнуть. В отражении перед ним стоял седой сгорбленный старик с морщинистым лицом. Федя перевел взгляд на свои руки. Руки старца, изъеденные морщинами, с узловатыми пальцами... Без чувств Литвинов упал на пол.

Ариас и Дэмиаль хохотали до колик, наблюдая за происходящим. В просторном зале, наполненном неземным светом, на всю стену растянулся экран с безупречно качественным объемным изображением. Утопая в мягких креслах, ангелы следили за каждым шагом Феде, и сейчас им было весело, как никогда.

– Ну что, уберем это, когда очнется? – смог наконец произнести Дэмиаль.

– Придется... – Ариас задыхался от хохота. – Бедняжка коньки отбросит...

Очнувшись, Федя долго еще лежал на полу, не в силах подняться. С беспредельным страхом еще раз посмотрел на свои руки, и вздох облегчения вырвался из его груди. Он резко вскочил, подбежал к зеркалу. Выдохнул: все в порядке. Федя потрогал свое лицо, оглядел себя... Может, ему просто привиделось? Как бы там ни было, больше к этому проклятому креслу он не подойдет!

Федя с новыми силами принялся за отскабливание. Он даже думать не смел ни о компьютере, ни о кресле, ни о телевизоре. Зона отдыха тихо исчезла.

На следующее утро Федя проснулся от ужасной вони. Поднял голову и понял, что снова все стало точно так, как прежде. И кровать, на которой он спал, точно так же завалена мусором. Федя, будто окаменев, сидел на этой свалке. Губы дрожали. Просидев минут пять, он вскочил.

чил, в гневе схватил какую-то палку и просто начал все крушить направо и налево. Он разбил все окна, всю посуду, какую смог найти, до единой тарелки. Ломал все подряд, в бессильной, бешеной ярости, плохо понимая, зачем вообще он это делает.

Тут в комнате появилась старуха. Федя, не обращая на нее внимания, продолжал разрушение свалки.

– Ты снова хочешь закончить Игру? – прокаркала старуха.

– Нет, не хочу!!! – в ярости проорал Литвинов, доламывая стул.

– Тогда тебе придется все склеить обратно!

– А мне...!!! – впервые в жизни Федя сматерился при даме. – Пошла вон отсюда, старая ведьма!!!

В тот же миг Федя взлетел в воздух, его резко отбросило к стене и словно к ней приклеило. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Старуха медленно поднялась над полом. Это ее движение, как показалось юноше, длилось целую вечность. И вдруг старуха неожиданно стремительно, в долю секунды подлетела к Литвинову вплотную, сдавила костлявыми пальцами его горло. Подростку показалось, что он сейчас умрет больше от страха, чем от удушения.

– Еще одна истерика – и я сама удалю тебя из Игры. Ты понял?!

– Да... – едва смог прохрипеть Федя.

Старуха отпустила его, с хохотом исчезла, а юноша рухнул на пол, в гору мусора и осколков. В бессилии, он лежал, тупо глядя в одну точку, и думал, что закончить эту Игру – не такая уж плохая идея. Так прошло с полчаса. И тут...

– Федя! – в комнате явственно прозвучал мягкий голос, непонятно, то ли высокий мужской, то ли низкий женский.

Юноша вздрогнул. Не поддающийся контролю, животный страх завладел всем его существом. В комнате никого не было. Еще каких-то призраков не хватало.

– Федя, не бойся. Я тебе помогу, – произнес тот же голос.

Литвинов, в панике, оглядывался по сторонам. Взгляд остановился на небольшом, светящемся голубовато-золотыми лучами шарике, висевшем в воздухе.

– Это еще что? – Дэмиаля передернуло.

Ариас внимательно всмотрелся в экран и произнес:

– Это Дэя, его ангел-хранитель.

– Мы так не договаривались! У него не должно быть советчиков! – взорвался Дэмиаль.

– Ангел-хранитель сопровождает каждого человека, и ты это знаешь. Никто не запретит ему помогать.

– Тогда никто не запретит черту ему мешать!

– Тебе что, в Игре помех мало? Он и так справиться не может!

– А я и говорил, что он не справится.

– Подожди, – Ариас устремил взгляд на экран.

Федя с неподдельным страхом смотрел на шарик, не зная, чего еще ожидать.

– Федя, я Дэя, твой ангел-хранитель. В жизни я не имею права тебе показываться, но в Игре нет правила, запрещающего это.

– Вы... кто?!

– Ангел-хранитель.

– Я что, уже схожу с ума?

– Какие вы, люди, странные. Когда вы видите что-то плохое, то воспринимаете это как само собой разумеющееся. Старухе ты даже не удивился. Когда же вы видите Свет – вам это кажется ненормальным.

– Хорошо, извините.

– Да давай уж на «ты». Всю твою жизнь ни на шаг от тебя не отходила.

– Не отходила... Вы... ты... женщина?

– У нас нет пола. Просто мое имя – Дэя – в твоём языке звучит как женское, и тебе в женском роде будет удобнее меня называть.

– Как бы сказал Ян – офигеть.

– Если ты чего-то не видишь или не знаешь, то не значит, что этого не существует.

Юноша вдруг ощутил необычайное тепло и спокойствие, будто он действительно встретился с кем-то родным и близким, кого знал много лет.

– Дэя... – произнес он задумчиво.

– Я попытаюсь помочь тебе выбраться отсюда. Но смогу лишь указать направление. Разгадать эту загадку ты должен сам.

– Загадку?! – Федя усмехнулся. – Это от слова «гадить»?

Шарик засмеялся:

– Загадку в прямом смысле слова. Вот скажи, если ты что-то делаешь и это не действует, зачем ты продолжаешь это делать?

– Но... – Федя смутился. Мысль, высказанная шариком, была слишком очевидна, но она ни разу не пришла ему в голову.

– Не смущайся. Так живет большинство людей. День за днем они делают то, что им не нравится, не приносит результата, и никогда даже не задумываются над тем, как все изменить и жить по-другому. А часто для того, чтобы найти выход, достаточно понять, что не нужно пробивать его головой в стене, и просто открыть дверь, которая находится рядом.

– Но старуха сказала...

– А ты всегда будешь все делать только так, как тебе скажут? Даже не пытаешься найти истины? С чего ты взял, будто именно старуха знает ответ? Старуха – это эталон того, кто Знает? А даже если и знает, ты уверен, что абсолютно правильно ее понял?

Федя в растерянности молчал.

– Думай. А я – всегда рядом с тобой, – шарик тихо растворился в воздухе.

Федя не знал, что и думать. Делать по-другому, но как? Где найти ответ? Тут до него дошло: ведь он ни разу не вышел на улицу! Федя решительно направился к выходу, открыл дверь.

– Сбежать решил?! – дорогу преградила старуха.

– Я просто хочу выйти, посмотреть.

– К вечеру не вернешься – Игра для тебя закончится, и ты знаешь чем.

Старуха в очередной раз исчезла, а Федя вышел из дома. Снаружи – не лучше. Грязные, покосившиеся дома, пустые улицы, ни души. Казалось, он единственный живой человек в этом странном месте. Юноша брел между заброшенными домами. Внезапно он обо что-то стукнулся всем телом, точно о невидимую стену. Удивленно протянул вперед руку. И правда стена! Только прозрачная. Федя смотрел сквозь стекло, пытаясь понять, что за ним находится. Такие же полуразрушенные дома, больше ничего... Юноша отметил про себя, что все дома, как две капли воды, походят друг на друга. Федя пошел вдоль прозрачной стены, держась за нее рукой. Он шел очень долго, часа полтора. Ни внутри, ни снаружи пейзаж не менялся. Вдруг Федю осенило: он ходит по кругу! Стена круглая! Чтобы это окончательно проверить, Федя снял носки, положил их на землю и продолжил свой путь. Он вернулся к носкам минут через двадцать. Тут ему в голову пришла еще одна мысль. Он внимательно всмотрелся в пейзаж за стеной, резко повернулся, посмотрел внутрь круга. Отошел в другое место, еще в другое... Точно. Стена не прозрачная. Это зеркало. Странное зеркало, в котором он сам не отражался, но которое в точности повторяло все, что находилось внутри круга. Федя ощутил себя запертым в какой-то чудовищной клетке. Может, попытаться сломать? Федя подобрал на дороге увесистый камень, размахнулся, кинул... Булыжник тут же вернулся бумерангом и больно стукнул

подростка по голове. Бросить камень второй раз Федя не решился. Он нашел крепкую палку и попытался разбить стену. Палка беззвучно отскакивала от непонятного вещества, словно от мягкого батута. Бесплезно: так не выбраться.

А может... Федя зашел в первый попавшийся дом и... ахнул. Это был точно такой же дом, как тот, в котором он провел столько времени. Даже весь мусор лежал на тех же местах, и тот же самый мусор! Федя выскочил наружу, забежал в следующий дом. То же самое! И в третьем, и в четвертом, и в пятом... В ужасе, Федя вышел из очередного дома, сел прямо на землю, сдвинул голову руками. Это кошмарный сон. Он сейчас проснется!!! Федя крепко зажмурился. Когда он открыл глаза, перед ним, ухмыляясь, стояла старуха.

– Ну, посмотрел?

Федя не мог произнести ни слова. Сколько бы он сейчас отдал за возможность вернуться в свою прежнюю жизнь! Он согласен был терпеть Олега, жить с ним в одной комнате, отказаться от всех удобств, от денег, пойти работать, день и ночь учить уроки, пожать руку Бочкову, все что угодно, только выбраться отсюда!!!

– Иди в дом, – приказала старуха.

– В какой? – безучастно произнес Федя. – Они все одинаковые.

– Здесь один дом.

– А остальные?

– Это один дом, – повторила старуха и исчезла.

Федя не стал грузиться. В конце концов, какая разница: один или несколько одинаковых... Зашел в первый попавшийся дом, сел на мусорку, называемую кроватью. Опустил взгляд на свои джинсы – рваные, грязные, провонявшие всякой дрянью. Он уже тут скоро в бомжа превратится. На сердце настолько тяжело... Федя даже не помнил, чтобы у него когда-нибудь вообще было подобное состояние. Наверное, это и называют депрессией. Что будет, если он не сможет отсюда выбраться? Еще немного – и он действительно сойдет с ума. Как же юноша злился на себя! Какого черта было ввязываться в эту, так называемую, Игру?! Он ведь абсолютно не знал, ни кто за этим стоит, ни зачем им это нужно, а сейчас более всего не понимал, зачем это нужно ему самому. Ведь все было хорошо, надо было все вот так испортить! Да что думать, сам виноват. Сам же дал согласие!

– Федя! – мягкий голос Дэй нарушил гробовую тишину, юноша вздрогнул. – Успокойся, вспомни, что я тебе говорила. Иначе ты сам превратишься в подобие этого дома.

– В смысле?

– Когда человек заикливается на своей проблеме – он не видит мира вокруг. Все отражает только проблему, и чем больше человек думает о ней, тем сильнее сужается это зеркальное кольцо. Знаешь, мир намного шире. Ты не замечал, что из одной точки можно двигаться в любую сторону? Возможностей и вариантов – бесчисленное количество, а путь определяет выбор. Реальность безгранична. Помни об этом.

Дэй исчезла так же тихо, как появилась. Федя мало понял из услышанного, но ему стало намного спокойнее. Однако на сегодня испытания не закончились.

Федя зашел в туалет. Когда он смыл воду, в унитазе что-то угрожающе булькнуло, внутрь ничего не ушло, и содержимое стало быстро вытекать на пол.

– Вот черт! – Федя вмиг забрался на ванну. – Черт! Черт!

– Я здесь! – пропищал кто-то омерзительным тоненьким голоском, и Федя увидел на бачке унитаза маленького черного чертика с хвостом и копытами. Юноша вскрикнул от страха, прижался к стенке ванной. Ну все, уже что-то типа белой горячки...

– Ты же сам меня позвал! – нагло заявил непрошенный гость.

– Уж тебя-то я точно не звал!

Чертик перепрыгнул на ванну.

– Уходи! Не подходи ко мне!!! – в панике проорал Литвинов.

– Боишься! – зашипел чертенок, но тут перед Федей ярко засветился шарик, и теплый, уже знакомый голос спокойно произнес:

– Исчезни.

С визгом чертенок будто лопнул в воздухе. Федя перевел дыхание.

– Дзя... Спасибо!

– Пожалуйста.

– Знать бы еще, как это все убрать...

– Ну, здесь я тебе вряд ли помогу. Придется самому.

Ругаясь последними словами, Федя совком для мусора стал собирать все с пола в ведро. С трудом сдерживая рвоту, подросток несколько раз вынес ведро на свалку, нашел какую-то палку, как смог, прочистил унитаз. Отмывать туалет пришлось до глубокой ночи. До того было гадко, что под конец Федей все-таки вырвало. Одежда вся провоняла, пришлось еще ее всю постирать. Потом Федя долго отмывался, руки вымыл, наверное, раз двадцать. Когда, измученный и уставший до предела, он повалился на грязную, вонючую кровать, он понял, что соскучился по Олегу.

Дэмиаль довольный смотрел на экран. Ариас в негодовании ходил по залу.

– Ну, и что тебе это дало? Удовлетворился?

– Ангел тоже не был предусмотрен.

– Ангел предусмотрен *вообще*. Всегда.

– Точно так же *всегда* предусмотрен тот, кто будет мешать.

Ариас вышел, хлопнув дверью.

На следующий день Федя не спешил вставать. Он лежал и думал. Получается, если снаружи выхода нет, он должен быть внутри. Внутри дома. Внезапно появившаяся мысль заставила юношу со злостью хлопнуть себя по лбу: как же он раньше не додумался?! Грязь возвращалась ночью, когда он спал. Нужно просто посмотреть, что ночью происходит!

Федя проспал целый день. Уже под вечер он встал, быстро вынес на свалку несколько ведер мусора, чтобы было чему возвращаться. Больше ничего убирать не стал. Побродил по комнате, пиная ржавую банку, которую в конце концов загнал в здоровенную щель в полу. Затем поел и снова лег. Выспавшись за день, он просто лежал и ждал. Стемнело. Юноше стало не по себе. Темная, мрачная комната словно давила на него со всех сторон. Ему и днем-то невыносимо было здесь находиться, а ночью... Мертвенный свет луны залил комнату через грязное разбитое окно, предметы стали казаться призрачными, нереальными. Слышались едва заметные шорохи. Темный, липкий страх поднимался в душе. Федя посильнее натянул на себя одеяло и, не смея пошевелиться, продолжил наблюдать сквозь полузакрытые веки. И вдруг...

Дверца старого шкафа со скрипом отворилась, и из него вылезло отвратительнейшее существо, маленькое, размером с небольшую собаку, все заросшее длинными нечесаными волосами, одетое в жуткие лохмотья, покрытые мхом и плесенью. На месте, которое должно называться лицом, горели два огромных фиолетовых глаза. Неуклюже переваливаясь, существо направилось к центру комнаты. Оно одновременно внушало страх, отвращение и жалость, непостижимым образом сочетая в своем облике нечто угрожающее и трогательное, этакий «Чебурашка с того света». От страха перехватило дыхание. Федя еще больше прикрыл глаза, притворяясь спящим.

Существо подняло толстые ручки с длинными грязными когтями, как-то странно провело ими по воздуху, и... Федя замер, вжавшись в кровать. Отовсюду выползали гадкие липкие твари, похожие на полуразлагающихся слизняков. Слизняки сновали по комнате, тащили обратно весь мусор. Везде, где они проползали, оставался толстый слой грязи и пыли. Это продолжалось до тех пор, пока комната не приобрела первоначальный вид. Потом все слизняки

расползлись по своим углам. Существо из шкафа оглядело комнату печальными фиолетовыми глазами, проковыляло к своему убежищу и скрылось за дверцей.

Федя лежал, не шелохнувшись. Потрясенный увиденным, он смог уснуть только под утро.

Проспав полдня, Федя позавтракал, сел на кровати и снова начал думать.

– Дядя! – позвал он.

– Что?

– Скажи, что будет, если я попробую с этим... ну, из шкафа, поговорить?

– Не знаю.

– Скажи хотя бы, насколько это опасно?

– Я не могу тебе этого сказать, Федя. Ты сам должен решить.

– Но почему?!

– Таковы правила Игры. Все решения ты должен принимать сам. Я не имею права тебе подсказывать.

– Но ведь ты мне и так уже многое подсказала.

– Хорошо. Скажем так. Идти на риск всегда страшно. И часто последствия могут быть печальными. Но: кто не рискует – тот никогда не выигрывает. К тому же, иногда намного страшнее не рисковать и оставить все так, как есть.

Федя помолчал, осмысливая услышанное, и произнес наконец:

– Дядя, спасибо. Ты мне очень помогла.

Весь день Литвинов терзался мыслями о предстоящей ночи. Он лег поспать, но заснуть не смог и только зря промучился часа два.

К ночи решимость исчезла совсем. Федя неподвижно лежал, укрывшись одеялом, и думал лишь об одном: сможет ли он вообще сделать то, что сделать необходимо. Взошла луна. Ее тусклый свет высосал из комнаты остатки жизни, наполнив ее мертвенным ощущением абсолютной нереальности происходящего. Минуты тянулись как часы. Внутри словно натянулась струна, готовая порваться в любой момент всплеском безграничного ужаса.

Наконец дверца шкафа отворилась, вылезло лохматое существо с фиолетовыми глазами, прошло на середину комнаты. Надо решиться... Ну же!

Федя сел на кровати, едва выговорил заплетающимся языком:

– Простите, а-а-а... вы кто?

Существо вздрогнуло от неожиданности. С диким воем оно поднялось в воздух. Вмиг комната озарилась кроваво-красным светом. Существо вытянуло ручки по направлению к Феде, из них в секунду выстрелило что-то липкое и вязкое, как паутина, и опутало все тело подростка, создав нечто подобное кокону. Чуть не теряя сознание от ужаса, Федя прокричал:

– Я не хотел вам сделать ничего плохого! Я просто хочу поговорить... Поговорить с вами! Я спросить хочу!

Исчадие Ада безмолвно летало вокруг Феде, не сводя с него светящихся глаз. Будто примеривалось, с какой стороны удобнее напасть. Юношу трясло.

– Простите, если я обидел вас. Давайте поговорим, пожалуйста! Я очень вас прошу! Мне нужна ваша помощь!

Существо приземлилось рядом с подростком. Фиолетовые глаза смотрели на Феде, не отрываясь.

– Страшно?! – наконец произнесло оно скрипучим, как старое дерево, низким голосом.

Федя не ответил. Слово «страх» даже слабо не отражало кошмара, происшедшего внутри. Попробовал пошевелиться – не получилось: паутина слишком прочная. Его словно замуровали в бетон.

– Кто вы? – едва смог произнести юноша.

– Я? Суть. Суть твоей проблемы, – коротко ответило существо и добавило: – И теперь, когда ты со мной наконец встретился, проблем у тебя стало больше, правда?

– По крайней мере, появилась надежда их решить, – выдавил Федя.

– Ты уверен? – расхохотался его собеседник.

Долгая пауза показалась часом.

– Что, хочешь меня убить? – внезапно выпалило существо. – Уничтожить?! Попробуй! Ты сейчас полностью в моей власти! И это я сделаю с тобой все что угодно.

Интуитивно Литвинов вдруг понял: единственный выход – говорить. Не важно о чем.

– У меня даже мысли не было вас убивать! – ответил юноша. – Я просто хочу выбраться отсюда!

– Все элементарно. Наведи в доме порядок – и ты свободен.

– Но ведь вы не позволяете это сделать! Почему?

– Это – вопрос к тебе.

Воцарилась тишина. Федя зашел в тупик, не понимая, к чему клонит не совсем нормальный Чебурашка.

– Хорошо, – предпринял еще одну попытку юноша, – что вы хотите от меня взамен на свободу?

– Может, я вообще хочу тебя убить.

– За что? – в голосе Феде появились нотки безнадежного отчаяния. – Что я вам сделал?!

– В том-то и дело, что ты еще ничего не сделал. Если не зажечь свет – тьма останется тьмой.

Литвинов задумался.

– Тогда скажите, что для вас – свет? – спросил он наконец.

– Любовь, – коротко ответил его жутковатый собеседник.

Федю передернуло: что он имеет в виду?! Существо же продолжило:

– Любовь, которую я утратил когда-то, но так и не смог вернуть.

– Тогда расскажите мне...

Отвратительное создание странно задергалось в ответ и внезапно зашлось рыданиями, бормоча себе под нос:

– Проклятье – вот ответ на грех. Отныне ты забудешь смех. Утрачена навек любовь. Соединит лишь смертный вновь...

Существо повторяло четверостишие снова и снова, как заклинание. Понемногу оно успокоилось и затихло. Федя лихорадочно пытался выстроить логическую цепочку. Чтобы выйти из Игры, надо убрать дом. Убрать дом невозможно, пока эта тварь находится в расстроенных чувствах. Ему надо любовь, которую он когда-то утратил. «Соединит лишь смертный вновь», – значит, этот смертный и есть Федя. Старуха говорила... Старуха!!!

– Старуха?! – выпалил Федя. – Это старуха?!

– Не называй ее так! – грозно окрикнуло его существо. – Я люблю ее в любом обличье!

– Вот жуть... – пробормотал Литвинов себе под нос. – Так я-то чем тут могу помочь?!

В ту же секунду в комнате появилась старуха.

– Ты все-таки добрался до сути, – прокаркала она. – Теперь осталось решиться на последний шаг. Проклятие можешь снять только ты.

– Но... – Феде стало еще хуже в присутствии этой зловонной дамы.

– Ты должен дать одну руку мне, другую – ему, – прошипела старуха. – Дальше будет действительно страшно. Проклятие имеет великую силу. Сможешь соединить наши руки – снимешь проклятие. Не сможешь – второй попытки у тебя не будет. Соединяй несмотря ни на что. Ни на что! Слышишь? Останешься цел, если поверишь. Ну! Согласен?

– Да... – у Феде душа ушла в пятки.

Тут же исчез кокон. Юноша, тяжело поднявшись с кровати, обреченно протянул дрожащие руки старухе и непонятному существу. Правую ладонь, которую схватила старуха, обожгло ледяным холодом, будто он взял за руку мертвеца. Левую – точно окунул в унитаз, кишачий червями... Едва выдержал этот миг, сумел не отдернуть...

– А-а-а-а-а!!! – резкая боль пронзила все тело, словно ток проходил по каждой клеточке... Руки застыли, не в силах двинуться с места... Ослепила яркая вспышка света... Тут же – кромешная тьма... Снова свет, ярко-синий... красный... Не соединяется! Руки не двигаются!!! О Боже! Прямо перед ним, между локтями, крутится диск с острыми зубьями, напоминающий бензопилу... Руки наконец ожили, но как теперь соединить?! «Соединиай несмотря ни на что...» «Второй попытки не будет...» Господи, как страшно! Ведь все сейчас отрежет, нафиг... «Останешься цел, если поверишь...» «Не бойся, это лишь видимость! – послышался в голове крик Дэи. – Не смотри!» Легко сказать... Надо решиться, все равно другого выхода нет... Тело как каменное, не шелохнуться... Федя судорожно вдохнул, зажмурившись, отчаянным рывком, с криком боли и ужаса, соединил прямо сквозь острое лезвие... Все потемнело и исчезло...

Литвинов открыл глаза. Сел на полу. Со страхом посмотрел на руки. Вздых облегчения вырвался из груди: все цело! Огляделся вокруг, не веря своим глазам. Дом изменился до неузнаваемости. Будто все вынесли, сделали евроремонт, поставили новую мебель... Все блестело и сверкало. Прямо перед Федей стояла молодая, ослепительно красивая девушка в длинном вечернем платье. Рядом с ней – элегантный высокий молодой мужчина в смокинге. Оба счастливо улыбались.

– Не узнаешь? – спросила Федю девушка.

– Вы... – юноша осекся, не решаясь даже предположить.

– Да, я та самая старуха, – рассеяла его сомнения прекрасная незнакомка.

– Охренеть... – все, что смог пробормотать Федя.

– Твое испытание закончилось, – произнесла девушка, – и, надо сказать, ты с честью его выдержал. На такое не каждый бы решился.

В руках у девушки появился небольшой прозрачный сосуд, похожий на вазу с широким дном и узким горлышком. Горлышко наглухо закрыто, то есть дырки в нем не было вообще. Внутри находилось непонятное вещество золотисторозового цвета – то ли пар, то ли жидкость. Вещество постоянно двигалось, перетекая, переливаясь, меняя формы и очертания. Девушка протянула сосуд Феде:

– Возьми.

Юноша с опаской взял емкость. В жидкости тут же появились прожилки темносинего цвета.

– Ты до сих пор боишься, – произнесла девушка, – это цвет страха.

Федя удивленно посмотрел на нее.

– Этот Сосуд – зеркало твоей души, ее состояния, баланса между темным и светлым началом в твоём сердце. Он очень тебе пригодится. Береги его. А теперь – первый тур Игры закончен. Прощай.

В ту же секунду Федю закружило невидимым смерчем, все вокруг поплыло, растворилось, и, задыхаясь, он шлепнулся на пол своей комнаты, своей родной комнаты в доме Олега. Литвинов сел на полу. Неужели он действительно вернулся?! Кинулся к компьютеру. 27.06.2007, 22:27 – даже время совпадает! Тот же момент, с которого началась Игра. Как и обещали. А, казалось, прошло не меньше двух месяцев. Федя плюхнулся в кресло. Рука сжимала Сосуд, точно доказательство того, что все это не было галлюцинацией или кошмарным

сном. Юноша посмотрел на свои ладони. Шрамы и мозоли затянулись, исчезли. Оглядел себя. Одежда снова стала целой и чистой. Господи, как хорошо дома! Как здесь хорошо!!!

Литвинов спрятал Сосуд в шкаф, в тайник, и первым делом направился в ванную. Лежа в пене в горячей воде, он почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Он не помнил, когда вообще ему было так комфортно. Отмывшись, Федя надел белоснежный махровый халат, спустился в столовую. Домашняя еда!!!

– Федя! Ты чего? Ты же хорошо поужинал... – Наташа растерянно смотрела на сына, поглощающего недельный запас продуктов.

– Да просто есть хочу, мам, все нормально.

Федя подошел к матери, обнял ее:

– Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – у Наташи почему-то заскребли кошки на душе. – И все-таки, что не так. Федя, что случилось?

– Мам, все хорошо. Все очень хорошо.

На следующий день Федя проснулся в семь утра. Вскочил с постели. Сна как не бывало. Внутри словно находилась бомба, готовая взорваться в любой момент. Юношу переполняло волнение, как перед самым серьезным экзаменом или как в ожидании у кабинета зубного врача. Литвинов бросился к шкафу, открыл свой тайник. Он так надеялся, что там ничего нет, и все произошедшее с ним было просто страшным сном, но... Федя достал Сосуд. Жидкость внутри мгновенно окрасилась более чем наполовину в темно-зеленый цвет, оставшееся на дне вещество приобрело приятный светло-золотистый тон. Аккуратно положив Сосуд обратно, юноша, в сильнейшем волнении, плюхнулся в кресло, машинально потер лоб. Значит, это не сон. Кошмар происходил в реальности. Только в какой реальности? Что это было?! Федя вскочил и начал нервно ходить по комнате, сидеть на месте он просто не мог. Почему-то именно сейчас юноша отчетливо осознал иррациональность и «ненормальность» случившегося. Там, в Игре, все воспринималось как само собой разумеющееся, ну или, скажем, почти все. Там он просто принял правила: у него не было иного выбора. Но сейчас... Это не укладывалось ни в какие рамки, было выше любого понимания. Ужасно захотелось кому-нибудь все рассказать, просто с кем-то поговорить, но как?! Если бы, к примеру, Ян ему такое рассказал, он бы точно подумал, что друг сошел с ума. А может, у него реально в голове «сдвинулось»? Подобные мысли все равно невольно возникали, как Федя ни старался их отогнать. Но ведь... Ведь есть вещественное доказательство, что произошедшее не плод его больного воображения: Сосуд! Если кто-то другой тоже его увидит, значит это не фантазия! Литвинов быстро придумал план действий, в минуту оделся, схватил Сосуд, спустился на кухню и подошел к домработнице, которая готовила завтрак:

– Тетя Оля, на ваш взгляд, какой здесь цвет? – Федя показал ей Сосуд.

– А что это?

– Да мне по химии на лето задание дали, я же экзамен на тройку сдал, вот пересдать хочу. Мне сейчас описание раствора надо сделать.

– Красивый флакончик. А вот цвет... Хм... Вот ведь незадача, и на розовый походит, и на золотистый... – тетя Оля задумалась. – Ну, напиши, персиковый, что ли? Не знаю я, Федя.

– Ладно, тетя Оля, спасибо большое! – выдохнув с облегчением, удовлетворенный и радостный, юноша понесся наверх. Назвать сумасшедшей всеми любимую, добродушную и такую земную тетю Олю смог бы разве что действительно сумасшедший.

Федя спрятал Сосуд в шкаф, сел на кровать, внимательно осмотрел правую ладонь. На ней не было ни следа от странного движущегося знака. Все как прежде. Как прежде?.. Подумалось, ведь внутри него что-то очень сильно изменилось, и вряд ли когда-то станет таким, как раньше. Но прежде всего волновало другое. Федя хорошо запомнил правила Игры: пред-

полагалось шесть туров. Шесть! Если первый был вот таким, что же тогда будет дальше? Федя поклялся себе никогда в жизни больше не ввязываться в подобные авантюры. Хотя подобное вряд ли вообще когда-то и с кем-то еще может произойти. И чем это, интересно, он заслужил подобную честь – пройти через такую гадость? К тому же, обещанного счастья пока как-то не видно. При всем том, Федю съедало любопытство и желание докопаться до сути этой Игры. Кем она создана? Зачем? Почему именно он стал ее жертвой? И где он, собственно, был?

В комнату заглянула Наташа.

– Проснулся?

Федя настолько был погружен в свои мысли, что аж подпрыгнул от неожиданности, громко при этом вскрикнув.

– Ты чего испугался?! – Наташа сама вздрогнула от такой реакции.

– Ой, мам, извини... Просто... э-э-э... задумался.

– Пошли завтракать, все уже накрыто.

– Да, сейчас умоюсь и спущусь.

– Ну, мы тебя ждем.

Федя умылся холодной водой, что немного привело его в чувство. Мандраж все равно не проходил. Юноша пытался себя успокоить: ведь все уже хорошо, он дома. Но все буквально валилось у него из рук.

Через две минуты после начала завтрака Федя пожалел, что вообще вышел из комнаты. Сначала он уронил на скатерть кусок омлета, когда пытался положить его к себе в тарелку. Покраснел, извинился, попытался убрать омлет салфеткой, тот из салфетки выскользнул и упал на пол. Федя нагнулся, чтобы все исправить, задел головой тарелку, она упала и разбилась. Котлета, лежавшая на тарелке, прямиком улетела на белоснежные брюки Олега.

– ...!!! – послышался отборный мат.

– Олег! – Наташа с упреком посмотрела на мужа, но для того произошедшего было достаточно, чтобы дойти до белого каления.

– Придурок несчастный! Нет, ну нормальный человек будет так делать?!

– Олег, прекрати! – Наташа тоже завелась. – Ты же видишь, он случайно!

– Такие случайности в *нормальном* состоянии не происходят!

Наташа вздрогнула и как-то странно посмотрела на Олега.

– Именно это я и хочу сказать! – ответил он ее взгляду, смысл которого прекрасно понял.

Федя, весь пунцовый, встал из-за стола.

– Извините. Я потом поем, – подросток направился к выходу.

– А ну, стой! – тон Олега не терпел возражений. – Покажи руки. Покажи руки, я тебе сказал!

До Феде дошло, что имел в виду Олег. Больше юноша собой не владел. Он резко повернулся к отчиму и проорал:

– Нет!!!

Наташа с Олегом быстро переглянулись, и это окончательно вывело Федю из себя.

– Может хватит уже?! Ну сколько можно?! – юноша вышел, изо всех сил хлопнув дверью.

У Наташи на глазах появились слезы. Она медленно повернулась к мужу:

– Олег... Олег, неужели ты был прав?..

– Посиди, я с ним поговорю.

Олег выбежал вслед за Федей, догнал его на лестнице.

– Ты что себе позволяешь?!

– А вы не много себе позволяете?!

– Не покажешь руки – сейчас в больницу поедешь на экспертизу!

– Да пожалуйста! В больнице хоть вас не будет!

Олег дернул Федю за руку так, что тот чуть не упал, вывернул ладонью вверх. Сходя с ума от бессильной ярости, юноша понял, что сопротивляться бесполезно. Отчим всегда добивался поставленной цели и не останавливался ни перед чем. Олег проверил обе руки, потащил подростка к окну, чуть не вывихнув ему плечо.

– Смотри на меня!

Федя, сжав зубы, смотрел в пол.

– Посмотри на меня, тебе сказали!!!

Юноша поднял на Олега глаза и постарался выразить во взгляде всю ненависть, которую он к нему испытывал. Олег, убедившись, что зрачки не расширены, облегченно выдохнул.

– Убедились? Или еще в больницу съездим? Может, хотя бы тогда извинитесь?!

– Федя сам поразился собственной наглости.

Олег уничтожающе посмотрел на подростка, но от удара удержался:

– Ты еще поговори со мной в таком тоне, щенок! Мать твою жалко, а так – прибил бы!

Олег развернулся и ушел. Федя же, сгорая от гнева, поднялся в свою комнату. Забрался в кресло с ногами, попытался успокоиться. Спустя некоторое время, злость немного утихла. Внезапно юноше пришла в голову мысль: интересно, а что... Федя вскочил, открыл шкаф, достал Сосуд и... ахнул. Жидкость внутри была черной, плотной и вязкой. Как деготь. Литвинову стало противно. Будто его всего обмазали грязью. Он быстро убрал Сосуд и, помрачнев еще больше, вернулся на насиженное место.

Размышления прервал звонок телефона.

– Да...

– Привет.

– Привет, Ян.

– Чё делаешь?

– Да ничего.

– Пошли на пляж. Жара такая, погода вообще классная.

– Ну пошли. Давай только через час.

– Давай через час. Ну, я за тобой зайду.

– Ладно.

Федя спустился в столовую. Мама с Олегом уже ушли, и он, наконец, смог нормально позавтракать. Потихоньку юноша успокоился, гнев утих, но все же обида и злость на Олега камнем лежали на душе. И мама теперь туда же! Бочков, конечно, основательно подпортил его существование. Даже у мамы, которая всегда ему доверяла, осталось какое-то сомнение. Больно. И обидно. Да еще тут эта Игра...

Пришел Ян. Феде показалось, что он не видел друга сто лет. По дороге на пляж Ян внимательно посмотрел на Литвинова и сказал:

– Какой-то ты не такой сегодня. Чё случилось-то?

– Ничего не случилось. Все нормально.

– Я ж вижу.

Федя рассказал другу о том, что произошло утром в столовой. Ян нахмурился:

– Не, ну Олег же реально псих. Ты не грузись даже.

– Ян, я сейчас чувствую, что на мне будто клеймо поставили! Думаешь, это в последний раз? Он теперь все время меня подозревать будет.

– Вывести бы Бочкова на чистую воду!

– Хорошо говорить, но как?! Никаких доказательств. Если только он сам об этом не расскажет.

– Так может, сделать так, чтобы рассказал?

– Как? Как ты себе это представляешь?

Ребята еще долго обсуждали наболевшую тему, и Федя был рад возможности замаскировать свое состояние после Игры. Рассказать такое он никогда бы не решился.

Глава 6

Турция

Потихоньку жизнь вернулась в прежнее русло. Об Игре больше ничего не напоминало, и Федя начал забывать произошедшее с ним как страшный сон.

Прошло три недели, и наступило весьма радостное событие: всей семьей собрались ехать в Турцию. Поездка на отдых этим летом была под большим вопросом. Олег открывал новый автоцентр в области и, уже зная по опыту, какие могут возникнуть проблемы, не решился на этот раз приобрести путевки заранее. Однако все прошло как по маслу, и он сумел выкроить для себя отпуск. Поскольку на оформление виз времени уже не осталось, решили остановиться на Турции. Естественно, Олег выбрал один из лучших отелей и забронировал самый дорогой номер.

За все время, пока Наташа жила с Олегом, Федя побывал в восьми странах, но Турция, столь массовое место отдыха россиян, как ни странно, в этот список не входила. Юношу раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, даже мысль о поездке вызывала у него бесконечный восторг и неумемную радость. Ведь он снова увидит море, которое так любил, снова захлестнут новые впечатления, ощущения... Но с другой стороны, ехать вместе с Олегом, каждый день терпеть рядом его присутствие...

Вылетели рано утром и уже к обеду приехали в отель.

Федя был не в настроении. При выходе из самолета, уже на трапе, он вдруг вспомнил, что оставил в салоне фотоаппарат. Это была его единственная ручная кладь, остальное уместилось в барсетку. Пришлось ждать, пока все люди выйдут, вернуться обратно, выслушать раздражительно-вежливый монолог стюардессы... Естественно, Федя получил крайне жесткий выговор от Олега и теперь думал о том, как же он будет выносить присутствие отчима еще две с половиной недели. Дома проще. Отчим целыми днями на работе пропадает. Или можно уйти в свою комнату, а здесь... Спальня у него, конечно, отдельная будет, но не сидеть же там целыми днями!

– Ты чего такой кислый? – Наташа была радостно-взволнованна.

– Да просто устал с дороги, – подросток слабо улыбнулся.

Федя равнодушно оглядел шикарный номер: дорогая кожаная мебель, мягкий ворсистый ковер, огромный плазменный телевизор. Одна стена полностью покрыта раздвижными стеклянными дверями, за ними – просторная лоджия, с которой открывался великолепнейший вид на море. По бокам спадали волны мягких бордовых штор с золотистыми кистями. В центре комнаты стоял стеклянный журнальный столик оригинальной дизайнерской работы, на нем – большая ваза с фруктами. Все украшено живыми цветами, ковер на полу усыпан лепестками роз.

Наташа ахнула от восторга:

– Олег, тут так хорошо...

– Нормально, – устало буркнул Олег, дал щедрые чаевые носильщику и плюхнулся в кресло.

Наташа с Федей пошли осматривать спальни. В каждой спальне имелась своя ванная, что несказанно обрадовало подростка, поменьше с отчимом будет сталкиваться. Наташа была счастлива:

– Олег, пойдем сразу на море! Я так хочу искупаться...

– Сходи с Федькой. Я отдохну немного.

– Ну Олег, ну пожалуйста, – Наташа изящно села на колени к мужу, обняла, погладила по щеке.

– Ну ладно, ладно, пошли.

VIP-пляж состоял из просторных индивидуальных домиков-террас, находившихся на почтительном расстоянии друг от друга и соединенных аккуратными деревянными дорожками, выложенными на песке. Терраса, забронированная Олегом, естественно, находилась на первой линии от моря. Под живописной крышей из тростника развевались на ветру белые полупрозрачные полотна балдахина, создающие на террасе не только прохладную тень, но и яркое ощущение восточной романтики, безмятежного счастливого отдыха. На самой террасе лежали мягкие, очень толстые матрасы, покрытые махровыми пляжными полотенцами. Рядом – кресло-мешок, небольшая тумбочка и табуретка. Федя вдруг осознал, что радостно улыбается. Ему уже было не до Олега. Он быстро разделся, кинул вещи и, обжигая ноги о горячий песок, вбежал в бирюзовые волны Средиземного моря.

Вдоволь наплававшись, юноша плюхнулся на мягкий матрас. Федя смотрел на лениво колышущуюся от легкого ветерка мягкую ткань балдахина, и его охватило чувство необыкновенного комфорта. Однако через минуту на террасу зашел Олег, сел рядом в кресло-мешок, и счастье Феде вмиг испарилось. Он снова ощутил себя здесь третьим лишним. Вмиг возникло незримое напряжение. Хотелось уйти куда угодно, лишь бы не оставаться так близко с этим человеком.

– Федь, слушай, на фига я за спортзал такие деньги плачу? – Олег, как всегда, критично оглядел подростка. – Как-то не видно, чтобы ты там сильно подкачался.

Федю передернуло от вмиг вспыхнувшего гнева. Он молча встал и пошел к воде, на берег. Сел на песок и остывал в душе, наблюдая за мягкими волнами, игриво целующими его ноги. Наташа вышла из моря:

– Ну что у вас опять? Отдыхать и то спокойно вместе не можете. Пойдем на террасу, сгоришь ведь тут сразу на солнце.

Федя в ответ лишь раздраженно мотнул головой.

– Иди тогда кремом намажься.

Мазаться кремом при Олеге?! Да лучше сгореть до волдырей!

– Давай-давай, пошли! – Наташа настойчиво утянула сына за собой.

Под насмешливым взглядом отчима Федя как попало быстро провел кремом по плечам и вернулся к морю. Тем временем у Олега зазвонил мобильник.

– Да, слушаю. Что?!... Я же тебе русским языком сказал: ничего без меня не подписывать! Какие еще могут быть вопросы?!... Ну и?!... А подождать они не могут?!... Миша, при чем тут оплата счета?! – еще минут пять Олег что-то выяснял и, в конце концов, раздраженно бросил трубку. – Вот придурки, а! Никому ничего доверить нельзя!

– Олег, да отключи ты телефон, расслабься. Ты же отдыхать приехал, – голос Наташи был мягким и спокойным.

– Я тут пока отдыхаю, они мне всю компанию развалят, – Олег, сильно не в духе, лег на матрас. Полежал минут пятнадцать, потом резко встал, схватил телефон, быстро набрал номер: – Так, Михаил Валентинович, слушай меня внимательно!

Олег еще долго объяснялся со своим замом. Наташа, так и не дождаввшись, когда он закончит, пошла купаться.

Тем временем Федя уже давно лежал на спине, раскинув руки, покачиваясь на ласковых волнах, и смотрел на ярко-голубое небо. Жизнь снова стала прекрасной и удивительной сказкой. Что может быть лучше?

Три дня просто отдыхали. Ели, спали, купались, лежали на пляже. С лица Феде не сходила улыбка. Он был счастлив, вполне доволен жизнью, и даже начал испытывать благодарность к отчиму. Олег же беспрестанно отдавал по телефону какие-то указания и на пляж уже не ходил без ноутбука.

На четвертый день сняли яхту, поехали по островам. Уже после обеда остановились в живописнейшей бухте с каменистыми берегами, пошли купаться.

Федя надел маску, нырнул с бортика, даже не услышав запоздалый крик Наташи:

– Федя, осторожнее, там камни могут быть!

Юноша плыл под водой, с восторгом наблюдая за крупными разноцветными рыбами, причудливо колышущимися водорослями. Вынырнул, огляделся вокруг. И почувствовал, как что-то необъяснимое тянет его к берегу, причем к определенному месту, где располагалась неприметная каменистая пещера. Тяга была настолько сильной, что подросток, не раздумывая, направился туда, сам удивляясь своим ощущениям. Чем ближе он подплывал, тем больше нарастало необъяснимое волнение. В какой-то момент волнение переросло в страх, Феде ужасно захотелось повернуть обратно, но любопытство все же пересилило, и он продолжил путь.

– Федя, не уплывай далеко! – Наташа с Олегом плавали рядом с яхтой.

– Я до берега!

– Осторожнее там!

– Ладно.

Федя доплыл до пещеры. Волнение зашкаливало, и юноша никак не мог понять его причину. Хватаясь за камни, он медленно обследовал берег. Пещера как пещера, ничего особенного, камни на поверхности раскалены от солнца, в воде покрыты слоем склизких водорослей, к которым противно прикасаться. И вдруг Федя замер: внутри маленького грота, на дальнем его своде, был выбит знак. Тот же знак, который появился на его ладони, когда он принял решение вступить в Игру. Что за фигня... В воде что-то сверкнуло! В глубине грота торчала какая-то маленькая блестящая штучка. У Феде вдруг возникла маниакальная потребность ее достать. Набрав в легкие побольше воздуха, он нырнул, протиснулся под водой в узкую дырку, сильно рискуя там застрять, с трудом вытащил эту штуку из каменных тисков, выбрался обратно и, задыхаясь, вынырнул. Широко раскрытыми глазами он смотрел на вещь, лежавшую на его ладони: маленький осколок золотой пластинки, покрытый непонятными линиями и знаками. В том, что это чистое золото, Федя не сомневался. Подросток чувствовал, как от пластинки исходит мощная энергия. В ней скрывалась неведомая, необъяснимая тайна. Казалось, стоит только найти пароль, взломать доступ, и откроется море информации.

– Федя, что ты там делаешь?! Давай к нам плыви! – Наташа как всегда волновалась.

Крепко зажав пластинку в руке, Литвинов поплыл обратно. Его до краев переполняло любопытство. Только вот где сейчас это спрятать? Если Олег увидит – все, с табличкой навсегда можно будет попрощаться. Подплыв к яхте, Федя под водой сунул табличку в плавки. Уже на борту, накинув на себя полотенце, юноша незаметно достал пластинку и положил ее в кармашек на футляре своего фотоаппарата.

– Федя, иди сюда! – послышался голос Наташи. – Будешь креветки гриль?

– Да, сейчас иду!

Федя достал фотоаппарат и быстро сфотографировал грот в нескольких ракурсах. Яхта уже отплывала. Подросток, в задумчивости, направился к матери.

Ночью, дождавшись наконец когда все уснут, Федя достал табличку из футляра. В темноте от нее исходило странное голубоватое свечение. Федя включил лампу, начал внимательно рассматривать прямоугольную, идеально ровную, обломленную лишь с одной стороны пластину. Узоры будто вдавлены, безупречная гравировка неизвестного мастера. Федя долго рас-

смаатривал загадочные знаки, поворачивая табличку в руках, потом тщательно упаковал ее в бумагу, завернул в пакет и уложил на дно своего чемодана в потайное отделение. Спать совсем не хотелось. Волнение от неожиданной находки будоражило воображение, заставляло учащенно биться сердце. Юноша тихонько прошел в зал, открыл лоджию, уселся на стул, облокотившись о перила. Над тихим ночным морем повисла непомерно большая полная луна, раскинув на водной глади бледную светящуюся дорожку. Сосны и пальмы, подсвеченные снизу маленькими фонариками, создавали необыкновенный, фантастический пейзаж. Громко верещали цикады. Воздух наполняли запахи моря, цветов и сосен. Федя поднял взгляд на бездонное ночное небо. Ярко сверкали звезды. Здесь они намного ярче и ближе, чем в холодном небе России. Юноша откинулся назад, долго рассматривал причудливый рисунок звездного неба, пытаясь провести линии и найти закономерность в расположении звезд. И тут... Лоб покрылся капельками холодного пота. Звезды складывались в тот же знак. Знак, который был тогда на его ладони, знак, который он видел сегодня в гроте. Федя вскочил на ноги, зажмурился, помотал головой. С опаской снова взглянул на небо, замер. Звезды определенно складывались именно в таком порядке.

Юноша в задумчивости вернулся в спальню. Что все это значит? Что с ним происходит в конце концов?! Подросток решил отвлечься и посмотреть фотографии. Достал фотоаппарат, включил. Не успел загореться экран, как внутри камеры громко хлопнуло, повалил дым. Федя, в панике, быстро нажал кнопку, но фотоаппарат уже ни на что не реагировал. Юноша отбросил его на пол, кинул сверху одеяло. По комнате распространился едкий отвратительный запах. Литвинов подбежал к окну, распахнул настежь. Еще не хватало, чтобы пожарная сигнализация сработала. Но вроде обошлось.

Когда фотоаппарат перестал дымиться, юноша решился взять его в руки, осмотрел. Камера безнадежно испорчена, половина расплавлена так, будто ее замачивали в серной кислоте. Федя осторожно достал карту памяти (хорошо хоть она сохранилась). Странно: японская зеркалка, почти новая, которую он не ронял, не мочил, находилась все время в футляре... В футляре! Он же положил туда золотую табличку! Федя похолодел. Таинственная находка не давала ему покоя. Литвинов уснул только под утро, и всю ночь ему снились таинственные знаки на небе, по которому летали сотни золотых табличек.

Наутро Олег спросил:

– Что за хлопок у тебя в комнате был ночью? Весь сон мне нарушил.

– Это с фотоаппаратом что-то случилось. Я хотел фотографии посмотреть, включил, а он чуть не загорелся.

–, – Олег крепко выругался. – Покажи.

Федя принес фотоаппарат, с тяжелым сердцем протянул Олегу. Тот присвистнул от удивления:

– Это что надо было сделать с японской камерой, чтобы довести ее до такого состояния?!

– Да ничего я с ней не делал! Откуда я знаю, что случилось!

– Придурок! – Олег бросил камеру в мусорку.

– Олег, кончай ругаться, – вставила раздраженную реплику Наташа. – Жарко очень, может, просто камера перегрелась. Техника же ломается периодически.

Олег молчал, злой как черт.

– Хватит злиться, пойдемте завтракать, – Наташа поставила точку в разговоре.

За завтраком Олег неожиданно произнес:

– Я сегодня с парашютом хочу полетать. Федя, пойдешь?

– Нет, – быстро ответила Наташа.

Олег знал, что Федя сильно боится высоты, и ему доставляло удовольствие подкалывать парня:

– Удобно, когда мама за тебя отвечает, а?

– Олег, прекрати! – снова вмешалась мать. – Ты знаешь, сколько травм при этом получают? Ты хочешь весь отдых нам испортить?

– Наташа, какие там травмы! Здесь опытные люди работают.

– Мама, я пойду, – вмешался Федя, – ну что ты в самом деле... Я давно уже попробовать хотел.

Наташа внимательно посмотрела на сына, с трудом пересилила себя:

– Ладно. Только будьте осторожнее.

Федя с Олегом сели в катер.

– Иди первый, я подожду, – Олег злорадно улыбался.

Юноша надел на себя приспособление, крепящееся к парашюту, спасательный жилет. Панический страх высоты завоевал внутри уже все позиции, однако, решимости это обстоятельство не убавило. Единственной заботой сейчас было как-то скрыть свой страх от отчима, но это не слишком хорошо удавалось. Олег же, видя его волнение, довольно усмехнулся:

– Страшно?

– Что тут страшного? – огрызнулся Федя.

Парашют уже раскрыли, инструктор-турок показал, куда встать. Зафиксировали крепления, отпустили трос, и парашют плавно взмыл вверх. Федя побелевшими пальцами вцепился в крепления, за которые ему сказали держаться, зажмурился. Парашют поднимался плавно и незаметно, висеть на нем было достаточно удобно. Литвинов наконец решил открыть глаза и... задохнулся от восторга. Внизу расстилалась водная гладь. Отель и пляж казались совсем маленькими, словно игрушечными, вокруг застыли в безмолвии бескрайние зеленые горы. Красота пейзажа, открывшегося изумленному взору, поражала своим величием. Федя вдруг осознал, что не ощущает высоту. Он чувствовал, что надежно и безопасно закреплен на парашюте и теперь, казалось, парашют стал точкой отсчета для всего остального мира. Страх исчез, будто его и не было.

– Давайте в море подальше, – Олега так и подмывало поиздеваться. – И выше его поднимите.

Маленький катер внизу развернулся, поехал в море. В лицо бил сильный свежий ветер. Федя не мог оторвать взгляд от красоты, раскрывавшейся все новыми и новыми гранями. Он даже не заметил, что его подняли на максимальную высоту, и наслаждался каждой секундой. Внизу плавали маленькие яхты, изумрудное море местами (видимо там, где находились отмели) было немного светлее. Увидев в воде какое-то движение, Федя пригляделся, широкая улыбка озарила лицо. К поверхности моря поднялось несколько больших черепах.

Катер снова направился к берегу. Когда подростка опустили обратно, его лицо было настолько восторженным и счастливым, что Олега передернуло. Он явно ожидал другой реакции.

– Что, понравилось? – процедил он сквозь зубы.

– Супер! Вообще классно.

Олег надел приспособление и жилет.

– Вас как, так же? – спросил инструктор.

– Да.

Федя не видел, как поднимали Олега. Он смотрел на изумрудные волны и наслаждался ощущением полноты жизни. Главное – он осознал для себя одну важную вещь: порой ожидание страха намного страшнее, чем сам страх. Катер бороздил море, влажный морской ветер бил в лицо... Из задумчивости Федю вывели крики и ругательства инструкторов. Он быстро повер-

нулся в их сторону. По всей видимости, они в этот момент опускали парашют. Но ветер подул с другой стороны, парашют сильно накренился в сторону, сдулся наполовину, и Олег медленно, но верно падал в море. Инструктора тянули трос, пытались повернуть катер в другую сторону, но было уже поздно. Олег упал в воду, за ним упал парашют. Ругаясь, турки начали затягивать канат. Отчим неуклюже барахтался в воде, ремни парашюта и спасательный жилет явно ему мешали. Федя невольно испытал злорадное удовлетворение, вспомнив, как начиналась сегодняшняя поездка. Наконец Олега затащили на катер. Поднимаясь, он сильно поранил ногу о какую-то железку, из раны тонкой струйкой потекла кровь. Чертыхаясь, отчим снял с себя все приспособления. Турки тем временем с трудом затащили на палубу мокрый парашют и пытались его свернуть. Справившись наконец с сырой тканью, на ломаном русском инструктора принялись извиняться перед Олегом. Он же, к удивлению Феди, отреагировал очень спокойно:

– Ладно, все нормально, – достал бумажник, расплатился, дав щедрые чаевые. Катер быстро приближался к пирсу.

В номере взволнованная Наташа тут же принялась обрабатывать рану:

– Я же говорила, Олег! Ну и зачем вам это надо было?!

– Да все же нормально. Что это, пустяки.

– Ничего себе, пустяки! Кровь до сих пор не останавливается! Давай в страховую позвоним, доктора вызовем.

– Наташ, тебе надо этот геморрой? Что ты так суетишься из-за царапины?

– Олег, я люблю тебя и люблю Федю. Вы самые близкие для меня люди. И я не переживу, если что-то с вами случится.

– Я тоже тебя люблю, – Олег поцеловал жену. – И ничего ни с кем не случится. Все будет хорошо.

Вечером Федя сидел на краю пирса, свесив вниз босые ноги. Он задыхался от восторга, не отрывая взгляда от необыкновенно красивого заката. Небо горело, переливаясь красно-желто-оранжевыми цветами. Поверх этой роскошной палитры красок замерли тонкие, невесомые, бледно-розовые облака. Огромный диск солнца почти уже скрылся за горой. Море спокойно как никогда. Маленькие волны ласково целовали берег. Ни ветерка. Воздух, опьяненный запахами теплого южного вечера, застыл в безмолвии. Горы, покрытые сосновыми лесами, нежились в лучах заходящего солнца. «Господи, если бы можно было это остановить, – думал Федя, – остаться вот так вот, здесь, навсегда...» Ему хотелось раствориться в мгновении, упиться счастьем, забыть обо всем и только жить, здесь и сейчас, дышать ароматами моря и сосен, слушать плеск волн и смотреть на южный, словно нарисованный темперой, закат...

– It's wonderful.⁴

Федя сильно вздрогнул и чуть не свалился в море. Он даже не заметил, как рядом села юная мулатка, с которой он вчера случайно столкнулся на пляже.

– Oh, I'm sorry...⁵ – девушка смутилась.

– That's all right...⁶ – Федя вышел из ступора, функции мозга в срочном порядке восстановились. – Yes, it's amazing.⁷

Литвинов впервые в жизни оценил то, что учился в языковом лицее; по крайней мере, общаться он мог довольно свободно. Говорили, в принципе, ни о чем. Не вдумываясь в смысл слов, Федя что-то слушал, отвечал, а сам растворялся в глубоких темных глазах. Восточная,

⁴ It's wonderful. – Это чудесно (англ.).

⁵ Oh, I'm sorry... – Ой, прости... (англ.)

⁶ That's all right... – Ничего страшного... (англ.)

⁷ Yes, it's amazing. – Да, это удивительно (англ.).

чарующая красота заворожила, околдовала... Роскошные черные волосы, волнами спадающие на хрупкие смуглые плечи, притягивали юношу как магнит. Так хотелось до них дотронуться... Девушка совершенно не походила на Фединых одноклассниц и в особенности на Ирину. Литвинов совсем не испытывал обыкновенного смущения, почему-то здесь все было легко и просто. И сам не понимая, что делает, он нежно обнял девушку за плечи и поцеловал мягкие пухлые губы. Время исчезло. Все растворилось в новом, необычно прекрасном чувстве. Подумалось: «Слишком смело для первого поцелуя», но в этом-то и была вся прелесть и новизна ощущений. Девушка лукаво посмотрела ему в глаза и засмеялась:

– What's your name?⁸

Феде тоже стало смешно. Они долго хохотали, и он наконец смог произнести:

– Федор.

– Фьодор?

– Yes. And, what's yours?⁹

– Leila.¹⁰

– Лейла... – задумчиво повторил Федя. – It's a very beautiful name, just as you are.¹¹

Девушка улыбнулась, вскочила на ноги, взяла Федю за руку и утянула его за собой. До глубокой ночи они гуляли по набережной. Волны тихо ласкали берег. Над водой повисла бледная луна, оставляя на морской глади светящуюся серебряную дорожку. Они долго любовались луной и ночным морем... Долго целовались, сидя на песке... Федя забыл обо всем. Он сам не понимал, почему все так легко и естественно. Ведь с Рашевской он даже просто разговаривать не мог, до того зашкаливало волнение, а здесь...

– Look! What's that?¹² – указала Лейла на небольшую группу людей на пляже. Склонившись, они внимательно рассматривали что-то на песке. Тусклый луч фонарика в руках одного из них медленно скользил по земле, еще больше подогревая любопытство.

– Пойдем, посмотрим!¹³ – предложил Федя.

– Да, идем.

Пятеро служащих отеля стояли на пляже над неким подобием песочницы. Это нехитрое сооружение было аккуратно огорожено досками, а от него между полосками плотной непромокаемой ткани, натянутой на маленькие колышки, вбитые в песок, тянулась к морю узкая дорожка.

– Добрый вечер, – пробормотал Федя. – Простите, а что это?

Узнав парня, отец которого всегда давал самые щедрые чаевые, девушка с ресепшн приветливо улыбнулась:

– Здесь в песке – кладка яиц морских черепах. И сейчас они рождаются.

– Можно нам посмотреть?! – у Феде загорелись глаза.

– Конечно, можно.

Федя с Лейлой наклонились над кладкой. Из песочного бугорка выбиралась махонькая черепашка, разгребая препятствие крохотными лапками. За ней уже протискивалась вторая.

– Осознаете, как вам повезло? – спросил молодой парень, работавший в отделе экскурсий. – Вот он реально месяц на пляже ночевал, чтобы это чудо увидеть, – парень указал на молодого красивого турка, с неподдельным интересом наблюдавшего за процессом.

⁸ What's your name? – Как тебя зовут? (англ.)

⁹ Yes. And, what's yours? – Да. А тебя? (англ.)

¹⁰ Leila. – Лейла (англ.).

¹¹ It's a very beautiful name, just as you are. – Очень красивое имя, как и ты (англ.).

¹² Look! What's that? – Смотри! Что это? (англ.)

¹³ Далее, для удобства читателя, разговор излагается в переводе на русский язык. – Прим. автора.

Федя не просто осознавал, но и вообще не помнил, был ли он когда-то более счастлив, чем сейчас. Почему-то подумалось: после Игры жизнь стала видеться совсем по-другому. Сейчас юноша так свежо и ярко проживал каждый миг, каждую эмоцию, что был даже благодарен неведомым силам, втянувшим его в эту авантюру.

– Фьодор, смотри! – Лейла восторженно наблюдала за тремя маленькими черепашками, уже выбравшимися из песка.

Молодой турок светил фонариком, и одна самая активная черепашка бодро бегала за лучом света. Вторая тоже пыталась бегать, но у нее это получалось гораздо медленнее. Третья же, видимо, была самая слабенькая, она на свет не обращала внимания и медленно ползала по какой-то своей, неведомой траектории.

– А зачем эта дорожка? – спросила Лейла.

– Чтобы все черепашки до моря добрались целыми и невредимыми, – ответила девушка с ресепшн. – Морские черепахи один раз в двадцать два года выходят на берег и откладывают яйца в песок. Мы эту кладку сразу отгораживаем и охраняем. А потом, когда они рождаются, провожаем их к морю. Иначе многие просто не выживут.

Федю очень тронуло отношение турков к черепахам. Он с восторгом смотрел на малышей:

– А почему вы сейчас их в море не выпускаете? Они ведь уже родились.

– Мы подождем, пока все родятся, а потом выпустим.

Федя понял, что пора уходить. Они с Лейлой поблагодарили служащих и направились к отелю.

– Пойдем на дискотеку! – предложила вдруг Лейла.

– Пойдем, – неуверенно ответил Федя. Подумалось: надо хоть маму предупредить, а то начнется... Мобильник в комнате оставил. – Давай только на секунду в отель заглянем. Я очень быстро.

– О'кей.

Лейла осталась внизу. Федя пулей примчался в номер, открыл дверь, и сердце сразу упало. Мамы в номере не было. В кресле сидел Олег и писал что-то в ноутбуке. Отчим строго взглянул на подростка:

– Ты где шляешься? Времени видел сколько?

– Я просто... гулял... А мама где?

– Она в душе.

На лице Феде ярко отобразилась гремучая смесь эмоций. Олегу стало смешно:

– Ну что у тебя еще?

Юноша не ответил. Объясняться с отчимом совсем не хотелось. Какого черта он сюда поднялся?! Внизу ждала Лейла.

– Ну, говори уже! – Олег догадывался о том, что происходит, и его это смешило до колик.

– Я... Я приду часа через два-три. Вы меня не теряйте.

– И куда ты собрался? – Олег играл с ним как кошка с мышкой.

Федя вспыхнул:

– Мне обязательно о каждом шаге отчитываться?

– Пока ты живешь в моем доме – да.

Подросток молчал, задыхаясь от злости. Олег добродушно улыбнулся:

– Иди уже на свою дискотеку. Девушка-то хоть красивая?

Федя удивленно посмотрел на отчима. Злость мгновенно прошла.

– Красивая, – юноша невольно улыбнулся, выбежал из номера и через полминуты был уже внизу.

Федя вернулся домой в третьем часу ночи. Уставший, счастливый, он долго еще не мог уснуть, вспоминая трепетные медленные танцы с красивой мулаткой и жаркие поцелуи на прощание.

С утра Федя еле встал к завтраку. Олег рассказал Наташе о вчерашнем, и оба с утра улыбались, глядя на подростка. Следующие несколько дней они его почти не видели: все дни напролет он проводил с Лейлой. Наташа с Олегом были только рады. Появилась, наконец, возможность побыть наедине, что в последнее время так редко удавалось.

Для Феде же этот яркий, незабываемый роман стал сказкой, чудесным образом воплотившейся в жизнь. Еще ни с одной девушкой ему не было так просто и хорошо. Легкие, красивые отношения, теплые и трепетные, совсем не походили на сумасшедшее чувство к Рашевской, которое сжигало и испепеляло все внутри, порой переплавляясь в мучительную боль: ведь Федя не имел даже малейшей надежды на взаимность.

Мулатка влюбилась в Литвинова по уши. Скоро она уедет домой, в Лос-Анджелес... Девушка с безграничной грустью думала о том, что, возможно, никогда больше не увидит этого парня из России с красивыми светлыми кудрями. Федя тоже с сожалением думал о расставании. После отъезда Лейлы они пробудут в Турции еще пять дней. Без нее это будет совсем не то. Безграничное счастье заканчивалось. Влюбленные все дольше задерживались вместе по вечерам, уже не ходили на дискотеку, находили укромное местечко под пальмами и целовались или сидели обнявшись и смотрели на звезды.

Вставать с утра становилось все тяжелее. Бессонные ночи давали о себе знать, но Федя и не думал выспаться. Нельзя же пропускать самые счастливые моменты...

В четверг, после завтрака, Федя столкнулся с Лейлой в ресторане. Радостно улыбнувшись друг другу, влюбленные взяли за руки и через ресепшн побежали к выходу из отеля. По дороге остановились, жарко поцеловались. Феде вдруг стало не по себе. Он ясно почувствовал чей-то пристальный взгляд. Литвинов оглянулся и... замер в полной растерянности. То, что он ощутил в эту минуту, можно было бы назвать шоком. В мягком кресле сидела Рашевская и удивленно смотрела на него и на мулатку. У дверей стояли чемоданы, родители Ирины заполняли на ресепшн анкеты на заселение. Лейла, проследив за взглядом юноши, вмиг помрачнела. Быстро взяв себя в руки, Федя подумал, что хотя бы ради приличия нужно подойти и поздороваться. Заплетающимся языком он сказал Лейле, что это его одноклассница, и они вместе направились к Рашевской.

– Привет, – едва смог выдавить из себя Федя.

– Привет, – Ирина, почему-то не в духе, с усилием изобразила на лице натянутую улыбку. – Вот сюрприз так сюрприз.

– Точно. Как долетели? – Федя вдруг понял, что Лейла чувствует, какой холодной и влажной стала его ладонь.

– Нормально, – Рашевская разговаривала очень сухо.

Тут на помощь пришла мама Ирины:

– Ириш, иди-ка сюда, анкету заполни.

Рашевская встала:

– Извини. Думаю, еще увидимся.

– Да, конечно, – Федя несказанно обрадовался счастливому избавлению от беседы. – Хорошо вам заселиться.

– Спасибо, – Ирина, не оглядываясь, пошла к стойке.

Федя с Лейлой молча вышли на улицу, повернули на дорожку к пляжу. И тут девушка не выдержала. Она выдернула свою ладонь из Фединой и ударила его по щеке изо всех сил. На глазах мулатки выступили слезы. Юноша растерялся, не зная, как на это реагировать. Лейла

развернулась, быстро пошла в другую сторону. Литвинов побежал за ней, ощущая себя полным идиотом.

– Лейла! Лейла, стой! Что случилось?!

– Что случилось?! – девушка резко повернулась, посмотрела в черные блестящие глаза, вмиг ставшие чужими. – И ты еще смеешь спрашивать?! Ты же любишь ее! Надо быть идиоткой, чтобы этого не видеть!

– Лейла... подожди! – Федя схватил ее за руку. – С чего ты взяла?.. Я ведь просто... подошел поздороваться...

– У тебя же на лице все написано! – мулатка зарыдала и села на скамейку.

Федя, не зная, что делать, просто сел рядом, обнял ее за плечи.

Потихоньку Лейла успокоилась. Она приняла ситуацию и решила не портить себе последние два дня счастья. Дальше – будь, что будет, но на эти два дня пусть все останется по-прежнему. Девушка подняла на Федю заплаканные глаза:

– Извини. Ты стал мне очень дорог, и сейчас... Просто мне тяжело.

– Ты тоже стала мне дорога, – произнесенная фраза почему-то вдруг показалась Литвинову крайне глупой.

– Два дня осталось.

– Мы же не простимся навсегда. Есть Интернет, телефон...

– При чем здесь Интернет... – Лейла безнадежно улыбнулась.

Помолчали. Федя обнял девушку, нежно поцеловал. И в какое-то мгновение ему показалось, что он целует Рашевскую...

Лейла с Федей сидели на матрасе обнявшись и слушали размеренный плеск волн. Уже наступила глубокая ночь, но влюбленные забыли о времени. Лейла уедет завтра утром, и больше они не увидятся.

Порывы теплого ветра с моря создавали вокруг террасы фантазмагорический, призрачный ночной танец полупрозрачных тканей балдахина.

– Ты будешь вспоминать обо мне? – голос Лейлы был надломленный и тихий.

– Я никогда тебя не забуду, – Федя говорил на самом деле искренне, но в этот момент прекрасно понимал: будь сейчас на ее месте Рашевская, он бы, наверное, пошел и утопился, если бы им вот так же предстояло проститься.

Они долго целовались. Лейла нежно гладила непослушные кудри, и слезы наворачивались на глаза при одной мысли о расставании. Федя ощутил, как тонкие пальцы ласкают сзади его шею, мягкие губы коснулись так страстно где-то под ухом... Будто ток прошел по позвоночнику. В организме происходили еще неизведанные, но очень мощные процессы. Сам испугавшись своих ощущений, Федя задыхаясь мягко отстранил девушку. Лейла как-то странно и долго на него посмотрела, взяла его за руку, положила голову ему на плечо. Федя судорожно вдохнул воздух, пытаясь немного остыть и прийти в норму. И снова вспомнил Рашевскую. Если бы это она была здесь, рядом...

– Лейла...

– Что?

– Может, все-таки оставишь телефон?.. И электронку...

– Нет. Я ведь уже говорила об этом.

– Тогда возьми мой, – Федя достал из кармана заранее подготовленную бумажку, протянул девушке.

Лейла грустно улыбнулась, порвала бумажку на мелкие клочки и пустила их по ветру.

– Но почему?! Я не понимаю... – Феде стало горько и обидно.

– Ты вернешься в Россию, и все изменится. Пусть это навсегда останется лучшим воспоминанием. Самой красивой сказкой. Не будем ее портить.

Федя промолчал. Понятно, что их встреча с Рашевской сыграла здесь решающую роль. И наверное, Лейла действительно права. Юноша нутром это почувствовал и больше возражать не стал.

Лейла уезжала рано утром. Автобус отходил от отеля в 6:45. Чтобы не проспать, Федя установил в телефоне кучу будильников, с интервалом через каждые пять минут, и поставил на звонок самую жуткую мелодию, при первых звуках которой у него автоматически начинался нервный тик. Сработало безотказно.

Пока родители Лейлы сдавали ключи и оплачивали счета, девушка села рядом с Литвиновым, взяла его руку:

– Ну, вот и все. Давай прощаться.

У обоих в глазах застыли слезы. Наступил «конец фильма». И завтра будет новый день, завтра будет другая жизнь, а эта волшебная история останется лишь ярким и светлым воспоминанием. Останется теплом в душе и грустью, что сказка закончилась, как заканчивается все в этой жизни...

– Лейла, идем! Автобус уже пришел!

Родители девушки вышли к автобусу, носильщик уже складывал чемоданы в багажное отделение.

Последний поцелуй... Лейла, не оглядываясь, побежала к автобусу. По сердцу юноши резко полоснуло осознание того, что он, возможно, никогда больше ее не увидит. Красивое лицо, ставшее таким родным за эти дни, показалось в окне. Девушка плакала, прижавшись к стеклу. Автобус уехал. Федя долго смотрел ему вслед.

После отъезда Лейлы на душе стало тихо и пусто. Федя отправился в номер и лег спать. Наташа его не трогала, и подросток был очень благодарен матери за понимание.

Литвинов встал в три часа дня. Сильно хотелось есть. Обед уже закончился, ужинать еще рано. Олега с мамой в номере не было, и юноша поплелся в кафе у бассейна. Голова трещала, солнце пекло нещадно. Федя перекусил гамбургером с холодной колой, стало легче. Медленно направился к пляжу. Олег с Наташей отдыхали на террасе.

– О! Неужели сегодня с нами? – Наташа обрадовалась, увидев сына.

Федя вяло кивнул.

– Уехала?

Литвинов повторил кивок. Быстро разделся, вбежал в ласковые волны моря. Вдоволь накупавшись, Федя лег на песок у самой воды. Все-таки как хорошо было с Лейлой! Накатила волна тоски и одиночества. И тут подросток услышал до боли знакомый смех. Повернулся... Рашевские расположились через одну террасу от них. Они только что пришли. Ирина снимала легкое парео, прикрывавшее ослепительно белый купальник. Феде захотелось с головой зарыться в песок. Страшно смущенный, он не мог оторвать глаз от изящной фигурки.

Рашевская сразу пошла купаться. Федя, понимая, что столкновение неизбежно, в панике забыл все слова.

– Привет, – Ирина улыбалась.

– П-привет...

– Все-таки мир тесен.

Федя довольно глупо изобразил улыбку.

– Или лучших отелей не так много, – продолжила девушка. – Ну ладно, извини, я поплавать хочу. Жарко.

Ириша зашла в воду и, не торопясь, поплыла к буйкам. Федя выдохнул. И почему с Лейлой все было так легко и просто?! Почему с Рашевской так не получается? Что за черт...

Вечером вместе с Наташей и Олегом Федя сидел в баре на набережной, наслаждаясь живой музыкой: на сцене очень душевно играли и пели мексиканцы. Потягивая апельсиновый сок со льдом, юноша оглядывал соседние столики. Подавился и закашлялся, увидев Рашевскую. И было от чего. Ослепительное нежно-бежевое платье эффектно обтягивало тонкую фигурку. Еще влажные волосы небрежно рассыпаны по плечам... Зазвучала медленная музыка, на площадке сразу появились пары. В висках застучало: «Пригласить... пригласить...» Но... И еще Олег тут... Федя на несколько секунд прикрыл глаза, попытался успокоиться, открыл и... снова подавился. К Ирине подошел молодой высокий немец, она уже шла танцевать с ним. И здесь продолжается та же история! Федя мрачно смотрел на красивую пару и готов был сквозь землю провалиться. Что за пытка?! Вот послал Бог подарок напоследок...

Пригласить Рашевскую Федя так и не решился. В принципе, даже решившись, успеть было бы сложно. Второй танец она танцевала с красивым итальянцем, третий – с кем-то еще, на четвертый – немец все-таки успел и урвал для себя второй танец...

Литвинов сидел мрачнее тучи. Хорошо хоть завтра они на целый день на экскурсию уедут. А там – и до отъезда недалеко.

На следующий день встали рано. Экскурсионный автобус уходил в восемь утра. Домой должны вернуться только к вечеру.

День получился насыщенным и богатым на впечатления. Древние руины, затонувшие города, гробницы, полуразвалившиеся театры – молчаливые свидетели миллионов прожитых человеческих жизней, переплетенных незримыми нитями судьбы.

Федя впитывал в себя новые впечатления как губка. Древности поражали и восхищали его. Сколько же людей жило раньше на этих землях, покрытых ореолом тайны! Сколько интересных историй скрывают развалины... Ведь все эти люди так же чувствовали, любили, болели, боялись неведомого... Но жили совсем иначе. Другая культура, другие законы, верования. Федя думал, что пройдет еще две-три тысячи лет, и их сегодняшняя жизнь станет таким же древним ископаемым, обломками неизвестных судеб. А ведь это будут их потомки, их прапрапра... внуки.

Уже в конце экскурсии гид весьма увлекательно рассказывал о гробницах, выбитых в скалах. Федя сначала слушал очень сосредоточенно, рассматривая развалины, но тут в одной из гробниц что-то блеснуло. Подросток остановил на ней взгляд, и необъяснимое сильнейшее волнение заполнило его душу точно так же, как тогда на яхте, у грота. Теперь он не слышал ни слова из размеренной речи гида: все его внимание сосредоточилось на этой гробнице. Юноша напряженно вглядывался в то место, где он видел сияние, глаза уже слезились от яркого солнца, и... что-то блеснуло еще раз. Сердце учащенно забило в груди. Феде безумно захотелось посмотреть, что там. Но как сейчас отойти от группы? Гид не торопился:

– А сейчас, уважаемые гости, я расскажу вам...

«За ограждение, по идее, нельзя заходить... – думал Федя, – но, с другой стороны, охраны вроде нет никакой...»

– Федя, что с тобой? – озабоченно и взволнованно спросила Наташа.

– А?

– Что с тобой? Ты не перегрелся? Дать тебе воды?

– Что со мной? Все нормально.

– Ты какой-то странный.

– Мам, не выдумывай!

Наташа успокоилась и продолжила слушать гида.

Федя с волнением думал только об одном: дадут или не дадут свободное время. Желание исполнилось: на осмотр дали целых полчаса. Теперь надо было незаметно улизнуть от матери с Олегом. И вот подходящий момент наступил.

– Пойдемте поднимемся наверх, сфотографируемся, – позвала Наташа.

Олег кивнул. Федя вдохнул побольше воздуха и сказал:

– Я пока здесь посмотрю. Не хочу наверх подниматься, жарко очень.

– Потеряемся ведь, Федя, пойдем вместе.

– Мам, ну где мы потеряемся? Давайте через пятнадцать минут у лестницы встретимся.

Наташа колебалась, и тут на помощь пришел Олег:

– Наташ, он ведь уже не ребенок. Хватит его опекать. Все с телефонами...

Мама вздохнула, но согласилась.

Федя подождал, пока Наташа с Олегом скроются из виду, и побежал к гробнице. Вблизи она оказалась намного выше, чем виделось издалека, но юношу это ничуть не смутило. Не задумываясь о последствиях, он перелез через ограждение и проворно вскарабкался вверх по скале. В толпе туристов многие переглянулись, но никто не задержал обнаглевшего парня. Федя же добрался наконец до той гробницы и влез внутрь через дырку в стене. Его передернуло от мысли, что здесь когда-то лежало чье-то мертвое тело и, возможно, не одно. Но любопытство было намного сильнее страха и здравого смысла. Подросток лихорадочно огляделся вокруг. Он прекрасно понимал: в любой момент его могут выгнать отсюда, и то, что он сейчас делает, в принципе, противозаконно. Дырка небольшая, внутри все развалившееся, полусгнившее. Федя торопливо принялся обследовать стены и внезапно увидел наверху тот же блеск. Засосало под ложечкой. За камнем, отвалившимся наполовину, торчал едва заметный блестящий край чего-то. Литвинов, не задумываясь, отломил от стены камень. Глаза расширились от удивления. Федя взял в руки вторую часть той же самой таблички, которую он нашел в гроте. Юноша был уверен: это точно ее вторая половина! Внизу раздался резкий звук свистка, послышались возмущенные крики. До подростка вмиг дошло: пора вылезать. Он сунул табличку в карман брюк, выбрался из дырки и начал быстро спускаться. Внизу уже собрался народ и стояли двое полицейских. Только Литвинов прыгнул на землю, один из стражей порядка схватил его за руку, начал что-то кричать по-турецки. Федя лихорадочно думал, как ему сейчас выпутаться из этой ситуации, и тут же увидел Олега с Наташей, спускавшихся с лестницы. Вот черт! Надо же так влипнуть!

– Вы по-русски не говорите? – в отчаянии спросил он полицейского.

– Ньет! – не замедлил тот ответить.

– English?¹⁴

– Yes.¹⁵

Юноша по-английски попытался извиниться и объяснить, что он просто хотел посмотреть. Турок произнес в ответ нечто крайне непонятное. Федя не смог разобрать ни слова и засомневался, действительно ли его собеседник имеет в виду под словом «english»¹⁶ английский язык.

Быстрым шагом подошли Олег с Наташей.

– Тебя точно ни на секунду нельзя одного оставить! – Олег был вне себя. – Что здесь происходит?!

– Я... Я хотел гробницу поближе посмотреть, просто за ограждение зашел... – начал оправдываться Федя.

– Ничего себе, зашел! – вмешалась какая-то толстая тетка. – Он вон туда, по скале, в саму гробницу залез! Вам стыдно должно быть, мужчина, сын такой взрослый и не понимает таких элементарных вещей!

Федя, готовый убить эту кучку жира в безразмерных шортах, покраснел до корней волос.

¹⁴ English? – Английский? (англ.)

¹⁵ Yes. – Да (англ.)

¹⁶ English – английский (англ.)

– Это же осквернение древней... – возмущенно продолжила тетка, но ее перебил полицейский, пытавшийся что-то втолковать Олегу.

Наташа, бросая на Федю гневные взгляды, судорожно схватила мужа за руку. Олег, не понимая ни слова из весьма странного монолога полицейского, достал из кармана стодолларовую купюру и сунул ему в руки:

– All right?¹⁷

Полицейский молча смотрел то на деньги, то на Олега, то на Федю, руку которого он не отпускал. Олег, воспользовавшись всеобщим замешательством, сунул блюстителю порядка еще сто долларов. Жадность победила.

– О'кей, – полицейские отошли в сторону.

Наташа облегченно вздохнула. Олег размахнулся и со злостью отвесил Феде такой подзатыльник, что тот чуть не упал. Наташа гневно сжала губы, но промолчала. Сели в автобус, и всю дорогу никто не проронил ни слова.

Когда подходили к отелю, у Феде сердце сжалось в комок. Предстоял нелегкий вечер. Подросток вошел в номер. Внутри все напряглось, будто в ожидании удара.

– Придурок! – Олег едва сдерживал желание размазать Федю по стенке. Наташа мягко положила ему руку на плечо.

– Олег, не надо. Я сама с ним поговорю, ладно?

Едва сдерживая ярость, Олег прошипел:

– Ладно! – и ушел к себе.

Федя выдохнул.

– Идем в комнату, – голос Наташи не обещал легкой беседы.

Зашли в спальню. Мать села в кресло, Федя – на кровать. Пауза затянулась. Подросток, напрягшись, тупо смотрел в пол.

– Ты знаешь, мне еще никогда в жизни не было за тебя так стыдно, – произнесла наконец Наташа. – Что происходит?

Федя молчал. Он лихорадочно думал, каким образом объяснить свой поступок, но мысли из головы словно испарились.

– Что ты молчишь? Объясни, зачем тебе понадобилось туда лезть! Мы с Олегом такой позор из-за тебя пережили! Имею я хотя бы право знать, зачем и для чего?!

– Мам, ну извини. Я сам не знаю, зачем это сделал. Просто посмотреть захотелось.

– Что посмотреть, гробницу? Ты на кладбище могилу будешь раскапывать, чтобы посмотреть, что там внутри?

– Ну я не знал, что туда нельзя...

– Тебе сколько лет? А? Ты взрослый парень, а ведешь себя как неразумный ребенок! Не передать, как мне за тебя стыдно!

Федя молчал, опустив глаза.

– Я в тебе сегодня очень разочарована. Я просто в шоке. Чтобы мой сын вот так себя вел...

– Мам, я и так уже все понял! Может, хватит?! Обещаю, больше подобное не повторится.

– Скажу честно, Федя. После сегодняшнего дня я просто не знаю, что еще от тебя можно ожидать.

Наташа вышла, хлопнув дверью. Федя с облегчением вздохнул, достал из кармана табличку и спрятал в чемодан. Подумалось: заплатил он за нее сегодня сполна.

¹⁷ All right? – Все в порядке? (англ.)

После ужина Федя до ночи просидел на море. Вернувшись в номер, он быстро прошел в свою комнату, принял душ, забрался в кресло и принялся ждать. Наконец в соседней комнате все стихло. Федя подошел к чемодану, достал обе таблички. Волнение зашкаливало. Юноша сложил пластины вместе, они совпали до миллиметра. И тут... Куски металла срослись друг с другом, будто их соединил сильнейший магнит. От них пошло голубое сияние и повалил белый дым. Федя испугался не на шутку. Больно обожгло руки. Таблички нагрелись, точно раскаленный утюг. Юноша отбросил их в сторону, отбежал в другой конец комнаты, прижался спиной к стене. Пластины приподнялись над землей, из причудливых узоров сложилось странное лицо, как древняя маска, и заговорило на каком-то неизвестном языке. Федя, у которого от страха зашевелились на голове волосы, осознал, что... понимает этот язык. Как и почему он это понимал, юноша не смог бы объяснить, но услышал следующее:

«Настало время. Да свершится древнее пророчество. Вместо решения многих придет решение одного. И вместо слез многих прольются слезы одного. Звезды уже ответили. Он уже избран. Он уже встал на этот путь».

Маска на мгновение умолкла и продолжила:

«Прежде чем решить, подумай, кому принадлежит твое решение: тому, кто манипулирует тобой? Твоим мыслям? Твоим чувствам? Или настоящему „Я“, что спрятано у тебя глубоко внутри? Только тогда, когда ты это поймешь, выбор станет по-настоящему свободным и честным».

Лицо умолкло, исчезло, исчезли дым и свечение, табличка раскололась пополам и со звоном упала на пол. Федя, в шоке, стоял, вжавшись в стену. Он боялся пошевелиться. Запомнив наизусть каждое слово, он ни хрена не понял, что все это значило. Решившись наконец подойти к табличке и по дороге на всякий случай включив свет, он взял в руки обе пластинки. Тут же в его руках они рассыпались в мельчайший порошок и исчезли в воздухе.

– Дэя! – прошептал юноша, в надежде на ответ.

– Что? – Дэя засветилась напротив.

– Ничего себе... – пробормотал Федя, – значит, я теперь в реальности тоже могу с тобой разговаривать?

– Ну да... – несколько растерянно ответил светящийся шарик. – Вообще ты довольно долго ждал повода поговорить.

– Что это было? – спросил Литвинов.

– Это древнее пророчество, Федя. И, честно говоря, я очень боюсь, что тебя оно и касается.

– В каком смысле? Я вообще ничего не понял.

– Я тоже. Но, наверное, со временем все прояснится.

Федя тихо вышел на лоджию. Морской воздух ударил в лицо.

«Настало время. Да свершится древнее пророчество. Вместо решения многих придет решение одного. И вместо слез многих прольются слезы одного. Звезды уже ответили. Он уже избран. Он уже встал на этот путь. Прежде чем решить, подумай, кому принадлежит твое решение: тому, кто манипулирует тобой? Твоим мыслям? Твоим чувствам? Или настоящему „Я“, что спрятано у тебя глубоко внутри? Только тогда, когда ты это поймешь, выбор станет по-настоящему свободным и честным».

Слова врезались в память, казалось, навсегда. Что все это значит?! Федя вдруг вспомнил старую цыганку, приставшую к ним с Яном на остановке. Она ведь тоже говорила... «Ты тот, кто должен выбрать. На этом пути, Федя, тебя ждут жестокие испытания. Но заклинаю тебя, сделай правильный выбор». Здесь улавливалась связь. Причем, связь явная. И оба предсказания не сулили ничего хорошего. Феде стало страшно. Может, все как-то связано с дурац-

кой Игрой, в которую он ввязался? Но ведь цыганку они встретили еще до Игры! *«Он уже встал на этот путь...»* Бред какой-то! Слова не выходили из головы. *«И вместо слез многих прольются слезы одного...»*, *«...тебя ждут жестокие испытания...»* Сопоставляется великолепно, только... не в его пользу. В сильнейшем волнении Федя вернулся в комнату. Что за хрень пошла в его жизни? Все, вроде, было нормально, за исключением Олега и Бочкова, а тут... Не знаешь, чего и ждать дальше. Может, он просто сходит с ума и это плоды его большой фантазии? Как и Игра? Но ведь фотоаппарат реально сломался! И Сосуд ждет его в шкафу, в его комнате. И цыганку Ян тоже видел, ведь не могут они сойти с ума вместе, и видеть, и слышать одно и то же!

Федя долго не мог заснуть, а под утро, уже в четвертый раз, ему приснился прежний кошмар. И снова две двери – черная и белая. И снова тучи холодных теней волокут его к черной двери. Он пытается вырваться, отбиться, ему страшно, душно, крик застревает в горле... Он знает, что нужно крикнуть и на этом закончится его кошмар. Тени его душат, он кричит, связки напряжены до предела, но звука нет, *звуча нет!!!!* Как холодно... Ужасно холодно... И снова смех. Везде, везде!!! Юноша почувствовал, как кто-то очень страшный наклонился к нему сзади, и это он смеется прямо ему в ухо, тихо и гадко... Ему страшно повернуться... Еще ни разу Федя не кричал так громко. Он, задыхаясь, резко сел на кровати. В комнату тут же вбежали Наташа с Олегом. Наташа в шелковой сорочке, Олег – завернувшись в простыню.

– Что случилось?!! – выпалили одновременно.

Федя, еще не отойдя от пережитого ужаса, но уже осознав глупость своего положения, пробормотал:

– Извините... Кошмар приснился...

Олег развернулся, ушел к себе в спальню. Наташа села на кровать к сыну, погладила мокрые кудри:

– Успокойся. Все хорошо.

– Да, мам, не беспокойся. Извини, что разбудил.

Наташа поцеловала Федю в щеку и вышла, тихонько закрыв дверь.

Ариас в задумчивости сидел на вершине горы. Мир там, внизу, всегда притягивал его своей красотой и неповторимостью, но сейчас он даже не видел раскинувшихся равнин, пышных сосновых лесов, бирюзового моря, покрытого легкой белесой дымкой. Его мысли были только об одном: из головы не выходило пророчество. Он не мог понять ни смысла, ни сути происходящего. Ведь Игра создавалась сама по себе, ничто не могло выйти за ее рамки. Они все точно рассчитали, взвесили, и произошедшее вчера было необъяснимым и странным. О золотых пластинах ангел знал все. Этих пластин единицы, и касалось подобное пророчество лишь самых серьезных и важных вещей, можно даже сказать, фундаментальных, от которых могли зависеть судьбы миллионов людей.

Ариас раскрыл ладони. В руках появилась голограмма. Лицо, похожее на древнюю маску, снова произнесло: *«Настало время. Да свершится древнее пророчество. Вместо решения многих придет решение одного. И вместо слез многих прольются слезы одного. Звезды уже ответили. Он уже избран. Он уже встал на этот путь. Прежде чем решить, подумай, кому принадлежит твое решение: тому, кто манипулирует тобой? Твоим мыслям? Твоим чувствам? Или настоящему „Я“, что спрятано у тебя глубоко внутри? Только тогда, когда ты это поймешь, выбор станет по-настоящему свободным и честным».*

Непривычно сильное волнение поднялось внутри. *«Он уже встал на этот путь».* А если путь и есть Игра? Если они с Дэмиалем что-то не учли, упустили? Они всего лишь студенты, все законы и связи им не раскрыты, а их власть пока крайне ограничена...

Рядом бесшумно опустился Дэмиаль:

– Ты перешел на темную сторону? Где твое сияние?
– Дэмиаль... послушай, – Ариас раскрыл ладони.
Голограмма ожила, снова прозвучало пророчество.
– Что это? – Дэмиаль удивленно смотрел на светлого ангела.
– Золотые пластины. Мальчик нашел их, и, боюсь, пророчество относится именно к нему.
– Пластины?! Ничего себе... Дай еще раз послушать.
Ариас снова включил запись. Дэмиаль задумался.
– Ты полагаешь, это связано с Игрой? – спросил он наконец.
– А если так?!
– Не знаю... Нет, только не Игра. Полный бред. Наверное, предсказание касается его дальнейшей судьбы...

После инцидента на экскурсии главной задачей Феде стало поменьше сталкиваться с Олегом. На террасе он больше не появлялся и один уходил в самый конец общего пляжа, где и просиживал целый день, наслаждаясь последними днями отдыха, упиваясь морем и солнцем.

Литвинов загорел как негр. Светлые, еще вдобавок выгоревшие на солнце кудри, в сочетании со смуглой кожей и черными, как уголь, глазами, смотрелись весьма странно и экзотично. Наташа не могла смотреть на сына без улыбки.

Два дня промелькнули незаметно. Вечером, накупавшись до посинения, Федя лежал на шезлонге, рассматривая легкие белесые облака, словно нарисованные гигантской кистью на бесконечно глубоком небе. Юноша с тоской думал о том, что пора уезжать и прекрасная сказка подходит к концу. Он с жадностью вдыхал теплый южный воздух, наполненный пьянящими ароматами сосен, цветов и моря, и в голове невольно включался таймер: «Остались последние десять часов счастья». И скоро будет девять часов, восемь, семь...

– Федя, привет! – радостный голос Рашевской в секунду вывел его из задумчивости. – Ты где пропадаешь? Тебя совсем не видно.

В панике, Литвинов быстро сел, внутри все взорвалось от волнения:

– Привет...

– Что на террасе не появляешься? Там же намного лучше, чем здесь.

– Просто... не знаю... Один хочу побыть, без родителей... – ответил Федя, не зная, куда девать взгляд, который, как магнитом, автоматически притягивало к верхней части бирюзового купальника, едва прикрытого легким парео.

– Хороший отель, правда?

– Да, мне очень здесь понравилось.

– Мы, наверное, в следующем году снова сюда поедем. Папа говорит, что он давно уже так хорошо не отдыхал.

Едва начавшийся разговор прервал чей-то голос:

– Irina!¹⁸

Рашевская обернулась, радостно помахала кому-то рукой. Федя повернул голову. По направлению к ним с Ириной шел красивый, высокий, черноволосый парень лет девятнадцати. Литвинова передернуло. Кровь прилила к голове, в висках застучало. Рашевская же, едва взглянув на Федею, небрежно бросила ему:

– Федя, ты извини... Пока...

– Пока, – мрачно резюмировал юноша.

Ирина быстрым шагом направилась к высокому парню:

– Ben! Hello!¹⁹

¹⁸ Irina! – Ирина! (англ.)

¹⁹ Ben! Hello! – Бен! Привет! (англ.)

Тот трепетно обнял девушку за талию, непростительно нежно поцеловал ее в щеку, взял за руку и утянул за собой по берегу моря.

Федя откинулся на шезлонг. Бездонное синее небо стало чужим и далеким, юноша уже не видел его красоты. Настроение было безнадежно испорчено.

Это была последняя их встреча с Рашевской в Турции.

Весь следующий день провели в дороге. Долетели хорошо и спокойно, только долго стояли на таможне. В аэропорту встретил водитель, вещи погрузили в джип, поехали домой. На улице было холодно, шел проливной дождь. Федя смотрел в окно на грязные, залитые дождем улицы, и так тоскливо стало на душе, так захотелось вернуться обратно к теплу, морю и солнцу... Теперь это казалось далеким, призрачным и недостижимым счастьем. Юноша прижался лбом к стеклу. Ян сейчас еще в Испании, через неделю только приедет... Вот тоска!

– Что грустишь? – Наташе и самой было не весело.

– Обратно хочу. Еще и погода такая мерзкая.

– Ну... Я тоже хочу. Но все в жизни когда-то заканчивается.

Федя не ответил. Говорить не хотелось, и разговор, исчерпав себя, сошел на нет.

Дома, не зная, чем себя занять, Федя лежал на диване и тупо смотрел в потолок, перебирая в памяти море событий, произошедших с ним в Турции. Думал, что это, наверное, была лучшая поездка в его жизни. Вспоминал Лейлу, как с ней было легко и здорово, их долгие ночные прогулки, поцелуи при луне... Но тут перед глазами, словно навязчивая тень, всплывал образ Рашевской, ее точеная фигурка то в белоснежном, то в бирюзовом купальнике, влажные волосы, небрежно рассыпанные по плечам... тот парень, с которым она ушла во время их последней встречи... Федя с раздражением прогнал эту мысль. Вспомнились золотые пластины. Как-то странно все. Ненормально. Кстати, карта памяти ведь осталась!

Федя вскочил с дивана, достал маленькую карту из неразобранного чемодана, нашел в ящике стола кардридер, подключил к компьютеру. Нашел фотографии, которые он сделал в гроте, перед тем как камера сломалась. Федя взгляделся в снимок, и его лоб покрылся холодным потом. На фотографии вокруг грота светилось большое пятно. И пятно определенно имело форму того же загадочного знака. Литвинов наскоро пролистал снимки, сделанные в этом странном месте. Светящееся пятно было на всех фото: где-то оно виднелось очень четко, где-то – расплывчато и неясно, но оно *было*.

Федя, в волнении, выбежал из комнаты, заглянул к матери:

– Мам, пойдем со мной на минутку, я тебе кое-что покажу.

Наташа нехотя поднялась из плена мягких складок уютного кресла. Вошли к Феде.

– Ну что там у тебя? – Наташе не терпелось вернуться в блаженное состояние отдыха.

– Там фотограф... – подросток прервался на полуслове. Ноутбук был закрыт.

– Что за фигня... – пробормотал Литвинов. – Подожди секунду.

Федя быстро включил ноутбук, снова открыл карту памяти. Все фотографии, сделанные в гроте, исчезли. Ни одной. Остальные снимки на месте, а эти – будто их и не было. Юноша побледнел.

– Федя, что с тобой?

– Ничего... Мам, никто же не мог сейчас ко мне в комнату зайти, пока я к тебе ходил?

– А что такое?

– Ну, с карты исчезли те снимки, которые я хотел тебе показать.

– Не говори глупости. Как они могли исчезнуть?

– Не знаю. Может, кто-то удалил?

– Кто? Сейчас никого из прислуги дома нет. Олег спит, да ему это и незачем. Может, ты сам случайно какую-нибудь не ту кнопку нажал?

– Наверное... – пробормотал Федя, ощущая, что сходит с ума. – Хочешь другие фотки посмотреть?

– Ну давай, посмотрим.

Фотографий было много, и смотрели их долго. Федя еще надеялся, что снимки, возможно, куда-нибудь переместились, однако... фотографии закончились, ожидания не оправдались. Наташа ушла, а Федя, пытаясь себя как-то успокоить, лег на диван. Успокоиться не получалось. Юноша встал, подошел к шкафу, достал Сосуд. Жидкость почти вся окрасилась в темно-синий цвет. «Это цвет страха», – слова всплыли воспоминанием. Федя усмехнулся и засунул Сосуд обратно. Ему действительно было страшно. Очень страшно.

Через неделю приехал из Испании Ян. Теперь друзья все дни напролет проводили вместе, делясь впечатлениями и рассказывая друг другу мельчайшие подробности путешествий. Долго смотрели фотки, показывали друг другу сувениры. Естественно, Федя рассказал далеко не все. Рассказать об исчезнувших фотографиях? Или, еще круче, о пластинах, о пророчестве, о странных знаках на небе? Даже историю про Лейлу Ян слушал с большой долей сомнения: он же видел, насколько робок и нерешителен Федя с Рашевской. Литвинов это понял, и историю о прекрасной американке дорассказывал уже в сильно сжатом варианте.

Постепенно жизнь вернулась в свою колею. Летние дни, беззаботные и счастливые, неудержимо стремились к осени. Время утекало быстро и незаметно.

Глава 7

Развлечения

Догорали последние дни каникул. Погода стояла на редкость тихая и солнечная. Ни малейшего ветерка, тепло, но уже не жарко, небо голубое, ясное.

Федя с Яном отправились в парк, где бродили по аллеям, болтая ни о чем. Под ногами шуршали первые опавшие листья.

– Ты чего? – Ян заметил, как что-то неуловимое изменилось в лице друга, когда они прошли мимо детских аттракционов.

Федя немного поколебался, но потом произнес:

– Ты знаешь, Ян, когда я был маленьким, то ненавидал этот парк и терпеть не мог ходить сюда.

– Почему?

– Мы ходили сюда очень редко, а, когда приходили, у мамы денег хватало максимум на два аттракциона. Мне, блин, так всегда хотелось нормально покататься... Только я ничего не просил. Не хотел маму расстраивать. Знал, что нам тогда просто на еду не хватит денег. Я плелся на бесплатную площадку и смотрел, как другие дети катаются на всем подряд. Нищета так унижительна...

– Сейчас же все изменилось.

– Да. Но воспоминания все равно останутся. Ты знаешь, когда мама еще только начинала встречаться с Олегом, мы пришли сюда вместе. Мне было лет десять. Олег купил тогда пачку билетов и сказал: «Катайся на чем хочешь и сколько хочешь». Я думал, у меня это самый счастливый день в жизни. Тогда Олег еще нормально ко мне относился...

– Ладно, хватит грузиться. Деньги в кармане, пошли наслаждаться жизнью.

– Ну и куда?

– Давай на «Ножницы».

Федя поморщился. У него всегда были проблемы с вестибулярным аппаратом. Как и все мальчишки, он любил самые страшные аттракционы, но его начинало на них тошнить. И в транспорте, особенно в автобусе или в самолете, без таблеток он вообще ездить не мог.

– Да ладно тебе, боишься что ли? – подколот Ян.

– Чего? Ну, пошли...

Друзья сели в кресла, пристегнулись. И началось. Рядом истошно визжали какие-то девчонки. Яна разобрал смех, но в постоянно переворачивающемся вниз головой положении, да еще при быстром вращении, смеяться было, по крайней мере, неудобно. Федя побледнел. Ему стало совсем нехорошо, и он едва сдерживался, чтобы его не вырвало на сидящую рядом тетку. Наконец все остановилось. Федя, бледный как смерть, шатаясь вышел с аттракциона.

– Федька, ты чё? – Ян удивленно посмотрел на друга. – Мне понравилось, вообще классно.

– Ян, меня просто тошнит. Подожди, я посижу немного.

Федя плюхнулся на скамейку, уронил голову на руки. И тут послышался голос Бочкова:

– Эй, Литвинов! Ты чё, наркотиков перебрал?

Федя резко поднял голову. Бочков шел вдвоем с Пришей.

– Или после детской качельки в штанишки наложил?

– Бочков, слушай, иди... в песочницу! – Федя едва сдержал приступ рвоты.

– А, ты там совочек забыл? Тебе его принести?

– Нет, Костя, ты знаешь, мы его тебе оставили, по-дружески, – пришел на помощь Ян, – ты поиграй, а потом засунь себе... Ой, ладно, при даме не буду говорить куда. Сам догадайся.

– Ребята, может, хватит уже? – Рашевской было смешно, но она пыталась изобразить равнодушный вид. – Костя, пойдём.

Бочков усмехнувшись пошел за Пришей, обняв ее за талию, и Феде от этого стало еще хуже.

Прошло минут пятнадцать, пока Федя пришел в норму. Ян за это время подцепил двух девчонок, купил им мороженое и уговорил вместе покататься на картах.

Ребята как раз брали карты, когда рядом снова оказались Бочков с Рашевской.

– Ты еще и ездить умеешь? – ухмыльнулся Костик. – А я думал, ты только на «Веселом светофоре»...

– Бочков, тебе не надоело? – прервал его Ян. – Просто удивляют твои познания в развлечениях детей трех – шести лет.

– Поехали на скорость, кто быстрее? Шабуров, поедешь? А то Литвинову опять нехорошо станет.

– Так, короче, девчонки, вы пока подождите, мы тут сделаем этого придурка и потом будем кататься вместе, – подытожил Ян.

– Ирин, подождешь немного? – Бочков взял Рашевскую за руку. – Ладно?

– О'кей, я пока там посижу, – Ириша указала на трибуны для зрителей.

– Не скучай, – расшаркивался перед девушкой Бочков.

Рашевская с девчонками отправились к трибунам.

– Заезд – десять кругов, – предложил Ян. – Согласны?

Федя с Костей кивнули.

В очередной раз прослушав скучный инструктаж, надели шлемы, расселись по картам. Еле дождавшись взмаха зеленого флага, одновременно рванули с места. Федя был настолько зол на Бочкова, что готов был приехать первым любой ценой. Он вырвался вперед, но на третьем повороте Ян его обогнал, Бочков ехал чуть сзади. На втором и третьем круге так и ехали, почти вровень: Ян чуть впереди, за ним Федя, подальше – Бочков. На четвертом круге Федя снова обогнал соперников. Бочкова это разозлило, он прибавил скорость. Ян тоже не отставал. Борьба накалялась. На пятом круге скорость у всех стала уже предельной. Ириша стояла на трибунах и молилась, чтобы никто не разбился. Собралась кучка зрителей. Всем было интересно, чем закончится эта гонка.

В конце восьмого круга Ян ехал впереди, Бочков с Литвиновым немного отстали. Костика внезапно посетила гениальная, на его взгляд, идея, и он принялся прижимать Федину машину к краю трассы.

– Ты чё, урод, с ума сошел?! – Федя пытался оторваться, но Бочков прижимал его все плотнее.

Федя не сдавался и скорость не сбавлял. Бочков немного отъехал, но перед самым крутым поворотом резко повернул карт и подрезал Литвинова, сильно рискуя при этом сам.

– Идиот!!! – Федя инстинктивно дернул руль.

Бочков живо свернул в сторону, а Федя, так и не успев вырулить, что, в принципе, в данной ситуации было нереально, на всей скорости врезался в ограждение. Покрышки разлетелись в разные стороны. Удар был настолько сильным, что Федя чуть не вылетел из карта. Чем-то больно стукнуло в плечо. Юноша резко затормозил, его круто развернуло, пронесло на другую сторону трассы, и карт наконец замер на месте.

Среди кучки зрителей раздались крики. Ян тут же остановился, кинулся к Феде. Тот тяжело дышал, опершись на руль. Выплеск адреналина получился куда выше нормы.

– Ты как? – Ян с тревогой смотрел на друга.

– Нормально, – Федя снял шлем, судорожно вдохнул воздух.

– Блин, ни фиги себе ударчик... – Шабуров оценивающе осмотрел глубокую вмятину на карте.

– Что, Литвинов, пора очки покупать? – подошел ухмыляясь Бочков. – Ты не мокрый случайно? Или ты сразу в памперсе?

– Заткнись, придурок! Ты вообще соображаешь, что делаешь?! – Федя уже не владел собой. Сдержаться и не разбить Бочкову морду было нереально.

– Не понял... Еще скажи, это я за рулем твоего карта сидел, – Костик немного сбавил тон.

– Какого хрена было подрезать?! – Литвинов резко вскочил.

– Никто тебя не подрезал! Меня просто занесло немного! Водить сначала научись, а потом садись за руль!

Ян едва удержал Федю, яростно прошипев:

– Не надо! Стой, тебе говорят! Ты чё, не видишь, там менты стоят?! Хочешь еще раз с Олегом потом разбираться?

Тут подбежали инструктор и технический работник, хором перечисляя полный словарь русского мата. Далее последовала долгая ругательная лекция на тему правил, техники безопасности и системы штрафов. Досталось всем и по всем пунктам. Заканчивая тем, что категорически нельзя было выходить из машин на трассе. Потом инструктор долго осматривал карт, подсчитывая ущерб... Сумма штрафа оказалась намного больше предполагаемой.

Когда инструктор наконец отпустил ребят и они покинули злополучную трассу, к ним подошли девчонки и Рашевская.

– Ребята, что там случилось? – спросила Ирина. – Мы так испугались...

– Случилось то, что Литвинов за руль сел, – прокомментировал Костик.

– Бочков, если ты виноват, так хоть молчи! – раздраженно ответил на это Ян.

– Я виноват?! – возмутился Бочков. – Ты это видел? Если не видел, так сам заткнись.

– Нет, ну а Костя-то здесь причем?! – вступилась Рашевская.

– Ладно, проехали, – поставил точку в разговоре Ян, чувствуя, как Литвинов снова закипает.

Бочков нежно поцеловал Рашевскую в щечку, и они ушли, держась за руки. Для Феде это стало последней каплей.

Девчонки, скромно стоявшие в стороне, решились напомнить о себе. Федя уже забыл, как их зовут. Рыженькая осторожно спросила:

– Федя, ты как? Сильно ударился?

Литвинов понял, что его сейчас порвет. Эмоции зашкаливали за критическую отметку.

– Девчонки, вы извините... Я... домой пойду, – мрачно выдавил он.

– Ну ладно, – обиженно протянула черненькая. – А ты, Ян?

– Я тоже, наверное, – Шабуров также был сильно не в духе. – Вы простите, ладно? Не обижайтесь.

– Да ничего.

– Бывает.

– Тогда пока.

– Пока. Увидимся.

Ян с Федей молча поплелись домой.

Федя не мог успокоиться до глубокой ночи. Более поганого дня не было со времен той Игры. Гремучая смесь внутри состояла из великого множества компонентов: и ненависть к Бочкову, и сумасшедшая ревность, и досада на то, что произошло, и стыд, и злость на себя... Литвинов не пошел ужинать. Кусок в горло не лез, и, к тому же, видеть сейчас Олега... Какого черта они вообще поперлись сегодня в этот дурацкий парк?! Если бы хоть Рашевской там не было...

Федя едва смог уснуть, и всю ночь ему снился один и тот же сон. На маленьком, словно игрушечном карте, юноша пытается догнать Бочкова, который едет почему-то на белом «мер-

седесе». Как ни старается Федя, Бочков все больше отдаляется от него. Там впереди, у дороги, стоит Рашевская в роскошном ярко-красном длинном платье. Бочков останавливается рядом с ней, она садится к нему в машину. «Мерседес» мчится на немыслимой скорости, Литвинов пытается его догнать, карт несется на пределе, но расстояние между ними лишь увеличивается. «Мерседес» уже превращается в белую точку на горизонте. Феде плохо, слезы текут по щекам, он упорно выжимает предельную скорость... Необходимо догнать!!! И вдруг... на дороге из ниоткуда возникает огромная кирпичная стена! Федя пытается затормозить, но ему это не удастся, юноша, в отчаянии, поворачивает руль в сторону, но карт не реагирует и несется прямо на стену. Удар!!! Федя с криком просыпается...

Когда сон повторился уже в третий раз, Литвинов, измученный, с тяжелой, как чугунный котел, головой, сел на кровати. Лучше вообще больше не спать. Посмотрел на будильник. Пять утра. Федя обхватил руками голову. Кирпичная стена так и стояла перед глазами. Даже сейчас, будучи лишь воспоминанием, она казалась по-настоящему реальной и осязаемой. И только сейчас Федя осознал, что на стене был нарисован тот самый злополучный знак, изображение, которое неустанно преследовало его.

Литвинов встал, включил свет. Умылся, оделся, тихонько спустился в гостиную и вышел на лоджию. Облокотился на перила, полной грудью вдыхая свежий, влажный утренний воздух. Тишина и покой, царившие на улице, словно бальзам, успокаивали измученную душу. Рассветало, но солнце еще было за горизонтом. На ясном небе догорали последние бледные звезды. Ни ветерка. Чистый, прозрачный воздух замер в ожидании чуда, наступающего с рождением утренней зари. Листья на деревьях, казалось, боялись шелохнуться. Как хорошо! Птицы уже проснулись, и их щебетание в утреннем безмолвии походило на волшебную небесную музыку. Федя вздохнул и улыбнулся. Он взял стул, подвинул его близко к перилам, удобно устроился и, с замиранием сердца, погрузился в симфонию утра. Звезды растаяли в глубине синего неба. Первые лучи солнца робко показали из-за горизонта, ласково, тепло и нежно целуя этот мир. Небывалый восторг наполнил душу. Все кошмары, переживания и волнения исчезли без следа. И было утро. И была красота. И была тишина. И было счастье...

Чтобы скрасить начало учебного года, Ян устроил дома вечеринку, собрал половину класса. Федя очень надеялся на то, что придет Рашевская, но надежды не оправдались. Ирина не пришла, сославшись на какие-то свои дела.

Вечеринка удалась на славу.

В самый разгар веселья Димка, немного полноватый добряк с пышной рыжей шевелюрой, предложил:

– Давайте в игру сыграем! Я в телефон игру новую закачал...

Раздался дружный хохот.

– То есть, ты предлагаешь всем по очереди поиграть на твоём телефоне? – выразил общую мысль Сашка, юный циник в тонких очках.

– Да нет. Хватит ржать! – Димка немного смутился. – Вы послушайте сначала. Короче, тут шарики... Надо телефон из рук в руки передавать. У кого в руках шарики взорвутся – тот делает что-нибудь прикольное.

– Давайте!

– Нормально!

В последующий час проигравшие чего только не делали: изображали привидение, завернувшись в простыню, читали перековерканные стихи в древнегреческом стиле, пили по десять стаканов колы, лаяли на четвереньках под столом... Феде пришлось изображать мумию, с головы до ног обмотавшись туалетной бумагой.

Когда фантазия иссякла, Ян предложил:

– А давайте, кто проиграет – переодевается в бомжа. Нет, если парень – лучше даже в бомжиху! И идет на улицу. Уходит только тогда, когда ему подадут деньги. Ну как?

Раздался дружный смех. Идею приняли на ура. Оказаться проигравшим, естественно, никому не хотелось, однако отказываться никто не стал. Надо было видеть, с какой скоростью телефон перелетал от одного игрока к другому! Никто даже ради прикола не задерживал его в руках дольше одной секунды. Димка с опаской наблюдал за процессом, понимая, что до конца игры телефон может и не дожить, а разбитый по гарантии вряд ли будут ремонтировать. И какой же хохот раздался в комнате, когда шарики взорвались в руках у Шабурова! Сам себе выдал задачку...

Яна же проигрыш ничуть не смутил. Его одевали и гримировали целый час. Смеялись при этом до боли в желудке.

Реквизит собирали, как говорится, всем миром. Максим из гаража притащил старую отцовскую спецовку, насквозь провонявшую бензином. Ее художественно порвали в двух местах, чтобы было натуральнее. Девчонки скинулись по десятке, быстро сгоняли в секонд-хенд, купили там напугавшую юбку и крайне уродливую шляпу. Потом всей компанией отправились к мусорным бачкам и поваляли там юбку, привязав ее к длинной палке. Ян брезгливо морщился:

– Лен, ты меня потом отмоешь? Я ради этого могу даже сам в помойку залезть.

Интеллигентная и тихая Леночка сильно смутилась от подобной наглости, даже не представляя, как реагировать на эти слова. Ян добродушно улыбнулся:

– Ну ты что, шуток не понимаешь?

– А ты думай, что говоришь.

Леночка на всякий случай ретировалась подальше от Яна. Тот же усмехнулся и пробормотал себе под нос:

– А вообще, неплохо было бы...

Повалять в помойке шляпу Шабуров категорически отказался, поэтому ее просто хорошо помяли и посыпали сверху придорожной пылью.

– Ян, смотри, там башмак на помойке валяется, – Димка не решался сам прикоснуться к подобной гадости. – Чё, слабо надеть?

Ян медленно подошел к башмаку, который, похоже, выбросил уже настоящий бомж. Юноша поморщился, развернулся и направился к дому:

– Я сейчас.

Шабуров вернулся через десять минут, прихватил башмак газетой, сложенной в несколько слоев, и положил его в пакет.

Спустя некоторое время, Ян полностью был упакован: старый свитер, вывернутый наизнанку, от которого во все стороны торчали рваные нитки, короткая ситцевая юбка в цветочек, изрядно потрепанная и запятнанная помойкой. Из-под юбки торчали старые тренировочные штаны Яна. Они уже давно стали ему малы и побывали половой тряпкой. Сверху надели спецовку и нахлобучили на голову мятую и пыльную шляпу. Волосы вымазали подсолнечным маслом. Девчонки выгребли всю косметику, нарисовали Яну красивый фингал под правым глазом, лицо намазали самым темным тональным кремом и хорошенько запачкали тенями.

Апогеем процесса стало надевание на толстом слое газет в коридоре того самого башмака с помойки. Ян натянул на ногу два носка, сверху – полиэтиленовый кулек и, в резиновых перчатках домработницы, под аплодисменты, надел башмак. Для второй ноги нашли старый отцовский резиновый сапог, из серии «пора бы уже выбросить, но еще жалко».

Вид получился – жуть полная. Шабуров посмотрел на себя в зеркало, загнул от смеха. Перекосил лицо, повернулся к ребятам, протянул трясущуюся руку:

– По-по-по-дайте, люди до-добрые, на на-настояку бо-боярышника! – голос Ян изменил до неузнаваемости.

Ребята были в полном восторге.

– Ян, ты в цирковое не хочешь поступать? Тебе клоуном надо работать, – Димка хохотал громче всех, – у тебя дар людей смешить.

– Ка-каким к-клоуном? Я тут на по-помойке такие бабки зашибаю! Ты чё, пацан! У меня етот, бизьнес!

Вся компания дружно отправилась на улицу. Чтобы не привлекать внимания, ребята расположились вокруг скамейки. Димка тихо наигрывал что-то на гитаре. Ян же одиноко поплелся выполнять нелегкую миссию. Поначалу он немного стушевался и выбрал самый простой путь: подобрал пустую банку и сел у дороги, прямо на асфальт. Но, по-видимому, особой жалости у прохожих он не вызывал и подавать ему деньги никто не торопился. Ребята поглядывали на новоиспеченного бомжа, вернее, «бомжиху», перекидываясь шутками и приколами. Уговор был «работать до первой подачки». Разгорелись споры, удастся ли Яну получить милостыню.

– Ой, какая прелесть! – невольно вдруг воскликнула Лена: мимо шла бабулька с хорошеньким пекинесом на поводке. Малюсенькая собачка так смешно и неуклюже вышагивала по дороге, что все невольно улыбнулись, до того славная была собачонка.

Шабурову надоело сидеть на холодном асфальте, и он решил перейти в наступление. Поднялся, жертвой выбрал молоденькую дамочку в строгих очках, похожую на учительницу.

– Девушка! Помогите, Христа ради! На хлебушек подайте, сколько сможете!

Компания на скамейке отвлеклась от пекинеса, напряженно и заинтересованно наблюдая за происходящим. Девушка же торопливо достала кошелек, протянула Яну десятку и быстро пошла дальше. Ян, настолько искренне счастливый, что все удалось, прокричал ей вдогонку:

– Спасибо! Дай вам Бог здоровья и счастья!

Тут уже ребята просто упали от хохота. Ян, весьма довольный собой, двинулся по направлению к друзьям, но тут послышался чей-то истошный визг и крики.

Все резко повернулись. Девчонки хором вскрикнули. Пекинеса, которым они только что восхищались, держал в зубах здоровенный бульдог, мотая его в воздухе, как тряпку. Собачонка отчаянно визжала, барахтаясь в слюнявой пасти и вырываясь изо всех сил. Брызнула кровь. Хозяйка собачонки в ужасе бегала вокруг:

– Уберите свою собаку! Господи, да что ж это такое! Господи, ну помогите же! Помогите кто-нибудь! Что вы стоите, это же ваша собака!!! – кинулась она к бритоголовому высоченному мужику, равнодушно жующему жвачку.

– Ну моя, и чё я сделаю?

– Собаку уберите!

– Как я ее уберу? Тебе надо – ты и убирай.

Ян, не раздумывая, кинулся к бульдогу, бросился на него сверху, буквально сев верхом, схватил за ошейник двумя руками. Бульдог задержался, но хватку не ослабил. Пекинес продолжал истошно визжать и извиваться.

– Э-э-э! Ты, бомжиха поганая! – мужик наконец заинтересовался происходящим и даже выплюнул жвачку. – Ты чё... делаешь?! Ты мне собаку щас раздавишь!

Ян, не обращая на него внимания, крикнул:

– Ребята, дайте палку какую-нибудь!

Подбежала вся компания. Федя, подобрав на земле толстую палку, пришел на помощь Яну, и они вместе принялись засовывать палку бульдогу в рот, пытаясь разжать ему зубы.

– Э! Вы чё делаете! Уроды! Я щас на вас его натравлю! – хозяин псины схватил Литвинова за шиворот и оттащил от своей собаки, но это оказалось как раз вовремя, поскольку бульдог выпустил из зубов пекинеса и чуть не прокусил Феде руку. Пекинес, хромя, бросился к своей хозяйке. Бабулька, рыдая, прижала его к себе:

– Маленький мой, Тосенька, живой, слава Богу!

Бульдог же, разозленный до предела, теперь пытался добраться до Шабурова, который продолжал крепко, как только мог, держать его за ошейник.

– Ты, уродина вонючая, отпусти собаку! Нашлась тут защитница фауны! Еще мне вшей на собаку напускаешь! Я тебе щас ноги поотрываю!

– Рот закрой!!! – Литвинов встал перед мужиком, прямо и нагло смотря ему в глаза. – У меня отец – областной прокурор! Ты еще этой бабушке заплатишь за ущерб! А если не уберешь сейчас же собаку и, не дай Бог, она кого-нибудь покусает, то сядешь как за убийство!

Матерясь последними словами, мужик взял бульдога за ошейник. Ян отпустил собаку и, не удержав равновесия, свалился рядом на асфальт. Мужик, плюясь и чертыхаясь, с трудом потащил бульдога по улице за поводок.

Шабуров тяжело поднялся. Бабулька кинулась к нему:

– Спасибо вам! Дай вам Бог здоровья! Как благодарить вас – прямо не знаю...

– Да все нормально, – Ян только сейчас понял, насколько его трясет. – Сильно он его покусал?

– Не знаю даже... К ветеринару срочно сейчас пойдем, – бабулька плакала. Она достала кошелек, выгребла оттуда все деньги и протянула Шабурову: – Вот, вы возьмите...

Ян отпрянул назад:

– Вы чего?! – тут же понял, снял с головы шляпу, пробормотал: – Да это... Это... так просто... шутка... пари.

Бабушка не въезжала. В другой ситуации ребята бы ухотались, но сейчас всем было очень жалко собачонку и было как-то не до смеха. Федя пришел на помощь:

– Бабушка, он с нами. Мы просто его переодели... Это так, игра. Вы идите сейчас лучше в больницу... с собачкой...

До старушки понемногу начало доходить происходящее. Она весьма странно посмотрела на Яна, сконфуженно убрала деньги и сказала:

– Вы простите меня, старую, ребятки... Спасибо вам. Просто Бог вас послал.

Со слезами на глазах бабулька перекрестила Яна с Федей и ушла. Ребята долго смотрели ей вслед.

Шабуров немного оклемался, улыбнулся Литвинову:

– Ничё ты Олега-то в прокуроры записал! Ему б подошло.

– Ян, я никогда не имею в виду Олега под словом «отец», – раздраженно ответил Федя.

– Ты чё так серьезно воспринимаешь?

– Да ничё! – Федю почему-то взбесила тема. – Что первое пришло в голову, то и сказал. И вообще, пошли домой. Тебе переодеться надо.

– Да, и помыться желательно, – Ян, картинно сморщившись, понюхал подмышку.

История разлетелась по школе со скоростью молнии. Шабуров обрел небывалую популярность на несколько дней и очень этим гордился. Однако постепенно все забылось, как это всегда происходит, и жизнь пошла своим чередом. Потянулись долгие учебные дни, похожие друг на друга, как скопированные файлы. Осень, опавшие листья, холодный ветер и дожди... дожди... дожди...

Глава 8

Игра. Тур второй

Федя сидел за уроками. Уже час он пытался понять, что написано в учебнике по физике, но ему никак это не удавалось. Невероятными усилиями подросток пытался заставить мозги сосредоточиться и думать, но не проходило и пяти минут, как мысли возвращались исключительно к тому, о чем им хотелось думать – к Рашевской. Он снова видел перед собой бездонные карие глаза с длинными ресницами, спадающие мягкими волнами каштановые волосы... Так хотелось прикоснуться к ним и...

Внезапно правую ладонь будто обожгло огнем. Федя вскрикнул от боли, взглянул на руку, и его мгновенно охватила паника. На ладони снова появился знак, такой же, как тогда, когда он имел глупость согласиться вступить в Игру. Линии двигались, ярко-красная отметина, пульсируя, прожигала кожу. Опять! Опять это... Федя начал уже забывать об Игре, ведь с тех пор прошло уже около трех месяцев. Правда потом была еще история с золотыми пластинами... Он вспоминал все произошедшее с ним как страшный сон и надеялся, что странные события в его жизни закончились, и вот...

Федя посмотрел на монитор ноутбука. На экране появился тот же знак.

А если... отказаться сейчас?! Не продолжать дальше? Сейчас он дома, что с ним здесь может случиться?! Ведь если первый тур был *таким*, то что можно ждать от последующих? И сколько раз тогда он пожалел о своем глупом поступке!

Не зная, каким образом еще сообщить о своем решении, Федя набрал на клавиатуре текст: «Я отказываюсь продолжать Игру». В ту же секунду знак на мониторе исчез, появилась знакомая надпись: «*Ты действительно хочешь закончить Игру и удалить ее содержимое в корзину?*», а также две ссылки: «*Закончить Игру*», «*Продолжить*». Не успел Федя это прочитать, как чьи-то холодные пальцы мертвой хваткой сдавили его горло. В ужасе, юноша инстинктивно попытался освободиться, но его руки хватали воздух, а невидимые пальцы продолжали его душить. Федя судорожно схватил мышку, хрипя и задыхаясь, быстро кликнул: «*Продолжить*». Его тут же отпустили, а на экране снова появился знак.

Литвинов схватился за горло, шумно вдохнул воздух. Резко обернулся, оглядел комнату. Никого. Знак на ладони горел все сильнее, не оставляя времени для размышлений. Осознав, что иного выхода нет, Федя собрался с духом и приложил руку к экрану.

Снова, как и в первый раз, закружила неведомая воронка, все исчезло, и через мгновение юноша плюхнулся в неизвестность.

Неизвестность, как и следовало ожидать, оказалась крайне неприятной. Федя поднялся на ноги, весь облепленный липкой вонючей грязью, в которую он упал.

Поморщившись, юноша огляделся вокруг. Он стоял посреди леса, хотя «лес» – это мягко сказано. Вековые деревья-исполины, каких в нормальном лесу, да и в нормальной жизни просто не бывает. Стволы кряжистые, скрюченные, покрытые толстым мхом и лишайниками. Феде вспомнились детские сказки. Именно так ему представлялся лес, в котором должны жить и Баба Яга, и Леший, и Змей Горыныч. Он поежился от мысли, кто здесь живет и сколько времени понадобится, чтобы вообще отсюда выбраться.

– Дя, ты здесь?

– Здесь. Не нравится мне все это.

Юноша машинально взглянул на ладонь. Знак исчез, как и в первый раз. Видимо, он нужен только для входа в Игру.

Федя повернул голову и замер. Посреди леса стоял довольно большой серый дом вполне современной постройки, похожий на коттедж, но какой-то очень странный. Работа сумасшедшего дизайнера. Нет ни одного угла, линии закругленные, извилистые, изгибающиеся, крыша – в виде круглого купола с широкой вмятиной наверху. Федя долго вглядывался, но никак не мог понять, из чего сделаны стены странного дома. Выглядело так, будто они слеплены из спрессованного дыма. Казалось, сквозь подобную стену можно легко пройти. Федя невольно вспомнил музей Сальвадора Дали в Испании, где он был в прошлом году. Усмехнулся: здесь надо часы расплавленные на стену повесить да подпорочку поставить... Один в один будет. Полный сюрреализм.

Вокруг дома ходили люди, пять человек, в длинных, до пола, серо-голубых одеждах, словно сотканых из дыма или, что было привычнее осознавать, из тончайшей, нежнейшей материи, окутывавшей их множеством шелковых слоев. Волосы у всех длинные и светлые, и непонятно – мужчины это или женщины.

Федя замер за стволом дерева, наблюдая за необычной картиной. Внезапно люди исчезли, и не успел Литвинов что-нибудь сообразить, как они все в ту же секунду очутились вокруг него. Федя невольно вскрикнул. Еще страшнее стало, когда юноша увидел их лица. Теперь он вообще сомневался, люди ли это? Лица абсолютно белые. Не бледные, не накрашенные белым гримом, а именно белые. У всех огромные, круглые серые глаза без ресниц, широкий рот с бледными губами. Нос, как бы вдавленный в лицо, почти отсутствовал, бровей совсем не было.

Высокий мужчина небрежно и легко поднял руку, из воздуха в тот же миг образовалось множество тончайших серебряных нитей, они окутали Федины руки, мягко перевели их за спину, и, спустя мгновение, юноша понял, что связан, и очень крепко. Его будто заковали в прочнейший железный панцирь. Федя не на шутку испугался. Странные люди молчали, их лица не выражали ничего. Высокий мужчина сделал знак рукой, все двинулось по направлению к дому. Федя почувствовал, как ноги сами идут, вне зависимости от его воли...

Остановившись перед дверью, если так можно назвать некое подобие крутящейся воронки в стене, все как по команде подняли вверх правую руку, левую направили на Федю. В ту же секунду его с невероятной силой сдавило со всех сторон, крик сплюснулся в груди, так и не вырвавшись на свободу... Так же резко отпустило. Федя судорожно вдохнул воздух. Очевидно, они куда-то переместились. Юноша стоял в центре просторного зала, вокруг – его странные спутники, а перед ним из ниоткуда возник еще один такой же «человек» в ослепительно белых одеждах. Хотя... Он не такой же. Его волосы совсем белые. А вот глаза... У Феде ноги подкосились от страха. Глаза – тоже белые. Круглые глаза абсолютно белого цвета, без зрачков, без каких-либо признаков, что они вообще видят.

Человек вплотную подошел к Феде, поднял руки над его головой. Юноша не знал, куда спрятаться от внушающего ужас взгляда белых невидящих глаз. Феде казалось, его сканируют, словно ток проходил по телу. Через несколько минут, показавшихся подростку вечностью, человек опустил руки. Легкое, едва заметное движение пальца – и Федя ощутил, что свободен. В недоумении, он потер затекшие кисти.

Из ниоткуда появились два больших белых кресла. Человек знаком пригласил юношу сесть, тот повиновался.

– У него светлая суть, – произнес мужчина мягким, глубоким и очень красивым голосом, обращаясь к стоящим вокруг «людям», которые привели сюда Федю. – Много страха. Есть непрощенные обиды и гнев, но сути это пока не закрывает. Пока. Имея огромный потенциал, он даже не подозревает, на что способен. Однако его душа в равной степени может выбрать как Свет, так и Тьму и либо подняться до самых высот, либо опуститься в глубины мрака. Я разрешаю ему доступ к Ключу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.